

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Удмуртский Государственный университет»

На правах рукописи

Скобелев Александр Васильевич

**«ЛЮДИ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА VI- ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII вв.**

07.00.02 - Отечественная история

*Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

Научный руководитель:
д.и.н., доцент В.В. Пузанов

Ижевск - 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Социальная сущность людей в восточнославянском обществе VI - IX вв.	34
§1. Некоторые черты общественного строя восточных славян в VI - IX вв.	34
§2. <i>Люди</i> в социальной структуре восточнославянского общества в VI - IX вв.	48
Глава II. <i>Люди</i> в древнерусском обществе X — первой трети XII вв.	69
§2. <i>Люди</i> в древнерусской семье	69
§3. <i>Люди</i> и сельская община	74
§4. <i>Люди</i> и городская община	88
§5. <i>Люди</i> и военная организация	123
Глава III. <i>Люди</i> в контексте взаимоотношений с представителями неполноправных социальных категорий.....	135
§ 1. <i>Люди</i> и <i>смерды</i>	135
§ 2. <i>Люди</i> и <i>челядь</i>	147
§ 3. <i>Люди</i> и <i>холопы</i>	152
§ 4. <i>Люди</i> и <i>закупы</i>	158
§ 5. <i>Люди</i> и <i>изгои</i>	162
Заключение	166
Список использованных источников и литературы.....	174
Список сокращений	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема восточнославянского социогенеза является одной из наиболее актуальных и спорных в историографии. Особую дискуссию вызывают начальные этапы отечественной истории, связанные со становлением стратифицированного общества и раннегосударственных образований. Во многом это обусловлено скудостью источников, сложностью извлечения и противоречивостью содержащейся в них информации. Поэтому совершенствование методов источникового анализа, поиск новых ракурсов изучения проблемы находятся в центре внимания исследователей-медиевистов. Особое значение в этой связи приобретает изучение отдельных слоев населения в контексте сложной системы социальных связей и динамике исторического развития. Другой резерв – анализ всех упоминаний о конкретной социальной группе, с учетом обстоятельств использования книжниками и семантики обозначающих ее терминов.

К числу структурообразующих в социальной системе восточнославянских потестарных образований и Древнерусского государства, относится категория населения, обозначаемая термином «люди». По доминирующему мнению исследователей, *люди* – наиболее массовая группа восточнославянского общества, непреходящий участник социально-политических коллизий рассматриваемого времени. В то же время, это дифференцированная, сложная по имущественному и социальному статусу группа, требующая более детального исследования. Можно с уверенностью утверждать, что от реконструкции социального облика «людей», выяснения их места и роли в системе социальных связей напрямую зависит характеристика общественной природы восточнославянских потестарных и политических объединений VI – первой трети XII вв.

Степень изученности. Отечественная историография позволяет наметить три этапа в изучении вопроса о *людях*. Первый, «дореволюционный», охватывает период с конца XVIII в. до 1917 г. Он характеризуется многооб-

разием взглядов на социальную сущность и место *людей* в общественной системе Древней Руси. Следующим этапом стал период советской исторической науки – с 1917 до начала 90-х гг. XX века. Отличительной чертой этого периода являлось доминирование марксистской методологии, акцентировавшей внимание на исследовании социально-экономических процессов в восточнославянском обществе, в силу чего научный интерес к истории народных масс, в том числе и *людей*, усилился (особенно при рассмотрении сюжетов о деятельности вече и классовой борьбы). С начала 90-х гг. XX начался современный этап, характеризующийся методологическим плюрализмом исследований и расширением их тематики, в первую очередь за счет изучения отдельных страт *людей* (*градские, нарочитые, лучшие* и др.).

Дореволюционные историки определяли сущность *людина* скорее интуитивно, под общим впечатлением. Например, И.Н. Болтин в XVIII веке описывая социальный строй Руси, говорил, что «народ русский, в самой древности, разделялся токмо на 2 сословия, на бояр и людей Выключая рабов... Под названием муж разумелись первые, сиречь люди знатные по роду и по богатству, а под названием людин все вообще свободные, разделяющиеся на многие степени, по различию званий и служений... и для того цена за голову мужа, т.е. боярина положена вдвое против людина...»¹. Взгляд Н.И. Болтина на *людей*, как на одно из свободных «сословий» наряду с *боярами* (*мужами*) получил достаточно широкое распространение в последующей историографии.

Точно так же думал и Н.М. Карамзин, относивший к *людям*, правда, не только славян, но и варягов: «за всякого людина, т.е. свободного человека русского (варяжского племени) или славянина, 40 гривен или виру»².

В таком смысле упоминал *людей* и С.М. Соловьев, говоривший о них, как о простом рядовом населении, в противоположность княжескому окружению. В этом смысле *людин* приравнивался историком к *смерду*³.

¹ Цитируется по изданию: Правда Русская. Комментарии. М.-Л., 1947. Т.2. С. 16.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1998. Кн.1. С. 204.

По мнению, К.Н. Бестужева-Рюмина, термин «люди» обозначал все земское население, кроме дружины и, разумеется, князей⁴.

Как свободных членов общества их рассматривал и В.О. Ключевский, писавший о *людях* как о «податном простонародье», представленном как горожанами, так и селянами и связанными круговой порукой⁵.

Сходный взгляд на *людей* развивал и С.Ф. Платонов, считавший, что они представляли собой основную массу свободного населения, которое занимало промежуточное положение между привилегированной верхушкой и рабами. Постепенно, с развитием общественных отношений и усложнением социальной структуры, *люди*, по мнению исследователя, стали делиться «на горожан (купцы, ремесленники) и сельчан, из которых свободные назывались смердами, а зависимые – закупами»⁶.

Другой, более широкий взгляд на *людей* предложил И.Д. Беляев. Историк увидел на Руси до призвания Рюрика два класса *людей* – *лучших людей*, превратившихся потом в *бояр*, и «особое сословие, получившее в последствии общее название крестьян, людей»⁷. Во времена Русской Правды последние именовались еще и *смердами*⁸. «Страшное различие» в социальном положении объяснялось, по мнению историка, неравенством сил и способностей, а также других условий⁹. Таким образом, И.Д. Беляев в разряд *людей* зачислил и *бояр*.

Эта точка зрения на социальную сущность *людей* также нашла своих сторонников. В связи с этим обращают на себя внимание рассуждения В.И. Сергеевича. Исследователь ведет речь о полисемичности термина «*люди*», трактуя его как в самом широком смысле (население всей земли «за единст-

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения : В 18 кн. М., 1993. Кн.1. С.210.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С. 115.

⁵ Ключевский В.О. История сословий в России : Полный курс лекций. Мн., 2004. С. 41.

⁶ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 82 – 84.

⁷ Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М., 1860. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 7.

венным исключением лиц княжеского рода)), так и в узком (люди, поступившие на службу к князю, которые «под именем “дружины” или “княжих мужей” начинают противопоставляться “людям” вообще»¹⁰). Помимо этого исследователь указал еще на ряд значений: это и «всё население судного округа», этот же «всеобъемлющий термин служит составителям Русской Правды и для обозначения свидетелей вообще»¹¹. Похожие значения, по мнению В.И. Сергеевича, были и у слова «муж». Эти же слова, «употреблявшиеся для обозначения всего населения в совокупности, служили и для обозначения разных его слоев... Для обозначения людей высшего слоя служили прилагательные: лучший, вячий, больший, старший, нарочитый; низшего: мелкий, меньший, простой, черный»¹². *Смердов* автор относил к низшему слою *людей*, однако считал, что само слово «смерд» многозначно и применяется для обозначения и всего населения¹³.

Причины такой градации В.И. Сергеевич видел в том, что «каждый имел право на все, но одному удавалось больше, чем другому, а потому он и выделялся как человек “лучший”, кто оставался позади всех, тот характеризовался эпитетом, “меньшого” человека. Таким образом, возникла целая лестница качественных различий одного и того же рода свободных людей. Ступени этой лестницы не были замкнуты»¹⁴.

М.А. Дьяконов, пытаясь выявить социальный облик *людей*, указывал, что «древние памятники обозначают свободное население терминами “людие” или “мужи”», когда речь идет о населении всей земли или какого-либо пункта поселения¹⁵. Автор обратил внимание на качественные характеристики, отражающие социальную градацию в среде *людей*: «когда было необхо-

¹⁰ Сергеевич В.И. Древности русского права. Территория и население. М., 2006. Т.1.С. 154.

¹¹ Там же. С. 153.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Там же. С. 157.

¹⁴ Там же. С. 152.

¹⁵ Дьяконов М.А. Очерки общественного государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 70.

димо среди всей массы свободного населения указать ту или иную группу, современники старались отметить качественные признаки данной группы, присоединяя к терминам “*людие*” или “*мужи*” характеризующие их положение определения: “лучшие”, “старейшие”, “вятские”, “передние”, “нарочитые”; или: “молодые”, “меньшие”, “мезинни”, “простые”, “черные”»¹⁶.

Собственно само свободное население ученый делил на три класса, которые различались между собой более фактически, чем юридически¹⁷. Высший класс свободного населения, обозначаемого как *лучшие люди* слагался из двух элементов: местные *лучшие люди* (огнищане и бояре) и члены княжеской дружины (княжеские мужи и княжеские бояре). Непереходимой границы между этими элементами не было¹⁸. К среднему классу, по мнению исследователя, относились лица разных общественных положений. Таким образом, в трактовке М.А. Дьяконова к *людям* относились самые широкие слои древнерусского свободного населения. Политическая активность *людей*, находила свое выражение в деятельности веча («на вече имеет право присутствовать каждый свободный, хотя отнюдь к тому не обязан: участвовали только желающие»)¹⁹.

Эти два исследовательских подхода роднил взгляд на *людей*, как на свободное население. Не все дореволюционные историки разделяли точку зрения о том, что *люди* – свободное население. Особого мнения придерживался А.Е. Пресняков. Так, по мнению ученого, «слово “люди” в Древней Руси всегда означало низшее население, массу подвластную в противоположность свободным “мужам”»²⁰.

¹⁶ Дьяконов М.А. Очерки ... С. 71.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 79.

¹⁹ Там же. С. 101.

²⁰ Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории XI – XII веков. М., 1993. С. 361.

Важный вклад в изучение *людей* внесли филологи. И.И. Срезневский наиболее полно рассмотрел весь спектр значений слова «люди»: люди; народ, люди; низший слой населения; слуги, челядь, рабы; свидетели; миряне²¹.

Итак, дореволюционная историография впервые обратила внимание на социальную категорию древнерусского населения, обозначаемого термином «люди». Выработались основные подходы к трактовке социальной природы *людей* древнерусских источников. Абсолютное большинство исследователей трактовало людей как свободных членов общества. Но был и другой взгляд на *людей*, как на зависимых. Несомненным достоинством исторической науки этого периода стало обращение к изучению качественных характеристик (*лучшие, нарочитые, добрые, черные*), определяющих различный социальный статус *людей*. В работах дореволюционных авторов прослеживаются попытки нащупать точки соприкосновения *людей* и *смердов*.

Несмотря на достигнутые успехи, рассматриваемая проблема оставалась на периферии исследовательских приоритетов дореволюционных авторов: *людям* были посвящены краткие пассажи, как правило, редко превышающей объем одной фразы. Минимальный интерес проявляли исследователи к роли *людей* в социально-политических коллизиях Древней Руси.

Этот недостаток восполнила советская историография. С утверждением марксистской методологии в исторической науке усилился научный интерес к роли народных масс в истории. В связи с этим, термин «люди» гораздо чаще, чем раньше стал оказываться в поле зрения историков, особенно при рассмотрении деятельности *вече* и классовой борьбы в Древней Руси. В основном это касалось тех работ, которые затрагивали социально-экономические процессы Древней Руси – генезис феодализма, формирование крупного землевладения, появление городов и др. Формационный подход к историческим процессам наложил свой отпечаток и на понимание *людей* советскими историками. Они, считая *людей* рядовым населением древнерус-

²¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т.2.С. 94.

ских сел и городов, противопоставляли их, таким образом, классу феодалов (*боярам*). Дискуссии развернулись и по линии определения принадлежности *людей* к городскому или сельскому населению Древней Руси.

Вопрос о *людях* затронул в своей работе (редактором которой был Б.Д. Греков) Г.Е. Кочин, предположивший, что под *людьми* скрывались, чаще всего, представители городского населения²².

М.Н. Тихомиров, также как и Г.Е. Кочин, видел в *людях*, главным образом, горожан, играющих существенную роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII–XIII веков. По его мнению «источники XI–XIII вв. говорят о резком антагонизме между господствующим классом феодалов и трудящимся населением в деревнях и городах. В то время как феодалы именуется в летописи боярами, гридями, княжескими мужами и т.д., остальная масса населения обозначается общим названием “людей”, “людинов”»²³. Исследователь подчеркивал довольно активную политическую позицию «людей», которая часто влияла на решения князя: «“Люди” гораздо чаще “думали” вместе с князем, чем это представляется в нашей литературе»²⁴. Исследователь считал *людей* основным элементом восстания 1068–1069 годов, и других проявлений классовой борьбы²⁵. Касаясь проблемы «черных людей», М.Н. Тихомиров высказал предположение, что под ними скрывалась основная масса горожан – ремесленников и торговцев: «Основная масса городского населения – ремесленники и мелкие торговцы – и составляла тех “черных людей”, об участии которых в вечевых собраниях говорят новгородские летописи уже с начала XIII века. Вечевое собрание 1068 года в Киеве был собранием “людей”, а вовсе не феодальной верхушки»²⁶.

²² Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М., Л., 1937. С. 177.

²³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI – XIII вв. М. 1955. С. 57.

²⁴ Тихомиров М.Н. Древнерусские города ... С. 224.

²⁵ Там же. С. 219.

²⁶ Там же. С. 222.

Несколько иной взгляд на проблему развивал Б.Д. Греков. Он отождествлял *смердов* и *людей*²⁷ и под ними «разумел» «основную массу сельского населения Древней Руси, не попавшую в частновладельческую зависимость и подчиненную только государству»²⁸.

В.В. Мавродин поддержал этот взгляд и считал, что *люди* – это эквивалент сельского населения, данников. «Следует отметить – писал он, – что в глубокой древности для обозначения его существовал один термин “люди”. Термин “люди” в обозначении сельского населения, несомненно, уходит в первобытную древность и среди славян было широко распространено от Ладожского и Онежского озер до Балкан и Эгейского моря... обозначало сельское население в целом»²⁹. С течением времени термин «люди» приобретает статус зависимых и вытесняется в обозначении сельского населения термином «смерд». В.В. Мавродин утверждал, что «такое социальное значение термина “люди” сохранилось и позднее, когда в XVIII–XIX веках говорили о крестьянах, дворовых и прочих, каких-нибудь Шереметьевых и Юсуповых, как о их людях»³⁰.

Более широко трактовал данную социальную категорию С.В. Юшков: «Возникает вопрос: как назывались эти свободные общинники в X – XII веках. И здесь для нас несомненным представляется, что они назывались людьми ... есть достаточные основания полагать, что свободные общинники, да и вообще все свободные люди в Киевском государстве, носили название «людей» (от слова «людин»)»³¹. По мнению исследователя, «люди» бывают и городскими, и сельскими. Причем, первые имеют гораздо большие привилегии: в отличие от сельских, городские платят не дани, а только «торговые

²⁷ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1952. Кн. 1. С. 21
Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 2006. С. 313.

²⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 2006. С. 279.

²⁹ Мавродин В.В. Очерки истории СССР: Древнерусское государство. М., 1956. С. 73.

³⁰ Там же. С. 74.

³¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 267.

пошлины»³². Таким образом, С.В. Юшковым была озвучена компромиссная позиция, которая потом нашла поддержку у ведущих отечественных исследователей.

Сходный взгляд на социальную сущность *людей*, исходя из своей концепции государственного феодализма, развивал и Л.В. Черепнин. В нескольких своих работах он осуществил специальный терминологический анализ слова «люди». По мнению Л.В. Черепнина, в ранних упоминаниях этот термин охватывал широкие слои как городского, так и сельского населения³³. С течением времени с утверждением феодализма в IX – XI вв. термин “люди” приобрел значение феодально-зависимого крестьянства, эксплуатируемого государством путем сбора дани или частными феодалами путем привлечения к барщине или взимания оброка»³⁴.

Со временем, Л.В. Черепнин вносит некоторые добавления и уточнения в свои положения: «термин “люди” наряду с общим широким значением селян имел и более узкий смысл: горожане и даже рядовая масса горожан, простые люди, торгово-ремесленное население города, “черные люди”»³⁵.

По С.А. Покровскому, термин «люди» обозначал «всю массу свободного населения в целом, соответствуют по своему значению летописным выражениям «все кияне», «полочане», «ноугородцы» и т.п.»³⁶.

Серьезную заявку на решение вопроса о *людях* сделал И.Я. Фроянов – автор концепции об общинно-демократическом характере социально-политической системы Киевской Руси³⁷. Проанализировав историографию вопроса и источники, он указал на изначальную полисемичность этого тер-

³² Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 267.

³³ Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки (далее - ИЗ). М., 1956. Т. 56. С. 236.

³⁴ Там же. С. 169.

³⁵ Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // ИЗ. Т. 89. М., 1972. С. 379.

³⁶ Покровский С.А. Общественный строй древнерусского государства // Труды Всесоюз. заочн. юрид. ин-та. М., 1970. Т. 14. С.61.

³⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 118 – 121.

мина: «...слово “люди” в Киевской Руси второй половине XI–XII веков сохраняют свою многозначность: народ (этнос или население в широком смысле слова), простой народ (демос), социальная верхушка (бояре, купцы, княжеское окружение). Сквозь эту семантическую пестроту пробивается, все же, основное значение термина “люди”, “людьє” – масса рядового свободного населения как городского, так и сельского»³⁸.

Причины многозначности термина И.Я. Фроянов объясняет особенностями социально-экономического и политического развития Древней Руси: «Смысловая связь слова “люди” с демократическими по преимуществу кругами населения Древней Руси конца XI–XII веков указывает на углубление, по сравнению с предшествующим периодом, социального размежевания знати и низов свободного общества. Однако полный разрыв между господствующей верхушкой не произошел, ибо становление классов на Руси еще не завершилось. Это как раз и являлось коренной причиной полисемии термина “люди”»³⁹. Выясняя причины появления качественных характеристик И.Я. Фроянов пишет: «поскольку имущественное расслоение имело место, а общество было ранжированным, то есть разделенным на социальные группы, отличающиеся по положению в общественно-политической структуре с вытекающими отсюда различиями в правах и обязанностях, то в источниках для обозначения демократического слоя населения и знати наряду с одиночным, как мы знаем, выражением “люди”, используются словосочетания: “простые люди”, “черные люди”, “вятские люди”, “добрые люди”, “первые люди” и т. д.»⁴⁰.

М.Б. Свердлов также ведет речь о *людях* как о свободном населении сел и развивающихся городов⁴¹.

Заслуга изучения *людей* принадлежит не только историкам. Важнейшие сведения об этимологии слова *люди* можно почерпнуть и в трудах советских

³⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 121.

³⁹ Там же. С. 124.

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества. М., 1989. С. 49.

филологов⁴². В.В.Колесов в книге «Мир человека в слове Древней Руси» предпринял попытку объяснить причины многозначности рассматриваемого термина. Он считает, что термин «люди» означал изначально свободных людей, «а конкретные значения появляются в определенных контекстах, при этом, сохраняется синкретический смысл древнего термина родового быта»⁴³. Со временем, с развитием социальных отношений и появлением социальной дифференциации, происходило изменение его смысла, который теперь «легко установить по тем уточняющим определениям, которые каждый раз конкретизируют понятие “люди”»⁴⁴.

Итак, советская историография внесла огромный вклад в исследование *людей*: их сущности, места и роли в социально-политической системе Древней Руси. После исследований ряда советских авторов вряд ли возможно сомневаться, что *люди* – свободные члены древнерусской общины. Принадлежность их и к сельскому, и городскому населению одновременно, также не вызывает сомнений. Важной заслугой советской исторической науки стало появление обзоров историографического характера о *людях*. Довольно большой вклад внесли филологи: благодаря их исследованиям стало возможно взглянуть «вглубь» истории этого термина и проследить семантические оттенки в различных ситуациях.

В то же время исследователи разошлись в трактовке места и роли *людей* в восточнославянском социуме, что во многом определялось концептуальными предпочтениями авторов.

Постсоветская историография характеризуется освобождением от идеологических догм, привлечением новых методов исследования (микроистория, методы школы «Анналов» и т.д.). На основе этих подходов, больше

⁴² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986 ; Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971 ; Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *selovekь* ‘человек’ // Этимология, 1973. М.1975; Дегтярев В.И. О происхождении слова *люд* // Этимология, 1979. М.,1981.

⁴³ Колесов В.В. Мир древнего человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 140.

⁴⁴ Там же. С. 142.

внимание стало уделяться изучению социальной терминологии, отдельным социальным стратам, их менталитету. Все чаще историками указывается на существование различных (как в имущественном, так и в социальном отношении) микрогрупп в составе *людей*⁴⁵.

Известный исследователь истории городов Древней Руси В.П. Даркевич рассмотрел такую социальную страту как *градские люди*. Расшифровывая это понятие, он отмечал, что социальная структура города очень сложна, что она представляла собой «конгломерат из различающихся по разным признакам людских коллективов; действительность была гораздо пестрой, чем в зачастую упрощенных построениях историков. “Мужи” и “людие” – все свободные – составляли многочисленные макро- и микрогруппы в соответствии с политической или профессиональной дифференциацией»⁴⁶. Подавляющее большинство жителей (т.е. *людей*) древнерусского города составляли торгово-ремесленное население города, а также семьи, занимавшиеся сельским хозяйством⁴⁷.

Людей градских рассматривал и В.П. Лукин в одной из своих работ⁴⁸. На основании летописных источников он пришел к выводу о том, что «“люди градские” – это, прежде всего, полноправные свободные горожане и, как свидетельствуют некоторые косвенные данные, имевшие определенное имущество, “имение”». Исследователь говорит, что «люди градские» принимали активное участие в социально-политической деятельности «недружинных» слоев общества. Одной из форм этого участия в политической жизни страны

⁴⁵ Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси: XI – XIII вв. // Культура славян и Русь. М., 1999. С. 105 ; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999. С. 33 – 34 ; Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: Эпоха и память: исторические очерки. СПб., 2009. С. 11 ; Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI – XIII вв. М., 2007. С. 216 – 220 ; Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М., 2009. С. 236 – 237 и др.

⁴⁶ Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси ... С. 105.

⁴⁷ Там же. С. 126.

⁴⁸ Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 129.

было вече⁴⁹. Сельское население, по мнению В.П. Лукина, в деятельности вече участия не принимало. Этот же автор статье посвященной «воям» проводит соотношение между *людьми* и *воями* и показывает, что далеко не всегда под *воями* можно предполагать *людей*. «Оно (слово «*вои*» – А.С.) может прилагаться к совершенно разным объектам: дружине, всему войску, части войска, наемникам. Часто слово «*вои*» использовалось в источниках с целью подчеркнуть непостоянный, нерегулярный характер войска»⁵⁰.

О месте и роли *людей градских* в социально-политической системе Руси ведет речь и А.Н. Поляков⁵¹. Он указывает на общину горожан, как на коллективного земельного собственника города и волости. «В совокупности все источники показывают, что городская община в лице вече полностью распоряжалась всем земельным фондом города и волости. Существование верховной собственности на землю города-общины предполагает, что частное и совместное землевладение на Руси обусловлено принадлежностью земельных собственников к городской общине»⁵².

Вызвали интерес и другие качественные характеристики, сопровождающие *людей*. В.В. Пузанов рассматривал такие понятия как *лучшие*, *нарочитые*, *смысленные*, *мудрые*, *добрые*, отражавшие, прежде всего, качественную градацию *людей* сквозь призму «иерархии князей, общин, территорий и этнических групп»⁵³. Резюмируя свои наблюдения, ученый отмечал: «понятия ”добры”, ”мудры” и ”смыслены” в том виде, в котором применяются, обладают не только ярко выраженной позитивной семантикой, но и, если так можно выразиться, ”абсолютным”, ”безотносительным” качеством. Тогда как ”лучшие” и ”нарочитые” – качества относительные. Можно, например, быть

⁴⁹ Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» ... С. 129.

⁵⁰ Лукин П.В. Древнерусские «вои». IX – начало XII в. // Средневековая Русь. М., 2005. Вып. 5. С. 58.

⁵¹ Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // ВИ. 2006. № 9. С. 67 – 86.

⁵² Там же. С. 69.

⁵³ Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 564 – 573.

“лучшим” и среди живших “звериным образом” “племен”, и даже печенегов, откровенно находящихся внизу на выстраиваемой летописцем “этнической лестнице” престижа. С этой точки зрения даже у заведомо непрестижных этнополитических общностей могли быть свои “лучшие” и “нарочитые”. Но среди них не могло быть “добрых”, “смысленных” и, тем более, “мудрых”⁵⁴.

Еще одной характерной чертой постсоветской исторической науки стал намечающийся отход от рассматривания *людей* в русле противопоставления крестьян-общинников и феодалов, имевшего место в советской науке.

Возрождая идеи дореволюционной историографии, В.П. Даркевич замечает, что границы между различными категориями *людей* были довольно размыты и часто условны⁵⁵.

Об отсутствии «единого критерия выделения групп» в целом и *людей* в частности пишет и В.В. Долгов: «в повседневной жизни осознание “классового единства” встречалось, по-видимому, крайне редко, так как горизонтальное социальное размежевание почти всегда оказывалось слабее вертикальных связей: во время частых межгородских или межпартийных столкновений “свой” людин был для представителя знати гораздо ближе и “родней” вражеского боярина»⁵⁶.

О неоднозначности в целом социальной терминологии в семантике летописного нарратива, пишет Т.Л. Вилкул, указывая на то, что эпитеты «вячшие» и «меньшие» не всегда указывали на точно заданную социальную страту, и некоторые социальные обозначения были условны⁵⁷. Условен был, по мнению Т.Л. Вилкул, и термин *людин*, обозначающий довольно большое количество социальных объектов⁵⁸. Исследователь предполагает, что этот термин (равно как и «черниговцы», «полочане», «кияне» и т.д.) был репрезента-

⁵⁴ Пузанов В.В. Древнерусская государственность ... С. 569 – 570.

⁵⁵ Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси ... С. 105.

⁵⁶ Долгов В.В. Быт и нравы. Миры повседневности XI – XIII вв. М., 2007. С. 225.

⁵⁷ Вилкул Т.Л. Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII – XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2004. Вып.5. С. 59 – 86.

⁵⁸ Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М., 2009. С. 40.

тивен, т.е. мог обозначать некую общность (знатных), которая вполне могла обозначать все общество, а в «известных случаях даже князь становился репрезентантом земли»⁵⁹.

Итак, основным результатом научных изысканий постсоветской исторической науки стал все более явственно намечающийся отход от трактовки *людей* как рядового городского, так и сельского населения. Все чаще историками указывается на стратифицированность *людского* населения. В актив современной историографии можно занести и более детальное (по сравнению с предыдущим периодом) изучение социальных микрогрупп *людей*. Увидели свет исследования, посвященные различным ипостасям *людей* в различных социально-политических коллизиях (*люди* и *вои*, *люди* и городская община). Вновь исследователи обращаются к семантике этого многозначного слова. Такой поворот в направлении исследовательского поиска вполне закономерен, потому что «пересмотр принятых концепций должен начинаться с переосмысления ключевых понятий»⁶⁰.

Несмотря на очевидные успехи, обусловленными освобождением научной мысли от сковывающих ее жестких методологических рамок, состояние современной российской историографии по этому вопросу не позволяет говорить об исчерпанности темы: к настоящему времени обобщающих работ, посвященных *людям* в системе социальных связей восточнославянского общества, так и не появилось. В попытках решения вопроса о *людях* не учитывался весь корпус письменных и вещественных источников. Минимальный интерес вызывал механизм формирования полисемичности термина. К одному из устойчивых историографических стереотипов современной исторической науки (впрочем, как дореволюционной, так и советской), не находящих опоры в источниках, следует отнести существующий взгляд на тождествен-

⁵⁹ Вилкул Т.Л. Люди и князь ... С. 237.

⁶⁰ Стефанович П.С. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 9.

ность *людей* и *смердов*⁶¹. Практически не затрагивалась проблема взаимоотношений *людей* и церкви (а она вполне может вылиться в отдельное монографическое исследование). Кроме того, вопрос о *людях* не рассматривался в контексте взаимоотношений с другими слоями населения (*мужи, чадь, изгои, смерды, бояре* и т.д.). Таким образом, поднимается довольно внушительный пласт сопутствующих, уже «устоявшихся» проблем (например, проблема *смердов, закупов, верви, семьи*, в целом общественного строя домонгольской Руси).

Полностью охватить весь спектр вопросов, так или иначе, связанных с *людьми*, в одном исследовании, конечно, не представляется возможным, потому **цель исследования** гораздо уже. Она заключается в **реконструкции социального облика категории населения, обозначаемого термином «люди», определение ее места и роли в системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XII вв.**

Достижения поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- 1. выявление социальной сущности *людей*, их места в социальной структуре восточных славян VI – IX вв.;**
- 2. рассмотрение *людей* в системе социальных связей восточнославянской семьи, сельской и городской общины в X – первой трети XII вв., а также военной организации;**
- 3. рассмотрение *людей* через контекст взаимоотношений с неполноправными социальными категориями (*смердами, челядью и др.*).**

Хронологические рамки

Нижняя временная граница исследования обусловлена появлением первых достоверных сообщений письменных источников о славянах, началом их масштабного расселения в Европе, в ходе которого закладывались особенности восточнославянского социо- и политогенеза. Верхняя граница

⁶¹ Свездлов М.Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI – XIII вв. Саратов, 2002. С. 69.

(первая треть XII в.) определяется важным рубежом в социально-политическом развитии древнерусского общества, связанным с завершением процесса распада Киевской Руси и формированием городов-государств.

Объектом исследования является система социальных связей у восточных славян.

Предметом исследования стали *люди* – одна из категорий населения восточнославянского социума в VI – первой трети XII вв.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, научной объективности, системности.

Одним из наиболее важных для работы является принцип историзма, в основа которого зиждется подход к действительности как к развивающейся, меняющейся во времени системе, где объекты исследования должны рассматриваться в их историческом развитии, в связи с конкретными условиями их существования.

К числу особо значимых относится и принцип научной объективности, который предполагает рассмотрение каждого объекта и явления в его многогранности и противоречивости. В диссертационной работе этот принцип выразился в освещении фактов социальной жизни восточных славян (в первую очередь, *людей*) исследуемого времени с различных сторон, точек зрения.

При раскрытии темы использовался системно-структурный подход, который позволяет изучать взаимосвязи между всеми признаками определенного явления, изменения во взаимосвязях между признаками или в структурах во времени. Таким образом, системность в данном исследовании призвана отразить сложные, взаимообусловленные отношения социальной категории «люди» в системе социальных связей восточнославянского общества с VI по первую треть XI вв.

В данном исследовании применялся ряд общеисторических методов. Историко-генетический метод позволил описать существенные свойства и

функции рассматриваемых социальных категорий (в первую очередь *людей*) и социальных институтов в исторической динамике на протяжении VI – первой трети XII в. Историко-сравнительный метод применяется в этом исследовании, главным образом для сопоставления таких социальных институтов древнерусского общества как семья, община. Неполные, фрагментарные сведения о *людях* на раннем этапе славянского социума вынудили обратиться к методу аналогий. В основном он применялся для половозрастной характеристики низовых общественных структур славян в VI – первой трети XII в. Многие умозаключения в данной работе сделаны на основе историко-системного метода. С его помощью удалось нарисовать теоретическую картину социальных связей *людей* в общественной системе восточных славян с, а также их сложных взаимоотношений с другими социальными группами (*смердами, закупами* и т.д.). Ретроспективный метод использовался в случаях, когда недостаток информации о семье, общине периода X – первой трети XII вв. вынуждал обращаться к известиям более позднего времени и экстраполировать полученные выводы на изучаемую эпоху. Важнейшим стал и метод терминологического анализа, позволяющий раскрыть сущность терминов, обозначающих социальные категории восточного славянства.

В исследовании широко использовалась методология школы «Анналов». Здесь речь идет, прежде всего, о междисциплинарном подходе, позволяющем делать выводы о восточнославянской общественной структуре на основе суммы знаний, выявленной с помощью различных наук (этнографии, лингвистики, археологии). Творческий «диалог историка с источником», т.е. вдумчивой разработки предварительного списка вопросов, актуального в ситуации скудости информативной базы имел большую значимость при изучении сюжетов о *смердах, верви, закупах, дружине* и проч.

Источниковая база

Поставленные цель и задачи обусловили и выбор источников. Комплекс источников для решения поставленных задач вполне традиционен для

исследования социальной истории восточных славян VI – первой трети XII вв. Источники можно разделить на несколько групп: летописные, законодательные, учительная литература, послания, агиографические, берестяные грамоты, источники иностранного происхождения, материалы археологических раскопок, этнографические данные, топонимический материал.

Важнейшую роль для характеристики социальной сущности *людей* имеют **летописные** источники, именно там содержится подавляющее большинство сообщений о них. Летописи позволяют скорректировать наши представления о *людях*, их месте и роли не только в социальном, но и политическом пространстве Руси. Летописные источники позволяют проследить динамику изменения смысла термина «люди», его основные семантические оттенки. Без учета летописного нарратива трудно судить и о градациях в структуре самих *людей*. Невозможно и полностью раскрыть все богатство взаимоотношений *людей* и представителей других социальных групп (*смердов, челяди* и др.).

Изучение летописей ведется учеными уже довольно длительное время. За этот период накопилось огромное количество источниковедческих работ. Рассмотрение их даже в виде краткого обзора составило бы целое исследование⁶².

Среди русских летописей особое место занимает Повесть временных лет (далее ПВЛ). ПВЛ известна в трех, незначительно отличающихся друг от друга редакциях (первоначальной, Лаврентьевской и Ипатьевской), относящихся к 10-м гг. XII в. Последние две редакции дошли до наших дней в составе Лаврентьевской (далее ЛЛ) и Ипатьевской (далее ИЛ) летописи. Время создания единственного из сохранившихся списков Лаврентьевской летописи

⁶² См., например: Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002 ; Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996 ; Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской земли. Л., 1967 ; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. Очерки и исследования. М., 1969 ; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976 ; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977 ; Муравьева Л.Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983 и др.

(Лаврентьевского) относится к 1377 г., древнейший из сохранившихся списков Ипатьевской летописи (Ипатьевский) относится к концу 10-х – началу 20-х гг. XV.

Состав ПВЛ очень сложен. Автор использовал ряд переводных источников (Книга Иосиппон, Летописец вскоре константинопольского патриарха Никифора и др., но в наибольшей степени «Хронику Георгия Амартола», созданный около 867 г.), а также оригинальные источники, которые включали в себя и устные легенды⁶³.

Достоверность большинства известий XI – начала XII вв. сомнений не вызывает. Более актуальным является вопрос о степени достоверности сообщений, касающихся периода IX – X вв.

Известнейший исследователь русских летописей А.А. Шахматов полагал, что основу ПВЛ составлял так называемый Начальный свод, который был создан в 1095 году в Киеве и сохранился до нашего времени в составе Новгородской первой летописи (далее НПЛ)⁶⁴. Предшествовал ему так называемый Древнейший Свод 1037 года, который и был по версии А.А. Шахматова первым летописным сводом, вошедший впоследствии в состав Начального свода 1095 года. События за IX век в НПЛ не были еще разбиты на годы, повествование было монотематическим, и имело серьезные отличия от ПВЛ. В силу указанных причин А. А. Шахматов считал версию ПВЛ за IX в., недостоверной. Эти взгляды поддерживали такие видные исследователи как М.Д. Приселков, Л.С. Лурье и ряд других авторов.

В то же время многие историки, такие как Л.В. Черепнин, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, А.Г. Кузьмин отмечают, что сообщениям ПВЛ, в том числе и древнейшим вполне можно доверять.

Оценивая древнейшие сведения НПЛ до сообщения 945 года о смерти Игоря, можно предположить базирование этих данных полностью на устной

⁶³ См. : Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. С. 312 ; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М. 2004. С. 190 – 193.

⁶⁴ Шахматов А.А. История русского... С. 23 – 30; 353.

традиции. В НПЛ отсутствуют все сообщения, составляющие обширное вступление ПВЛ (библейская родословная народов, рассказ о происхождении славян, повествование о нашествии аваров, топографическое описание земель восточных славян, сведения о «пути из варяг в греки», путешествие апостола Андрея по славянским землям). Судя по всему, составитель древнейшей части не использовал византийскую и болгарскую литературу. Стоит также отметить, что новгородская версия содержит достаточно противоречий как в абсолютной, так и в относительной хронологии событий по сравнению с ПВЛ⁶⁵.

Сведения об общественном строе восточных славян первой трети XII века можно получить на основании летописной традиции, продолженной в составе, уже упоминавшейся, Ипатьевской летописи (далее - ИЛ)⁶⁶ и Лаврентьевской летописи (далее - ЛЛ)⁶⁷. Исследования древнерусского летописания показали, что сведения, дошедшие в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, отражает в основных чертах – один и тот же источник – летописание, которое велось в Киеве на протяжении первой половины XII в.

Дополнительную информацию за XI – первой трети XII вв. предоставляют летописные статьи Новгородской четвертой летописи первой половины XV в⁶⁸. Отечественные летописеведы признают, что в состав Новгородской четвертой летописи вошли новгородские источники, отсутствовавшие у авторов НПЛ. Древнейшими списками являются: Карамзинский (первая треть XVI в.), Новороссийский (70-е гг. XV в) и Голицынский (начало XVI в.). Отдельные крупницы наших знаний были взяты из Софийской первой летописи старшего извода, представленного двумя списками (Список М.А. Оболенского и список Н.М. Карамзина)⁶⁹.

⁶⁵ Например: Дата 6352 (854) предшествует рассказу об основателях Киева – Кие, Щеке и Хориве. Получается, что Киев был основан в середине IX века, что противоречит археологическим данным, а также сведениям восточных авторов.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001.

⁶⁷ Там же. Т.1. М., 2001.

⁶⁸ Там же. Т.4. М., 2000.

⁶⁹ Там же. Т.6. М., 2000.

Законодательные источники играют огромную роль в освещении общественных отношений Киевской Руси, поскольку этот тип источников наиболее полно отражает социальную структуру. Он наполняет социальные термины более детальным содержанием.

Безусловно, важнейшим законодательным памятником Древней Руси стала Русская Правда (далее РП)⁷⁰. РП позволяет отметить существенные характеристики *людей* во взаимосвязях с неполноправными группами древнерусского населения (*закупами, рядовичами*). Именно этот источник предоставляет основные данные по взаимоотношениям *людей и верви*.

История изучения этого законодательного памятника прошла уже довольно длительный путь и объем исследований, посвященных РП, впечатляет⁷¹.

Две из трех редакций Русской Правды – Краткая (далее КП) и Пространная (далее ПП) – были созданы в домонгольское время.

К концу XI века оформилась краткая редакция РП (далее – КП). КП сохранилась в двух списках XV век (в составе НПЛ младшего извода) и 11 списках XVIII – XIX вв. Ее текст помещен в статье под 1016 годом после сообщения о том, что Ярослав Мудрый дал новгородцам Правду и Устав – за помощь в борьбе против Святополка Окаянного. Основным списком КП для настоящего исследования послужил Академический список середины XV века, подготовленный по академическому изданию⁷². Случаи толкования по иному списку КП (Археографическому) в тексте данной работы оговариваются особо.

⁷⁰ Правда Русская. Тексты. М.-Л., Т.1. 1940. Для удобства использования взято издание: Российское законодательство. X – XX вв. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т.1. С.36 – 63.

⁷¹ См., например: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 32–74 ; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя ... С. 47 – 59 ; Юшков С.В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 2002; Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953 ; Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. и др.

⁷² Правда Русская. Тексты ... С. 65 – 73 ; Российское законодательство ... С.27 – 132.

По структуре этот памятник исследователи традиционно делят на Древнейшую Правду князя Ярослава, Правду (Устав) Ярославичей, Покон вирный и Урок мостникам⁷³. Все эти части КП появились в разное время. Самой ранней из них является Древнейшая Правда. Ее нормы сохранили обычное право VIII–IX вв. Составление Древнейшей Правды большинство исследователей относят ко времени Ярослава⁷⁴. Время создания Правды Ярославичей относится к середине XI века⁷⁵. Покон вирный и урок мостникам, с небольшими расхождениями, исследователи относят ко второй четверти XI века⁷⁶.

Возникновение Пространной редакции РП (далее – ПП) П. М. Н. Тихомиров связывал с новгородским восстанием 1209 года и относил ее к началу XIII века⁷⁷. Однако обычно историками появление ПП относится к 20–30-м гг. XII века⁷⁸. Известно более ста списков этого памятника в составе Кормчих книг, Мерил Праведных и юридических сборников особого состава. Самыми ранними являются Синодальный список Кормчей (1282 г.) и Троицкий список Мерила Праведного (вторая половина XIV в.), прочие датируются XV – XVIII вв.

Все списки ПП объединяются в три вида (извода). Синодально-Троицкий вид (75 списков) имел новгородский протограф, возникший ранее последней четверти XIII в. Пушкинско-Археографический основывался также на новгородском протографе первой половины XIII в. Карамзинский вид возник уже в Московской Руси в начале XV века на основе одного из списков Пушкинско-Археографического вида, дополненного по спискам Синодально-Троицкого⁷⁹.

⁷³ Российское законодательство ... С. 36.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 37 – 38.

⁷⁶ Там же. С. 38.

⁷⁷ Тихомиров М.Н. Пособие ... С. 24.

⁷⁸ Российское законодательство ... С. 42.

⁷⁹ Тихомиров М.Н. Пособие ... С. 18.

ПП имеет самостоятельную основу, расширенную текстами КП (в переработанном виде) и Устава Владимира Всеволодовича Мономаха. В то же время М.Н. Тихомиров подчеркивает, что это «единый памятник, основанный на разнообразных материалах, но единовременно возникший»⁸⁰.

ПП чаще всего рассматривается как памятник новгородского гражданского законодательства, хотя количество списков и распространенность в различных юридических сборниках позволяют относить ее к общерусскому законодательству. Для данного исследования основным списком выступил Троицкий список второй половины XIV века⁸¹.

Среди публично-правовых актов выделяются международные договоры древней Руси, прежде всего, речь идет о договорах Руси с Византией X века, переведенных с греческих оригиналов и сохранившихся в составе ПВЛ⁸². Эти публично-правовые акты дают важнейшую информацию о социальной структуре восточнославянского общества для X века.

К особой разновидности публично-правовых актов следует отнести княжеские уставы: «Устав князя Владимира о десятинных судах и людях церковных», архетип которого сложился к началу – середине XII века⁸³. Документ определяет место церковной организации в государстве, источники ее материального обеспечения, сферы юрисдикции. Он основан на соглашении между церковной и государственной властями. Этот документ известен в семи редакциях и более чем в двухстах списках. Самыми старшими редакциями являются Оленинская (XII век) и Синодальная (XIII век).

Большинство современных исследователей разделяет мнение о принадлежности общей основы сохранившихся текстов Устава к домонгольскому времени, и считают, что главным источником являлась грамота князя Владимира Святославича начала XI века (о выделении десятины церкви Свя-

⁸⁰ Тихомиров М.Н. Пособие ... С. 23.

⁸¹ Правда Русская. Тексты ... С. 87 – 99, 104 – 117 ; Российское законодательство ... С. 64 – 128.

⁸² Памятники русского права (далее - ПРП). М. 1952. Вып. 1. С. 6 – 70.

⁸³ Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв (далее - ДКУ). М., 1976. С. 12.

той Богородицы в 995–996 годах), подтвердившая ряд привилегий церковной организации на Руси. Устав продолжал развиваться и складываться в XI–XII веках вместе с укреплением и расширением церковной организации. В него были включены перечни церковных судов и церковных людей. Архетип, лежащий в основе существующей редакции (Оленинской), сложился в середине или второй половине XII века. Наиболее близкая к архетипичному тексту Оленинская редакция⁸⁴, она относится к концу XII – первой половине XIII века⁸⁵.

Сюда же можно отнести «Устав князя Ярослава о церковных делах», сложившийся в течении XI – XII вв., однако оформление современного вида и терминологии памятника относится уже к монгольскому времени.

Устав князя Ярослава Мудрого развивает основные идеи, заложенные в Уставе князя Владимира Святого. Если в Уставе князя Владимира лишь намечаются предметы церковного урегулирования, то в Уставе князя Ярослава перечень «церковных судов» представлен в развернутом виде. Большинство статей посвящено регулированию взаимоотношения полов и брачно-семейных отношений.

Устав князя Ярослава сохранился в шести редакциях. Самые старшие из них – Краткая и Пространная редакции. Первоначальный архетип Устава сложился в XI – начале XII веков. Это означает, что Пространная редакция возникла в результате переработки не Краткой редакции, а первоначального архетипа. Более того, Пространная редакция возникла раньше Краткой. Данные текстологического анализа позволяют отнести ее создание к XII – первой четверти XIII веков, а общий их архетип принадлежит к середине XII века⁸⁶.

В число правовых источников попадает и комплекс смоленских грамот, включающий четыре связанных друг с другом документа. В отличие от Уставов Владимира и Ярослава смоленская уставная грамота сохранилась в близ-

⁸⁴ В тексте использован лучше всего сохранившийся Архангельский извод Оленинской редакции. (ДКУ. С. 13 - 16).

⁸⁵ Российское законодательство ... С. 137.

⁸⁶ Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь ... С. 257.

ком к первоначальному тексту виде. Являясь местным установлением, грамота не имела распространения в других церковных центрах и не подвергалась переработкам. Она была переписана в первой половине XVI века в Смоленске без существенных изменений, что делает ее ценным источником для XII века. В документе дата не указана, но он может быть датирован достаточно точно по летописному указанию на время поставления епископа для Смоленска – 1136 г.⁸⁷.

Уставная грамота Ростислава дошла в комплексе с тремя другими связанными с ней по содержанию и следующими за ней документами. Ее сопровождает грамота епископа Мануила, со своей стороны подтверждающего княжескую грамоту. Она должна быть датирована также 1136 г., вскоре после грамоты Ростислава. Далее следует княжеская жалованная запись – акт, передающий кафедральной церкви и епископу земельный участок. Последней частью комплекса является анонимная уставная запись о размерах поступающих епископу пошлин с городов Смоленской земли.

Большое значение для изучения древнерусской знати имеет «Слово о законе и благодати», относящееся к произведениям **учительной литературы**. «Слово о законе и благодати» Илариона – первый из известных отечественной науке литературных памятников оригинальной древнерусской литературы⁸⁸. Время написания «Слова» датируется обычно периодом между 1037–1050 годами. «Слово» несомненно являет собой лучшие образцы торжественного красноречия того времени. «Слово» в сравнительно небольшом объеме дает массу упоминаний социальных терминов (*люди, бояре, отроки* и др.).

Среди текстов Лаврентьевской летописи за конец XI века встречается такой бесспорно ценный памятник литературы домонгольского периода как

⁸⁷ Российское законодательство ... С. 212.

⁸⁸ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. 2004. Т.1. С. 26 – 62.

Поучение Владимира Мономаха⁸⁹. О времени его составления учеными ведутся споры. Наиболее вероятная дата составления – 1117 год, незадолго до его смерти⁹⁰. Очевидна информационная ценность этого источника. «Поучение» Владимира Мономаха дает обильный материал по социальной истории, прежде всего, сведения по военной организации и взаимоотношения *челяди и людей*.

Привлекались и более поздние источники, главным образом, для того чтобы иллюстрировать отношения между представителями неполноправных категорий населения и *людей*. К поучениям можно отнести «Поучение к простой чади»⁹¹. Это произведение восходит к первоначальным текстам конца XII вв.⁹².

Позднейшим источником было и «Слово Даниила Заточника», относящегося к **посланиям**. Едва ли не все источниковедческие вопросы «Слова Даниила Заточника», дошедшего до нас в списках XVI – XVII вв., решены окончательно. Спорным является вопрос о личности автора, его социальном статусе. Скорее всего, первоначальный текст восходил к посланию опального дружинника к своему князю Ярославу Владимировичу, с перерывами княжившему в 80 – 90-е годы XII века⁹³.

Весьма ценную информацию о жизни древнерусского общества сообщают памятники **житийной литературы** 70-х гг. XI – начала XII вв.: «Сказание о Борисе и Глебе»⁹⁴, «Чтение о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского»⁹⁵. Эти произведения также дают информацию о социальной структуре Киевской Руси и *людях*, в частности.

⁸⁹ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. СПб. 2004. Т.1. С. 456 – 476.

⁹⁰ Лихачев Д.С. Поучение Владимира Мономаха. Комментарии // БЛДР. СПб., 2004. Т.1. С. 538 – 542.

⁹¹ Поучения к простой чади // БЛДР. СПб. 2004. Т. 4. С. 283 – 291.

⁹² Колесов В.В. Поучения к простой чади. Комментарии // БЛДР. Т.4. С. 639.

⁹³ Соколова Л.В. Слово Даниила Заточника. Комментарии // БЛДР. Т. 4. С. 635 – 636.

⁹⁴ Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. СПб., 2004. Т.1. С. 316 – 327.

⁹⁵ Житие Феодосия Печерского // Там же. С. 352 – 433.

Определенный спектр значений слова «люди» дает нам и «Память и похвала князю русскому Владимиру»⁹⁶. Это одно из древнейших произведений русской литературы, созданное в XI веке, хотя старший список его датируется XV в.

Достаточно много данных о древнерусском обществе сообщает такой сложный по составу и разновременный по собранным в нем записям источник как «Патерик Киево-Печерского монастыря»⁹⁷.

В качестве цельного литературного произведения он был оформлен в Киево-Печерском монастыре в 20-е гг. XIII века. Некоторые сюжеты Киево-Печерского патерика восходят к произведениям житийной литературы, к библейско-евангельской традиции, однако, несмотря на обилие общих мест, памятник отличается яркой самобытностью. До нашего времени дошло около 200 списков этого произведения. Древнейшая из дошедших до нас датированных редакций Патерика была создана по инициативе тверского епископа Арсения в 1406 году. Однако, можно утверждать, что большая часть известий, находящихся в нем, относится к более раннему времени (в частности, в состав Патерика входит «Житие Феодосия Печерского»).

Киево-Печерский патерик дополняет летописные известия и дает важную информацию о жизни древнерусского общества в целом, и *людей* в частности.

Особую ценность несет в себе такая группа источников как **берестяные грамоты**, поскольку позволяет наблюдать пласты социальных отношений, не затронутых церковной идеологией, и наиболее адекватно отражает жизнь и настроения широких масс древнерусского населения. Данные берестяных грамот особенно актуальны при изучении *дружины, смердов*.

Первая грамота была открыта в 1951 году в ходе археологических находок, руководимых А.В. Арциховским. С тех пор число грамот неуклонно росло и достигло к концу 2006 года числа 1057. Огромная заслуга в исследо-

⁹⁶ Память и похвала князю русскому Владимиру. // БЛДР. 2004. Т.1. С. 316 – 327.

⁹⁷ Киево-Печерский патерик // Там же. Т.4. С. 296 – 490.

вании берестяных грамот принадлежит Л.В. Черепнину, В.Л. Янину, А.А. Зализняку⁹⁸.

Специфика поставленных задач не позволяет в полной мере прибегнуть к **источникам иностранного происхождения**. Однако, обойтись без их данных совсем также не представляется возможным. Правда, интерес к социальным отношениям славян в свидетельствах иностранных авторов минимальный. Особенно важны они при изучении периода славянской истории с VI по IX вв. Но и в дальнейшем они сохраняют свое важнейшее значение. В первую очередь привлекались свидетельства византийских авторов⁹⁹. Большую ценность для изучения восточнославянского социума представляют труды восточных авторов в первую очередь, Ибн Фадлана, Ал-Гарнати, как непосредственно, контактировавших с русами и славянами.

Однако, к произведениям мусульманских авторов нужно подходить с большой осторожностью, поскольку в этих источниках не всегда можно с точностью определить «этническое» содержание терминов «славяне» и «русы».

Одним из основных источников домонгольской Руси, в особенности вообще по истории общественных отношений предгосударственного периода служат **материалы археологических раскопок**, проведенных в главных центрах, расселения восточных славян. Ценные об общинной структуре можно получить из наблюдений за изменениями на протяжении нескольких веков форм поселения и расселения, за характером и размером жилищ, дифференциацией построек в зависимости от их назначения – бытового, производственного, военно-оборонительного и культурного. Однако из самих по

⁹⁸ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 ; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004 и др.

⁹⁹ Прокопий Кесарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т.1. (Далее - Свод I). С. 170 – 251 ; Иордан // Свод I. С. 98 – 160 ; Маврикий. Стратегикон // Там же. С. 364 – 394 ; Феофилакт Симокатта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.2. М., 1995. (Далее – Свод II) С. 10 – 64 ; Чудеса св. Димитрия Солунского. // Там же. С. 91 – 211.

себе отдельно взятых материалов археологических раскопок нельзя сделать прямых заключений о характере социального строя восточных славян.

Археологические материалы оживают и дают информацию о социальном процессе лишь в сопоставлении с письменными и иными видами источников, при комплексном использовании разного рода исторических свидетельств. К важнейшим работам, содержащим обобщенный анализ археологических данных о социально-экономическом развитии славян на территории Древней Руси IX – XII вв., можно отнести исследования И.И. Ляпушкина¹⁰⁰, И.П. Русановой¹⁰¹, В.В. Седова¹⁰², Б.А. Тимощука¹⁰³, Н.А. Макарова¹⁰⁴ и др.

Сравнительный анализ обществ различных регионов мира также дает обильную пищу для размышлений¹⁰⁵. **Этнографический материал** дает возможность лучше понять возрастные классы славян в сравнении с данными некоторых народов мира.

В работе использовались также и некоторые **топонимические данные**¹⁰⁶. В частности для иллюстрации географических рамок проживания такой социальной категории как *смерды*.

Совокупность перечисленных выше источников, является достаточной для решения поставленных в диссертации научных задач.

¹⁰⁰ Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л., 1968.

¹⁰¹ Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. М., 1976.

¹⁰² Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М. 1982; Он же. Славяне в древности. М., 1994; Он же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

¹⁰³ Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI – X вв. н.э. М. 1990 ; Он же. Восточные славяне: от общины к городам. М. 1995.

¹⁰⁴ Археология севернорусской деревни X – XIII вв.: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : В 3 т. М, 2007.

¹⁰⁵ Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки: Структура и функции. М., 1976 ; История первобытного общества. Эпоха классового образования. М. 1988 ; Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986 ; Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М. 1993 ; Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб. 2000 ; Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007 и др.

¹⁰⁶ Рыдзевская Е.А. Слово «смерд» в топонимике // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1936. Сб. 2. С. 5 – 16.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и списка сокращений.

ГЛАВА I. Социальная сущность людей в восточнославянском обществе VI – IX вв.*

§1. Некоторые черты общественного строя восточных славян в VI – IX вв.

Первоначальная фиксация славян на исторической арене. Хозяйственные отношения восточных славян в VI – VII вв. Тип восточнославянской семьи в VI – VII вв. Сущность восточнославянской общины в VI – VII вв. Славянские племена и союзы племен в VI – VII вв. Хозяйственные сдвиги в VIII – IX вв. Восточнославянская семья и община в VIII – IX вв. Восточнославянские племенные княжения и союзы племен.

В древности этническая история складывалась в довольно сложную и пеструю мозаику, что обуславливалось «различными миграциями, процессами метисации, ассимиляции и интеграции этносов»¹⁰⁷. Современный уровень развития исторической науки пока не позволяет с определенностью проследить эти процессы. О выходе славян на историческую арену говорить, безусловно, можно лишь с VI века, когда появляются первые письменные известия. И лишь с этого периода письменные источники надежно подкрепляются археологическими материалами. Для археологов именно с этого периода становится ясной связь славянской культуры типа Прага-Корчак с последующими бесспорно славянскими культурами¹⁰⁸.

* Обращение к славянам применительно к VI – VII вв. как к «восточным» условно. Славяне в это время представляли пока еще единую общность, различия локальных групп (склавинов и антов) которой носили не более чем этнографический характер, а «в языковом отношении не выходили за рамки диалектной дифференциации» (см., например: Ключевский В.О. Курс русской истории ... С. 126 ; Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. ... С. 28). Однако, свидетельства, относящиеся к антам и склавином VI – VII вв., вполне правомерно рассматривать, как относящиеся к восточным славянам (Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 29 - 31).

¹⁰⁷ Седов В.В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской Академии наук. Т.73. 2003. №7. С. 594.

¹⁰⁸ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI вв. Смоленск – М., 1995. С. 13.

Поиски достоверной информации о славянах в более ранние эпохи пока не увенчались успехом. Поэтому «самоограничительная установка... основанная на фиксации самоназвания славян у Прокопия Кесарийского и других авторов VI в. как наиболее ранним факте этнической истории, представляется совершенно необходимой, в том числе, чтобы искать праславян до VI в»¹⁰⁹. Таким образом, обозначается нижняя хронологическая граница настоящего исследования.

Древние авторы помещают славян на обширной территории от Вислы до Дуная и делят их на две группы: склавинов и антов. Согласно Иордану «славяне живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы, болота и леса заменяют им города. Анты же самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра до Данапра»¹¹⁰. Современными исследователями в целом (с оговорками) эта картина расселения славян принимается¹¹¹.

Знаменитое высказывание В.О. Ключевского о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется»¹¹² с полным основанием можно отнести и к первоначальным векам славянской истории. Славянская земледельческая колонизация Восточной Европы, импульс которой был дан Великим переселением народов, имела решающее значение для этнических процессов в этом регионе. Включение славянских племен в данный процесс был продиктован, в том числе и экономическими факторами: демографическим взрывом при ограниченных площадях освоенных пахотных земель и экстенсивной форме земледелия¹¹³.

¹⁰⁹ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории ... С. 9.

¹¹⁰ Иордан // Свод I. С. 109.

¹¹¹ См. комментарий к: Иордан // Там же. С. 134. – С. 138 ; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 55.

¹¹² Ключевский В.О. Курс русской истории ... С. 50.

¹¹³ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь ... С. 56 – 57.

Столь масштабные миграции заставляли взаимодействовать славян с другими этническими массивами¹¹⁴. На западе славянского ареала их судьбы были тесно переплетены с германскими племенами. Активный этнокультурный синтез происходил с иранскими общностями. Северные и северо-восточные окраины общеславянского континуума соседствовали с финно-уграми. К северо-западу от славян проживали родственные балтийские этнические группы. Восточные окраины славянского мира подвергались влиянию тюркского кочевнического мира. Важнейшей зоной контактирования на юге была Византия. Противостояние с этим мощным государством сыграло огромную роль в формировании праславянской культуры. Эти сложные процессы межэтнического взаимодействия на территории Восточной Европы имели важные этнополитические последствия. Межкультурный диалог послужил одним из ферментов славянского социо- и политогенеза.

Этническое единство славянства было очевидным для современников описываемых событий («племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам»)¹¹⁵. Возможные различия в уровне развития славянства нивелировались, по всему видимому, не только вследствие их постоянного взаимодействия, но и перманентных миграций. Во всяком случае, археологи отмечают близость культуры славян этого периода на всей территории их расселения. Подтверждается этот факт и лингвистическими данными. К VI – VII вв. относится последний этап существования общеславянского языка, однако уже тогда намечается распад на отдельные языковые группы¹¹⁶.

Проблема сущности общественного строя славян VI – VIII вв. (как впрочем, и более поздних времен) принадлежит к числу непростых, остро дискуссионных. Объясняется данный факт скудостью и избирательным характером информации. Причины такой историографической ситуации кроются, в том числе, и в области методологии. Различное толкование элемен-

¹¹⁴ См. подробнее: Седов В.В. Восточные славяне в VI – IX вв. ; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.

¹¹⁵ «Стратегикон» Маврикия // Свод I. С. 369 ; См., также: Иордан // Там же. С. 107.

¹¹⁶ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 152 – 223.

тарных, на первый взгляд, понятий, различная методологическая база мешает исследователям прийти к единому мнению по ключевым вопросам общественного строя. Как правило, эта проблема решается конкретным исследователем с помощью комплексного подхода, в котором ведущее место занимают археологические данные.

Вопросы сущности общественного строя в целом невозможно разрешить, оставляя в стороне хозяйственные отношения¹¹⁷. Зарождение и формирование новых социальных связей определялись, прежде всего, коренными переменами в развитии основных отраслей производства. В то же время, напрямую, связывать успехи материального производства с какой-либо общественной системой следует очень осторожно.

Начиная с 30-х гг. XX в. исследователи не подвергали сомнению тезис о примате земледелия в славянском хозяйстве¹¹⁸. Решение вопроса о сущности славянского хозяйства VI – VII вв. опиралось на выводы археологов, среди которых господствует взгляд о земледельческой основе славянского хозяйства: «земледельческий характер хозяйства при развитом скотоводстве не подлежит сомнению»¹¹⁹.

Это положение вполне подтверждается топографией поселений, располагающихся на удобных для земледелия местностях, археологическими находками (зерна проса, пшеницы и т.д.; следы соломы, жернова, серпы и др.). Маврикий Стратег описывая быт славян, упомянул мимоходом о земледельческой составляющей славянского хозяйства: «У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы»¹²⁰. Находки проса свидетельствуют о господстве подсеки в VI – VII вв.¹²¹. Под-

¹¹⁷ Подробную литературу вопроса см. : Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии // Начала русской истории. М., 2001. С. 48– 112.

¹¹⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь ... С. 94; Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 40 – 41.

¹¹⁹ Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. ... С. 49.

¹²⁰ «Стратегикон» Маврикия // Свод I. С. 369.

¹²¹ Тимошук Б.А. Восточные славяне ... С. 133.

сечное же земледелие «требовало коллективного труда, совокупных усилий крупных семейно-общинных объединений»¹²².

Поэтому довольно большая группа ученых на основании археологических и этнографических данных полагает, что этим «крупным семейно-общинным объединением» славянского общества VI – VIII вв. была большая семья¹²³. Не все исследователи, правда, выражают согласие с этой точкой зрения. Например, О.М. Рапов считал, что примерно с VI века можно говорить о малых семьях, независимо друг от друга ведущих хозяйство¹²⁴. По мнению Г.Г. Литаврина, процесс разложения кровнородственных отношений привел также к господству малой семьи как «основной этносоциальной ячейки славянского общества еще накануне переселения славян на территорию империи (Византии – А.С.)»¹²⁵. Хотя в этой же работе автор отмечал, что есть «основания для заключения об одновременном существовании у славян большой семьи»¹²⁶.

Однако, взглянув на большую патриархальную семью (семейную общину) как основу социальных отношений славян все же более предпочтительнее, о чем свидетельствуют совокупные свидетельства разных источников. Так, наводит на мысль о господстве большой семьи топография раскопанных жилищ и западин. Раскопанные селища имели небольшие размеры. Застроенная площадь не превышала 1 га, на которой одновременно могло функционировать не больше 10 – 15 жилищ. В центре располагались площадки – коллек-

¹²² Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968. С. 17. – По словам П.Н. Третьякова, большая семья являлась «обязательным рабочим аппаратом подсечного земледелия». Поэтому замена подсеки другими формами земледелия на Севере России в XIX в., в первую очередь, стало следствием разложения большой семьи (Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе // Известия ГАИМК. 1932. Т. 14. Вып. 1. С. 2–3 (С. 1–39))

¹²³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 32 ; Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв... С. 41 – 50 ; Седов В.В. Восточные славяне VI – XIII вв. ... С. 244; Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI – X вв... С. 20 – 23 ; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 121.

¹²⁴ Ю.М. Рапов. Была ли «вервь» Русской Правды патронимией? // СЭ. 1969. №3. С. 116.

¹²⁵ Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. Сб. ст. СПб., 1999. С. 530.

¹²⁶ Там же. С. 529.

тивные дворы, на которых могли находиться постройки общественного значения. Для этих селищ характерно сочетание общественных и индивидуальных (личных) хранилищ¹²⁷. Наличие общественных хранилищ, а также небольшое расстояние между жилищами позволяет утверждать, что селища принадлежали коллективам людей, которые вели безраздельное, совместное хозяйство. Некоторым подтверждением такого взгляда находки «кладов» сельскохозяйственных орудий¹²⁸. Поскольку орудия находились в общей собственности, то и земля находилась в общей собственности. Следовательно, продукты питания жители селищ добывали сообща, но ежедневное потребление было обособлено в пределах брачных семей. Таким образом, не будет ошибкой, если эти селища принять за остатки коллективных усадеб таких родственных групп, как большие патриархальные семьи¹²⁹.

Эти археологические данные вполне совпадают с этнографическими материалами о «дворищах», принадлежавших большому патриархальному семьям¹³⁰. Контуры большой семьи достаточно отчетливо вырисовываются и в ранних русских законодательных документах – в Русской Правде, Церковном уставе Ярослава¹³¹. Первая статья Краткой Правды, например, очерчивая круг родственников имеющих право мести за убитого также позволяет нам сделать вывод о бытовании большой семьи в эпоху Киевской Руси¹³². Эти данные с большой уверенностью можно перенести на более ранний период.

Большесемейные объединения хорошо известны и западноевропейцам, стоящим на стадии варварства: история застаёт их у алеманнов и баваров, бургундов, лангобардов, саксов, салических франков, находившихся приблизительно на той же ступени общественного развития¹³³.

¹²⁷ Тимошук Б.А. Восточнославянская община ... С. 20.

¹²⁸ Там же. С. 20.

¹²⁹ Там же. С. 21.

¹³⁰ Косвен М.О. Семейная община ... С.168 – 185.

¹³¹ Российское законодательство ...С. 148 – 150.

¹³² Там же. С. 47.

¹³³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 65.

Таким образом, основной микросоциальной ячейкой славянского общества в VI – VIII вв. была большая семья. Она носила патриархальный характер и состояла из трех и более поколений потомков одного отца¹³⁴. По подсчетам исследователей население такого поселка, занимаемой большой семьей насчитывало не более 50 – 70 человек¹³⁵.

Большие патриархальные семьи входили в общину. Сущность раннеславянской общинной организации стала предметом острых научных дискуссий. Копья исследователей стали ломаться вокруг типологической характеристики общины славян в VI – VIII вв.: кровнородственная или соседская?

Советского исследователя О.М. Рапова, источники, имеющиеся в распоряжении историка, «убеждали» в существовании «примерно, с VI в. н.э. славянских поселений, представляющих собой соседские территориальные общины»¹³⁶. И.Я. Фроянов не только раннюю славянскую общину VI – VIII вв., но и общину киевского времени не считает возможным охарактеризовать как соседскую общину. По его мнению, это была переходная форма от родовой общины к соседской, т.н. земледельческая или большесемейная община¹³⁷. В.В. Седов считает, что итогом развития славянских поселений в VI – VIII вв. выступает община, объединяющая два-три селища, связанных общностью происхождения и представлявших большесемейные объединения, которые находились на стадии перехода к сельской общине¹³⁸. «Взятые в своей совокупности археологические материалы» позволили Л.В. Даниловой заключить о бытовании восточнославянской общины VI – VIII вв. «значительно продвинувшейся по пути превращения в раннюю соседскую организацию»¹³⁹. М.Б. Свердлов обозначает эту же стадию развития общины как

¹³⁴ Косвен М.О. Семейная община ... С. 4.

¹³⁵ Тимошук Б.А. Восточнославянская община ... С. 21.

¹³⁶ Рапов О.М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? ... С.117.

¹³⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-исторического строя. СПб, 1999. С. 31.

¹³⁸ См.: Седов В.В. Восточные славяне VI – XIII вв. ... С. 244.

¹³⁹ Данилова Л.В. Сельская община ... С. 143.

«первобытная соседская община»¹⁴⁰. Таким образом, точка в дискуссии о сущности славянской общины VI – VIII вв. еще не поставлена.

Ценные данные для решения комплекса вопросов, связанных с общиной может дать археология. Раскопками установлено, что расселившиеся славяне жили в сравнительно небольших селениях, сгруппированных в гнезда. Эти гнезда поселений вполне соответствуют большим хозяйственным коллективам и детально исследованы в трудах археологов¹⁴¹.

Поселения располагаются на территории каждого гнезда-общины обычно одно возле другого, составляя как бы одно большое поселение. Расстояние между этими селищами не превышает 2 км, но чаще всего они располагаются рядом. Расстояние до селищ другого гнезда-общины было более значительным, не менее 5 – 10 км. Яркой иллюстрацией такого рода является комплекс поселений близ с. Корчак. При сплошном исследовании здесь выявлено разновременных 14 малых селищ расположенных на близком расстоянии между собой по обоим берегам реки. Синхронные селения составляли единую социальную структуру – гнездо поселений¹⁴².

Данные археологии подтверждаются письменными свидетельствами. Скорее всего, отмеченный тип славянских поселений описывал византийский военачальник Маврикий, описывавший их в своем «Стратегиконе»: «хории склавов и антов расположены поочередно вдоль рек и соприкасаются друг с другом, так что между ними нет достойных упоминания промежутков, а лес или болота, или заросли тростника примыкают к ним...»¹⁴³.

Гнездообразное расположение поселков и размещение жилищ внутри них – свидетельство единства и тесных контактов внутри каждой группы селищ. В этой социальной общности сочеталась коллективная собственность на землю и частная (вернее, личная) на жилища и хозяйственные постройки.

¹⁴⁰ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь ... С. 61.

¹⁴¹ См., например: Седов В.В. Восточные славян в VI – XIII вв... С. 243 – 244 ; Тимошук Б.А. Восточные славяне ... С. 14.

¹⁴² Тимошук Б.А. Восточные славяне ... С. 12.

¹⁴³ «Стратегикон» Маврикия // Свод I. С. 377.

В этом союзе выделялась лишь одна община из них, обычно самая древняя (материнская), выполняющая роль центра. На территории такого поселка (самого крупного) такой патриархальной семьи располагались ремесленные мастерские, не характерные для других селищ-патриархальных общин¹⁴⁴.

Наличие центра гнезда (например, Корчак VII, в группе поселений около с. Корчак) указывает на то что, они выполняли самостоятельные социальные функции, и были самоуправляемыми. Поселения в каждом гнезде-общине VI в. были однотипными, в их структуре не выделяются обособленные жилища или группы жилищ, которые могли свидетельствовать о социальном неравенстве¹⁴⁵.

Какие же конкретные социальные общности нашли отражение в гнездах поселений? М.О. Косвен предложил считать такого рода поселения патронимией¹⁴⁶. Б.А. Рыбаков видел в гнезде поселений племя¹⁴⁷.

На наш взгляд, здесь лучше всего исходить из численности населения этих гнезд поселений. Исследователи приводят цифру в 150 – 200 человек¹⁴⁸. Таким образом, это сравнительно небольшая группа людей и потому вряд ли гнездо поселений было племенем. Гораздо больше оснований для отождествления такого рода поселений со славянской общиной, состоящей из больших патриархальных семей. Такую славянскую общину Б.А. Тимощук, назвал «большесемейной»¹⁴⁹. Это название соответствует содержанию: община этого времени по материалам гнезд-поселений VI – VII вв. представляла собой самостоятельный социальный организм, состоящий из больших семей. Впол-

¹⁴⁴ Тимощук Б.А. Восточные славяне ... С. 16.

¹⁴⁵ Там же. С. 16.

¹⁴⁶ Косвен М.О. Семейная община ... С. 99.

¹⁴⁷ Рыбаков Б.А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки по истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III – IX вв. М., 1958. С. 748.

¹⁴⁸ Тимощук Б.А. Восточнославянская община ... С. 84

¹⁴⁹ Там же. С. 84.

не убедительным представляется связать ее с первой архаической фазой существования патронимии.

Хозяйственное, общественное и идеологическое единство патронимии, находящейся на начальной стадии, заключается, по М.О. Косвену, в коллективном производстве и в посемейном потреблении производственного продукта; в совместной нераздельной собственности на землю, уголья, водные источники, скот, орудия производства и хозяйственные сооружения; в управлении посредством общего собрания и выборного главы; в праве предпочтительной покупки и родового выкупа имущества членов патронимии; в общих празднествах; во владении общим кладбищем, на котором хоронили умерших; в подчиненности отдельных семей руководящей старшей семье; в сохранении членов патронимии происхождения от общего предка; в том, что она занимала отдельное селение и составляла воинскую единицу¹⁵⁰.

Действенное значение имела и солидарность всех семей и всех членов патронимии в их внешних отношениях, в частности в случае какого-либо посягательства на одну из семей или одного из членов данной патронимии. Это сказывалось в практике кровной мести и уголовных выкупов¹⁵¹. Однако, как замечал сам автор, прослеживается эта начальная стадия только гипотетически.

Для решения задач нашего исследования важен и вопрос о самоназвании родственного коллектива этой общины – гнезда-поселений. Считаем, такой коллектив носил в VI – IX вв. название «вервь».

Этимология слова уходит далеко в прошлое. Слово «вервь» встречается во многих славянских языках и восходит к праславянскому «вѣрвь»¹⁵². Вряд ли нужно *вервь* трактовать как «людей, обитающих в пространстве, измеренных вервью», т.е. в данном случае веревкой в качестве измерительного

¹⁵⁰ Косвен М.О. Семейная община ... С. 104, 112 – 118.

¹⁵¹ Там же. С. 116.

¹⁵² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. М., 1986. Т.1. С. 294.

средства¹⁵³. Вероятнее всего, этим обозначается связь родства. Об этом заставляют задуматься следующие соображения. Сербское слово «врвники», означает «родственники»¹⁵⁴. «Вервные братья» Полицкого статута у хорватов также относятся к родственникам. В древнерусском «родственник» обозначался термином «ужикъ крове», от «уже» - веревка¹⁵⁵. Напрашиваются параллели и с латинским «linea» и французским «ligne (la)», которые означают не только веревку, но и связь родства¹⁵⁶. Любопытны сравнения и семантические реминисценции других языков: литовского, греческого и др¹⁵⁷. Эти факты заставляют рассматривать *вервь* как первоначально кровнородственную организацию. Без сомнений таковой она была и в VI – IX вв.

Наряду с *вервью*, для обозначения общины в славянском обиходе использовалось и понятие «дружина». Такой вывод нам позволяет сделать РП, употребляя *вервь* и *дружина* как синонимы: «Будеть ли головник их в верви, зан(е) к ним прикладываеть, того же деля им помагати головнику, любо си дикую виру; но спла(ти)ти им вообчи 40 гривен, а головничество, (а то) самому головнику; а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть»¹⁵⁸. *Дружина* выступает здесь в ее «гражданской», «общинной» сущности, отождествляемая с *вервью*¹⁵⁹.

Этимология слова «дружина» также уводит нас в праславянскую эпоху. Традиционно ученые считают его производным от слова «друг», первоначальное значение которого – спутник, товарищ на войне¹⁶⁰. Следовательно, *дружина* – это боевые спутники, товарищи. В целом исследователи принимают такое значение и отталкиваются от него, оставляя в стороне не менее (а

¹⁵³ Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. С. 136 – 137. - (дана по Б.Д. Грекову. См. : Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 648).

¹⁵⁴ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 649.

¹⁵⁵ Дьяконов М.А. Очерки общественного строя ... С. 137.

¹⁵⁶ Там же. С. 137.

¹⁵⁷ Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых терминов общественного строя. М., 2006. С. 171.

¹⁵⁸ Российское законодательство ... С. 64.

¹⁵⁹ См. ниже.

¹⁶⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1.С. 542.

может и более важное) смысловое содержание слова «дружина» – это «домочадцы», «община», которое до сих пор бытует в некоторых славянских языках¹⁶¹. Таким образом, сам термин «дружина» также подразумевает родственные отношения.

Хозяйственное единство патронимии-*верви-дружины* заключалось в основном в том, что она коллективно владела и пользовалась своей землей. Наряду с производственным коллективизмом, потребление в патронимии всегда было посемейным¹⁶². Общественное единство патронимии выражалось, прежде всего, в том, что она была целиком локализована, занимая либо отдельное селение (второй тип поселений по Б.А.Тимощуку – «селища-группы больших патриархальных семей), либо часть поселения, либо группу поселков¹⁶³. Община имела свои органы управления в виде общего собрания и общего главы.

Таким образом, славянское гнездо поселений VI – VII вв. соответствовало общине, имевшую кровнородственный характер (патронимии, больше-семейной общине), и которая носила название «вервь». Большесемейная община представляла основную социально-экономическую ячейку славянского общества VI – VII вв.

Гнезда поселений образовывали комплекс. Социальную сущность комплекса гнезд поселений исследователи трактуют по-разному. Б.А. Рыбаков считал, что комплекс гнезд-поселений образует «союз племен». А.А. Горский считал, что племена были до VI в., далее же, в силу миграции и разрушения племен (т.е. их кровнородственной структуры) образовались новые общественные общности, имевшие территориально-политический характер¹⁶⁴.

¹⁶¹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 417.

¹⁶² Косвен М.О. Семейная община... С. 114.

¹⁶³ Там же. С. 115.

¹⁶⁴ Горский А.А. «Славинии» раннего Средневековья: как складывались государства у славян // Родина. 2001. №9. С. 22.

На наш взгляд, ближе к истине точка зрения большинства ученых склонных считать, что комплекс гнезд-общин, примерно соответствует расселению племени (2 – 10 тыс. кв. км.)¹⁶⁵.

Племена по всему видимому были объединены в родственные союзы племен, не отличавшиеся особой устойчивостью.

По мнению Б.А. Тимощука, центральной власти над общинами еще не было: «Надобщинные центры еще не сложились. Временные союзы с целью защиты своей территории или организации походов на другие земли, не оказывали существенного влияния на жизнь общин, не могли их держать в подчинении. Эти союзы не имели прочной экономической базы и быстро распались...»¹⁶⁶.

Новая экономическая база начинает формироваться в VIII – IX вв. Изменения материальной базы коснулись, прежде всего, земледелия и животноводства. В это время внедряется паровая система земледелия, совершенствуются орудия труда, увеличивается продуктивность животноводства. Успехи достигаются и в ремесленном производстве. Улучшается качество ремесленных изделий, прежде всего, качество металлообработки. Появляются ремесленные поселения, ярким примером такого является известное Пастырское городище, функционирующее в VII – VIII вв. Развивается и внешняя торговля, которая засвидетельствована археологическими находками¹⁶⁷.

Одним из существенных стимулов этих процессов явился демографический взрыв: количество населения в общине со 150 – 200 человек в VI – VII вв. возросло до 350 – 400 человек в VIII – IX вв.¹⁶⁸.

Хозяйственные сдвиги, имевшие место в VIII – IX вв. повлекли некоторые изменения и в социальных отношениях. Преобразования коснулись как семейной организации, так и общинной. Происходит процесс некоторого

¹⁶⁵ Тимощук Б.А. Восточнославянская община ... С. 79 – 85, 95 – 108.

¹⁶⁶ Тимощук Б.А. Восточные славяне ... С. 138.

¹⁶⁷ Там же. С. 145 – 153.

¹⁶⁸ Тимощук Б.А. Восточнославянская община ... С. 85, 104.

обособления отдельных больших семей в гнезде общине¹⁶⁹. Однако, все равно, члены этих семей вели «нераздельное хозяйство, совместно владели землей, скотом и другими средствами производства, имели общие хранилища и совместно трудились»¹⁷⁰.

Обособленность коллективных усадеб больших семей приводила к появлению неравномерности социально-экономического развития отдельно взятой семьи – «в результате иерархия патриархальных семей постоянно усложнялась. Привилегированное положение занимали те семьи, которые стояли во главе общин»¹⁷¹. Такая неравномерность социально-экономического развития больших патриархальных семей привела, в свою очередь, к появлению неравномерности среди большесемейных общин. Археологическим свидетельством названного процесса являются разнотипные центры общин VIII – IX вв¹⁷².

Важной чертой развития низовых звеньев социальной организации славянского общества было появление малых семей, археологически находившее выражение в появлении миниатюрных селищ¹⁷³. Но, все же, основной социальной структурой являлась в VIII – IX вв. большая патриархальная семья¹⁷⁴.

На этот период падает формирование новой системы связей между общинами. Временные союзы становятся более постоянными и перерождаются в «племенные княжения»¹⁷⁵. Такого рода союзы довольно четко фиксируются Повестью временных лет – они выступают здесь под именами – полян, древ-

¹⁶⁹ Тимощук Б.А. Восточнославянская община С. 154 – 155, 174.

¹⁷⁰ Там же. С. 155.

¹⁷¹ Там же. С. 155.

¹⁷² Там же. С. 157.

¹⁷³ Там же. С. 156.

¹⁷⁴ Там же. С. 157.

¹⁷⁵ Там же. С. 165.

лян, северян, радимичей, вятичей и др¹⁷⁶. Хотя вполне, возможно, что история этих союзов племен восходит еще к более ранней эпохе – VI – VII вв¹⁷⁷.

Таким образом, структуру восточнославянского общества, подошедшую к рубежу создания Киевской Руси, можно представить в виде концентрических кругов: большой семьи; большесемейной общины (*верви*); группы общин, объединенных под управлением одного старейшины (вождя племени), и самого широкого круга, включающего в себя три предыдущих, – союз племен. Такая строго иерархичная система организации общества была характерна не только для восточных славян в VIII – IX вв, она носила универсальный характер¹⁷⁸. Доминантой общественных отношений в этот период являлись кровнородственные связи, простиравшиеся на все уровни социальной структуры восточных славян.

§2. Люди в социальной структуре восточнославянского общества в VI – IX вв.

Половозрастная характеристика славянской большой семьи. Господин. Мужси и люди в большой семье. Старейшины, мужси, люди в славянской общине. Военная организация восточных славян.

Как уже говорилось ранее, основной микроэтносоциальной ячейкой славянского общества была большая семья. Она носила патриархальный характер и состояла из трех и более поколений потомков одного отца¹⁷⁹. Как следует из этнографических исследований, большая патриархальная семья представляла собой структуру строго иерархическую¹⁸⁰. Права и обязанности в первую очередь определялась возрастом. Каждая возрастная группа решала свои возрастные задачи в семье.

¹⁷⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 11.

¹⁷⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т.1. С. 342 – 343.

¹⁷⁸ Бондаренко Д.М. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. К вопросу о возникновении классов и государства. // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 158.

¹⁷⁹ Косвен М.О. Семейная община ... С. 4.

¹⁸⁰ Там же. С. 72.

Мужчина в пору разложения первобытнообщинного строя обладал гораздо более высоким статусом, чем женщина. Неслучайны и термины возрастного деления, носящие «андроцентричный» характер¹⁸¹.

Довольно затруднительно говорить о количестве возрастных групп мужского населения большой семьи. Лингвисты Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. считали допустимым делить на его четыре части, кодировавшиеся, по их мнению, как: *orb- (*orbę), *jun- (*junoxъ, " *junošа, *junакъ, *junьсь, *junaць, *junota), *mØž- (mØžь), *star- ('starьсь, *starikъ и т.п.)¹⁸². Подобная схема возрастных групп хорошо известна в огромном количестве традиций, в частности, в целом ряде индоевропейских¹⁸³.

В то же время исследователями обойдены молчанием такие половозрастные термины как «отрок», «чадо», несомненно, также отражавшие возрастные группы и имевшие хождение в среде славянского населения.

Существует масса других традиций имеющих отличное от четырехчастного возрастное деление. Например, мужчины знаменитого племени масаев группировались на шесть частей. У другого восточноафриканского народа галла возрастных групп было пять¹⁸⁴. Примеры можно продолжать. Таким образом, основания думать, что в славянской культурно-языковой традиции

¹⁸¹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии: семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

¹⁸² Там же. С. 91.

¹⁸³ «В “Киропедии” Ксенофонта при описании детства Кира излагается пространственная проекция этой схемы: площадь в царской столице разделена на четыре части, которые заняты мальчиками до 16 лет (παῖδες), юношами от 17 до 26 лет (ἑφηβοί), взрослыми мужчинами от 27 до 52 лет (ἄνδρες τέλειοι), старцами с 52 лет (γέροντες)¹⁸³. Любопытно, что сходная схема предполагается и сообщением Аристотеля об ἐλεύθερα ἀγορά в Фессалии, около Краннона, разделенной на части в соответствии с возрастными группами населения. Но правдоподобность аналогичной славянской схемы, как указывают исследователи, удостоверяется не только и не столько типологическими параллелями (часть которых, однако, может оказаться генетически унаследованными отражениями общего индоевропейского источника), сколько данными самой славянской традиции (в частности, особыми ритуалами, отмечающими переход-посвящение в следующую возрастную группу, меной функций и соответственно общего статуса посвящаемого, разного рода символическими атрибутами, включая одежду, украшения, особые знаки и т.п.» - Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии ... С. 93.

¹⁸⁴ Калиновская К.П. Возрастные группы ... С. 91.

четко выделялись четыре основных поры, или возраста человеческой жизни, соответственно четыре стадии жизненной (мужской) силы, подвергаются сомнению.

Считаем возможным сделать заключение, о том, что у славян возрастные группы семьи (и шире - общины) маркировалось следующим образом: **star-*; **mØž-*; **leud-*; **ot(ъ)rokъ-*; **chlap* **cedo-*; **orb-*. Все эти термины, обозначающие возраст, восходят к праславянским временам. Эти слова обнаруживаются и позднее в письменных памятниках.

Славянскую семью возглавлял старший из мужчин (в случае немоги следующий по старшинству). По отношению к главе семьи употреблялись слова с корнем **star-*: «староста», «старейшина», «старик» или «старец» (др.-русск. *староста* «старец, старик; старшина, староста; управитель, надзиратель; глава, старейшина», чеш. *starosta* «предводитель, начальник», словц. *starosta* «общинный староста», польск., в.-луж. *starosta* – то же.)¹⁸⁵. Хотя более чем вероятно, что эти обозначения применялись к главе всей родственной общины. Или же для наименования главы семьи «снаружи», то есть общинниками, не входящими в эту семью.

Потому считаем, что, скорее всего, старшего в семье домочадцы называли словом «господин»¹⁸⁶. Этимология этого термина восходит к индоевропейскому **pot-* в значении «родоначальник»¹⁸⁷.

Власть старшего в большой семье была весьма ощутимой. *Господин* руководил всей социальной и хозяйственной жизнью коллектива, на нем лежали и важнейшие культовые и ритуальные обязанности¹⁸⁸. Он обладал исполнительной и распорядительной, как бы мы сейчас выразились, властью¹⁸⁹.

Власть *старейшины* / *господина*, однако, была не беконечна и ограничивалась другими членами семьи, прежде всего, взрослыми мужчинами. Как

¹⁸⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. С. 747.

¹⁸⁶ Трубачев О.Н. История славянских терминов ... С. 160.

¹⁸⁷ Там же. С. 160.

¹⁸⁸ Косвен М.О. Семейная община ... С. 4 ; История первобытного общества ... С. 171.

¹⁸⁹ Косвен М.О. Семейная община ... С. 50.

свидетельствует современная этнографическая наука, взрослые мужчины в первобытных обществах делились на две группы: старших и младших¹⁹⁰. Представители этих возрастных групп четко различались как по форме участия в первобытном производстве, так и по совокупности прав и обязанностей. Этот факт отчетливо прослеживается в жизни многих традиционных обществ. Например, у аборигенов Австралии главными добытчиками мясной пищи являлись 25 – 35 летние мужчины. Участие старших мужчин в создании материального благополучия сравнительно невелико. Обязанность делиться пищей для них отступает на второй план, а их права обеспечивают им определенную, и притом лучшую (посредством пищевых запретов, налагаемых на младших мужчин), часть охотничьей добычи младших мужчин¹⁹¹. Однако, все же нельзя считать, что отношения между ними носили антагонистический, непримиримый характер – по прошествии определенного времени младший мужчина становился старшим¹⁹². Теоретически, статус старшего был доступен каждому младшему мужчине. Разумеется, нельзя сравнивать уровень развития славянского общества VI – VII вв. с уровнем жизни австралийских аборигенов. Но надо полагать (не без доли гипотетичности), что рудименты таких отношений бытовали и у славян.

Старшие мужчины (за вычетом упомянутого главы семьи) в славянской семье назывались словом, близким по звучанию к слову «муж». Термин «муж» первоначально означал «зрелый человек»¹⁹³. В силу своего возраста и опыта, также местом в семейной иерархии обладали и высоким авторитетом и социальным престижем. По всему видимому, именно от них исходило при-

¹⁹⁰ Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе. // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 78.

¹⁹¹ Там же. С. 78.

¹⁹² Здесь все зависело от конкретных обстоятельств, индивидуальных способностей каждого. См. : Попов В.А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденция классогенеза в паразолитейных обществах. (на материале доколониальных аканов). // Ранние формы социальной стратификации ... С. 140.

¹⁹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. ... С. 670 – 671.

нятие решений по многим вопросам внутрисемейной жизни, санкционирующая затем главой семьи.

Младшие мужчины в семье и общине, по версии В.В. Иванова и В.Н. Топорова, обозначались словом близким к **jun-*¹⁹⁴. Лексема **jun-*, на наш взгляд, отражает всего лишь один из жизненных этапов человека. Возрастная же категория, на наш взгляд, номинировалась как *leudh-*. Заключаем это на основании того, что в древнейших письменных источниках мы не видим группы, маркированной **jun-*. Не надо также забывать, что наряду со значением «молодой», это слово употреблялось и в смысле «новый». В.В. Колесов считает, что оно входило в древнейшее противопоставление: ветхий – новый¹⁹⁵. Это слово указывало на контраст по отношению ко всему пожилому, старому, ветхому, не обязательно живому.

Словом же, обозначающим младших мужчин в славянской большой семье был, термин «люди», восходящий к корню *leudh-*. Эта лексема входила в мир только человеческих взаимоотношений.

Этимология слова «люди» уходит своими корнями глубоко в седую древность. Связь с греческим (*leudheros* – «свободный», «независимый», «благородный»), латинским (*liber* – «свободный», *liberi* – «дети»), языками указывает на индоевропейский характер основы¹⁹⁶. В эпоху славяно-балто-германского единства, по-видимому, термин отражал половозрастные характеристики. Об этом значении его в праславянском языке можно судить по данным готского языка: готское *liudan* – «расти» показывает, что славяно-балто-германская основа *leudh-* означала «народившиеся», «растущие»¹⁹⁷. Очевидно, что в эту эпоху под *людьми* понималась «молодежь». Таким образом, первоначально термин отражал некоторые половозрастные характеристики. Эти характеристики в виде семантического оттенка можно проследить в позднейших письменных источниках. В.В. Колесов по этому поводу спра-

¹⁹⁴ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К истокам социальной славянской терминологии. С. 91.

¹⁹⁵ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 81.

¹⁹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.2. М., 1986. С. 545.

¹⁹⁷ Дегтярев В.И. О происхождении слова *люд* // Этимология, 1979. М., 1981. С. 86.

ведливо замечает: «Для каждой последующей ступени вверх по лестнице отношений все, кто ниже, – его люди»¹⁹⁸.

Иванов Вяч. Вс. на основе латышских и литовских слов реконструирует значение *leudho* – «свободный земледелец, принадлежащий к своей замкнутой социальной группе»¹⁹⁹. Этой «своей замкнутой группой» наверняка являлась либо семья, либо община. Здесь перед нами налицо уже некоторая эволюция термина в сторону наполнения его социальным содержанием. Каждый *людин* был, прежде всего, *своим* в противоположность чужому, враждебному²⁰⁰. Здесь можно видеть одно из проявлений древнейшей оппозиции: «свой» – «чужой» (отголоски этого противопоставления довольно живо запечатлелись в современном слове «*нелюдь*»).

Семантический оттенок «земледелец» также фиксируется письменными источниками. Совсем не случайно в ПВЛ кочевников *людьми* не считали. Термин *люди* применим к восточнославянским племенам («деревляне же ради бывше внидоша въ градъ и поведаша людемъ и обрадовашася людые въ граде»)²⁰¹, финнам («Югра же людые есть языкъ немъ, и седять с Самоядью на полунощных странах»)²⁰², грекам («створити любовь съ самеми цари, со всемъ болярствомъ, и со всеми людьми Гречьскими»)²⁰³, евреям («Моисии же събравъ люди Жидовския поиде от земли еюпетьски»)²⁰⁴. Есть в летописи и русские *люди* («даль еси сихъ брашно людемъ Русьскимъ»)²⁰⁵. Однако в ПВЛ мы нигде не встретим употребление слова «люди» по отношению к кочевникам: печенегам или половцам. Кочевники – не *люди*. Под 1093 г. упоминаются, правда, торки и *люди* в качестве синонимов. Половцы, осадив Торческ, встретили отпор и «начаша налегати и отъимаху воду и изнемагати

¹⁹⁸ Колесов В.В. Мир человека ... С. 144.

¹⁹⁹ Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *selovekь* 'человек' // Этимология, 1973. М.1975. С. 18.

²⁰⁰ Колесов В.В. Мир человека ... С. 143; Долгов В.В. Быт и нравы ... С. 216.

²⁰¹ ПСРЛ. Т.1. М., 2001. Стб. 59.

²⁰² Там же. Стб. 235.

²⁰³ Там же. Стб. 48.

²⁰⁴ Там же. Стб. 95.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 279.

начаша людье в граде водною жажею и голодомъ и прислаша Торци къ Святополку глаголюще»²⁰⁶. Но здесь не будем забывать, что группа торков, осевшая по р. Рось стала земледельческой и входила в состав Руси.

В эпоху праславянского единства слово «люди» уже означает «народ» и обнимает уже в ту пору достаточно широкие слои мужского населения. В таком значении *люди* встречаются во всех славянских языках: болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском и др.²⁰⁷

Таким образом, в VI – VII вв. слово «люди» уже становится собирательным, обозначая все большие массы славянского населения. Предполагаем, что в этот период за младшими мужчинами еще сохранилось название «люди».

Младшие члены большой семьи, вероятно, имели название «ребенок»²⁰⁸, «чадь» («свежий, новый, молодой»)²⁰⁹. Наряду с этим термином имел хождение термин «отрок» («не имеющий права говорить»)²¹⁰. Использовалось также и слово «холоп»²¹¹. Они были еще более ограничены в своих правах, чем *люди*. На правах младшего члена в семью включался и раб²¹². В состав семьи «юридически» не входили младенцы, о чем свидетельствует этимология этого слова.

Половозрастная структура большой семьи экстраполировалась на более высокий уровень – общинный. Как было уже сказано, община-*вервь* состояла из больших патриархальных семей. Патронимия имела свои органы управления в виде общего собрания и общего главы. Входили они не на равных правах, а признавая старшинство и авторитет старшей семьи²¹³. Именно она оп-

²⁰⁶ Там же. Стб. 221.

²⁰⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 121.

²⁰⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. С. 453.

²⁰⁹ Там же. Т.4.С. 310 – 311.

²¹⁰ Там же. Т.3. С. 172 – 173.

²¹¹ Там же. Т. 4. С. 257.

²¹² Фроянов И.Я. Рабство и данничество ... С. 33 – 73.

²¹³ Косвен М.О. Семейная община ... С. 115 ; Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества ... С. 535.

ределяла внутреннюю жизнь всей общины-патронимии – гнезда-поселений-*верви*.

Лидирующая семья задавала тон всей общинной жизни. В целом община, выстраивая управление, копировала семейные отношения. Потому половозрастная терминология накладывалась на социальную структуру общины. Такая ситуация была универсальна и была характерна для других обществ. С.В. Кулланда проанализировав собранный этнографический материал, говорит, о том, что значения (рефлексы) половозрастного этимона «могли осмысляться и как термины родства, и как показатели принадлежности к некровнородственным общностям в значении «член некоего половозрастного группирования»²¹⁴.

Итак, возглавлял ее *старейшина* (*старец? староста?*), судя по всему, глава лидирующей семьи²¹⁵. *Старейшина* в общине – *верви* обладал схожими полномочиями, что и в семье. Маркировался он таким же образом.

Употребление возрастного термина в социальном значении использовалась и в древнеяванском языке (Древнеяванское *гата*, без дополнительных уточнений, может быть термином родства («отец»), и потестарным термином («старейшина общины»)²¹⁶.

Престиж *старейшины*, глав родов зависел и от количества, многочисленности самого рода. Власть старейшины носила распорядительный характер и была ограничена другими социальными группами – *мужами* и *людьми*.

Совокупность старших родственников большесемейной общины, как и в семье, носили наименование «мужи». *Мужси* обладали таким же весом, как и семье – решали важнейшие вопросы хозяйственной, социальной и ритуальной жизни, т.е. были своей «родной» знатью. В Африке у нуэр, старшие составляющие совет, это главы семейств, имеющие много скота и обладающие

²¹⁴ Кулланда С.В. Праязыковые этимоны и историко-социологические конструкции // Ранние формы социальной стратификации. С. 286.

²¹⁵ Косвен М.О. Семейная община ... С. 115.

²¹⁶ Кулланда С.В. Праязыковые этимоны и историко-социологические конструкции // Ранние формы социальной стратификации. С. 277.

поддержкой многочисленных родственников. Члены младших групп всегда обязаны проявлять внимание и уважение к членам более старших возрастных групп²¹⁷. Аналогичным образом ситуация складывалась и у славянских *мужей*.

Генетическую связь между статусом старших мужчин в эпоху первобытного общества и статусом общинной знати можно проследить на этимологических примерах различных народов. Так, у северных квакиютлей общинная верхушка именовалась «хаймас», т.е. «настоящие мужчины». Это этимологическое явление также обладает универсальным характером²¹⁸. К сказанному можно добавить, что при анализе экономического статуса старших мужчин в традиционном австралийском обществе можно сослаться на представления аборигенов тиви, считавших глав больших домохозяйств «богатыми» людьми²¹⁹. Интересно также предположение, что «те слова, которые применяются у аборигенов к мужчинам, составляющих группу старших, и переводятся как «старшие», имеют в известной мере оценочное значение «лучший», «заслуженный»²²⁰. Т.е. можно заключить старшие мужчины – своего рода «знатные» члены общины. Полагаем, что такое же правило действовало и для славян.

Старшими мужчинами большесемейной общины были *мужи* старшей патриархальной семьи. Таким образом, на правах *мужей* включался в семейный совет «старейшей» семьи и глава нижестоящей семейной организации (т.е. старейшина). Однако, теперь он по отношению к вышестоящему *старейшине* не мог назвать себя термином равным ему, потому он называл себя нижеследующим по старшинству, т.е. *мужем*. Итак, получается то, что в общинный совет старшей семьи входили на правах *мужей* лидеры младших семей. В таком случае термин «мужи» становится аморфным, включая в себя

²¹⁷ Калиновская К.П. Возрастные группы ... С. 71.

²¹⁸ Белков П.Л. Социальная стратификация ... С. 92.

²¹⁹ Там же. С. 94.

²²⁰ Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М. 1987. С. 116.

различных по статусу мужчин. Потому этот термин приобретает уже наряду с возрастным значением явный социальный оттенок.

Можно говорить и об автоматическом перенесении стереотипа взаимоотношений между старшими и младшими мужчинами, складывающегося в различных сферах деятельности (в т.ч. и сакральной) на все другие области жизнедеятельности, обеспечивая главенство и моральную неприкосновенность старших мужчин²²¹.

Схожая ситуация складывалась и для термина «люди». Получается, что в какой-то момент *людином* могли назвать в данной ситуации теперь *мужа*, нижестоящей рангом большесемейной общины. В данную категорию попадали не только молодые возрастом, но «молодые» социально, по отношению к главенствующему родственному коллективу. Здесь, как и в случае с *мужем* налицо уже наполняемость термина, ранее обозначавшего половозрастные характеристики, вполне конкретным социальным содержанием. Этот термин «расплывается» обозначая все больше социальных агентов. Т.е. в «общинных» *людях* могли теперь скрываться как *мужи* нижестоящих семей, так *люди* и *чадь* старшей семьи.

Именно таким образом, слово «люди», обозначающее «молодежь», преобразовалось и, в конце концов, стало использоваться для обозначения всего славянского народонаселения. В этом, на наш взгляд, коренится многозначность термина «люди» в позднейшее время в письменных известиях, отмечаемая многими историками.

Любопытно, что в африканских обществах (аканы) простых общинников, также называли термином «оканиба» – настоящие люди, «айемфо» – простые люди. Показателен также и другой термин аканов «асафо», обозначавший рядовых общинников, означавший буквально «молодежь»²²².

Этот механизм социального маркирования справедлив и для других терминов «чадь», «отрок».

²²¹ Белков П.Л. Социальная стратификация ... С. 89.

²²² Попов В.А. Историческая динамика ... С. 137.

При наличии нескольких родственных общин одна из них считалась старшей, «обладая преимуществом и известным авторитетом»²²³. Эта победившая в борьбе за лидерство община и соответственно семья возглавляли племя. Именно из этой семьи выдвигались вожди и старейшины всего племенного союза. Таким образом, вожди и старейшины были членами одной семьи, рода²²⁴.

Такое положение вещей вполне согласуется с известиями летописца, описывающего раннюю историю полян. После смерти легендарного Кия, и его братьев и сестры Лыбедь «держати почаша род ихъ княженъ въ Поляхъ»²²⁵. Это отмечают и византийские писатели, часто описывая славянских вождей во множественном числе²²⁶.

Поддержка родом своего представителя в роли вождя гарантировалась тем, что к выполнению престижных и выгодных функций в племени или союзе племен приобщал и своих ближайших родичей. Вспомним здесь и сообщение византийского писателя, описывающего случай отправки некоего Мезамира послом к кагану аваров, который был братом вождя славянского союза Келагаста, унаследовавшего в свою очередь власть от своего отца Идаризия²²⁷.

В Южной Аравии отношения личной зависимости в сообществах сабейского культурного ареала среднего периода выступали нередко как отношения зависимости рода от рода, а не индивида от индивида. Именно роды, а не отдельные личности рассматривались здесь в качестве правителей «племен»; именно роды, а не отдельные индивиды являлись носителями некоторых титулов²²⁸.

²²³ Косвен М.О. Семейная община... С. 115.

²²⁴ Там же. С. 149.

²²⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 10.

²²⁶ Например: Менандр Протектор // Свод I. С. 317, 321.

²²⁷ Менандр Протектор // Свод I. С. 317.

²²⁸ Коротаев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н. э. – IV в. н.э.) // Ранние формы социальной стратификации. С.295.

Не будет лишним вспомнить здесь слова выдающегося отечественного медиевиста А.Я. Гуревича, занимающегося исследованием варварских обществ Западной Европы, о такой характеристике средневековой личности, как «неотдифференцированность ее от коллектива, более того, поглощенность ее родом, общиной, большой семьей, вследствие чего индивид не мыслит себя отдельно от группы, его личный статус растворялся в статусе группы, к которой он принадлежал»²²⁹.

Достижение одним родом ведущего положения в племени сопровождалось острой и кровавой борьбой по всей вероятности и в славянском обществе, а не только среди полукочевых народов на стадии военной демократии, о чем хорошо известно. В связи с этим можно полагать, что поражение в борьбе за власть рода-соперника имело для него трагические последствия.

Неудачливые роды (семьи, общины) чаще всего оказывались на чужбине, переселяясь в другие земли (например, в византийские области), о чем сообщают греческие авторы. Феофилакт Симокатта повествует о том, как византийский император послал к Дунаю военачальника «чтобы роды (γερν) славян... против воли оставили Фракию в покое»²³⁰. Таким образом, вполне обычным для византийцев представляется переправка через Дунай родственными коллективами. Возможно, что экспансия славян в пределы Византийской империи – это в какой-то мере результат внутренних неурядиц, сродни последующей потом норманнской экспансии. О том, что славянское общество было раздираемо конфликтами, свидетельствует фраза одного византийского писателя Маврикия Стратега писавшего о славянских старейшинах: «Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне, некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность

²²⁹ Гуревич А.Я. Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории до-капиталистических обществ. М. 1968. С. 394.

²³⁰ Там же. С. 19.

ко всем не привела бы к [их] объединению, или монархии»²³¹. Возможно слова летописца о походе на Дунай Кия, который «хотяше сести с родомъ своимъ», являются отражением этой внутренней борьбы²³².

Итак, слой племенной знати консолидировался в основном из возвысившихся патронимий и семей. Наследственность власти утверждалось, прежде всего, как право рода в целом.

Племя возглавляли племенная старшина, состоящая, надо полагать, из князей и *старейшин*. Именно к этим славянским племенным старейшинам подходили послы от хакана аваров, «чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами»²³³. Судя по материалу *старейшины*, играют значительную роль в подготовке походов. По всему видимому, им принадлежала инициатива начала боевых действий. Согласно сообщению Феофилакта Симокатты, хакан аваров отправил послов к славянским племенам, «чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами»²³⁴. Очевидно, что старейшины племени (союза племен?) обладали известными полномочиями. Исполнителями этих мероприятий по всему видимому были военные вожди (князья).

Следующую ступень в социальной лестнице, занимали *мужи*, игравшие определяющую роль в старшем роде в силу своего возраста, авторитета и жизненного опыта. Именно, они входили в состав родоплеменной знати. В ее состав на правах *мужей* входили и главы общин (*старейшины, старцы*). Теперь термин «муж» обозначает еще больше социальных агентов. Таким образом, полисемичность и аморфность слова «муж» еще более увеличивается.

Впрочем, сказанное справедливо и для слова «люди», объем которого еще более возрастает. В родственном коллективе для старшего мужчины (*мужа, старейшины*) *людином* был свой младший родственник. Эти *люди* в

²³¹ «Стратегикон» Маврикия // Свод I. С. 375.

²³² ПСРЛ. Т.1. Стб. 10.

²³³ Феофилакт Симокатта // Свод II. С. 17.

²³⁴ Там же.

последующей рукописной традиции стали снабжаться эпитетами «его», «свои»²³⁵. *Людин* здесь подчинялся родовой (семейной) старшине, но, в то же время, он являлся *мужем* для других младших родственных коллективов.

Эволюция значения слова «люди» шла и по другой линии. В этом случае значение термина включало в себя, прежде всего, «социально младших» мужчин племени (но, полноправных!). *Людьми* стали называть мужчин низестоящей социальной структуры (большой семьи и др.), т.е. «младших социально». Таким «социально младшим» мужчиной мог быть и *муж*, и *старейшина*. Таким образом, происходило наложение названий. Одного и того же человека могли обозначить различными терминами – все зависело от социального ранга говорящего.

Под именем «людин» теперь уже все чаще скрывался глава большой семьи. Именно это значение стало основным в различных письменных источниках.

В этой союзной племенной организации по отношению к низестоящим племенам отношения авторитета плавно переходили в разряд отношений господства-подчинения. Остальные племена, входившие в этот союз, по возможности противодействовали лидирующему племени.

Людые в союзе племен охватывало еще более широкие слои восточнославянского населения. Ведь теперь туда, помимо перечисленных категорий, попадала и племенная старшина.

Несовершеннолетние члены общины, племени и союза племен носили, как и в семье, название «чадь», «отроки». Вряд ли можно говорить о выделении внутри славянских общин VI – IX вв. людей, потерявших личную свободу. Стоит согласиться с И.Я. Фрояновым о том, что у славян можно найти лишь одну форму несвободы – «временное рабство, питавшееся за счет полна, приобретаемого во время грабительских войн, получивших тогда очень широкое распространение. Рабовладение никоим образом не нарушало соци-

²³⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 56, 57, 82 и др. См., также: ПРП. С. 41.

альную структуру родоплеменного общества. Оно не имело сколько-нибудь серьезного и производственного значения. Его нельзя рассматривать как фактор классовобразования, разлагающего традиционные общественные связи. Скажем больше: функционально рабство укрепляло родоплеменную организацию, особенно в сфере религиозной. А также военной. И в этом своем качестве «первобытное рабство» выступало не только в «антскую эпоху» Но и позднее, – во времена восточного славянства»²³⁶. Славяне, как и другие народы на данной стадии развития, вначале брали в плен только женщин и детей. Так, захватив город Топер, они по свидетельству Прокопия Кесарийского «всех мужчин до 15 тысяч тут же убили, все богатства разграбили, а детей и женщин обратили в рабство»²³⁷. Именно они с легкостью могли быть адаптированы в родоплеменную славянскую структуру.

Очевидно, что рабов как социальной прослойки не существовало – они органично вписывались в родственные структуры славянского общества. Не надо также, забывая о том, что социальный статус раба, определялся статусом рода, в который он входил. И потому положение раба, инкорпорированного в старший род, было достаточно необычным, по отношению к «родственникам», он, конечно, был *чадью*, но для нижестоящих родовых структур он вполне мог оказаться *мужем*²³⁸. Здесь, все зависело от позиции говорящего.

Рассматривая военную организацию славян в VI – VII вв. Б.Д. Греков отождествлял «народ» и «войско»: «в этот период у всех народов войско и народ – понятия тождественные»²³⁹. И далее уточнял: «Военная служба в это время не была привилегией для одних, ни бременем для других, но обязанностью всех. Военная сила складывалась из вооруженных людей; на войну шел

²³⁶ Фроянов И.Я. Рабство и данничество ... С. 74.

²³⁷ Прокопий Кесарийский // Свод I. С. 193.

²³⁸ Трудно сказать, сливался ли он полностью со свободными, или все же входил в кровнородственный коллектив на более ограниченных правах, чем остальные родственники.

²³⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 385.

всякий, кто был способен»²⁴⁰. И.Я. Фроянов также признавал «славян VI – VII вв. (а также и более позднего времени) вооруженным народом»²⁴¹. По мнению В.В. Амельченко, «в те далекие времена у славян понятие «вооруженные силы» не существовало, поскольку ими были все взрослые люди, соответственно вооруженные для борьбы с чужеземными пришельцами»²⁴².

Взгляды ученых опираются здесь, прежде всего, на данные языка, свидетельствующие о близости слов «народ» и «войско». Например, у хорват слово «vojska» значит «люди». Сербы до настоящего времени обозначают словом «vojska» домочадцев, большую семью. Сербская женщина до сих пор называет своего мужа словом vojno. Западные славяне словом vojsko называли «множество», «число»²⁴³. Происхождение этого термина, по-видимому, можно отнести ко временам индоевропейского единства. Он восходил к литовскому «veju», что значит «гнаться, преследовать»; авестийскому «vayeiti» («гонит», «преследует»); древнеисландскому «veig» («охота») и др.²⁴⁴.

Следует обратить внимание также и тождественность понятий «народ» и слово, имеющее непосредственное отношение к военной лексике – «полк» во времена славянского единства, и даже ранее. *Полк* – чеш. pluk, ст. – сл. «пълк», рус. «полк», серб «пук», до настоящего дня у многих славян означает «народ вообще», «простой народ». Можно проследить и на данных современного немецкого языка, где слово «Volk» также значит «народ»²⁴⁵. Славяне здесь не одиноки, аналогичную ситуацию мы наблюдаем и у тюркских народов²⁴⁶.

Об организованности народа по военному принципу свидетельствует и само слово «народ». В связи с этим В.В. Колесов справедливо заметил, что

²⁴⁰ Там же. С. 386.

²⁴¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 187.

²⁴² Амельченко В.В. Дружины Древней Руси. М., 1992. С.8.

²⁴³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1.С.334 - 335

²⁴⁴ Там же. С. 334 – 335.

²⁴⁵ Фасмер М. Этимологический словарь ... Т.3. С. 523.

²⁴⁶ Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков // РА – 2004. №4. С. 100 – 108.

«народъ – это «полк» и отличается лишь тем, что «не всегда воюет»²⁴⁷. Исследователь указывает, что исконным значением слова *народъ* была «толпа, бесконечное множество, сбор», «причем это множество всегда было организовано по какому-либо признаку, и прежде всего как воинское объединение»²⁴⁸. Приводя в пример сравнительно-языковые параллели автор пишет также о том, что «войско и стан кочевого рода назывались тем, же словом, что и сам род»²⁴⁹.

Таким образом, данные сравнительного языкознания позволяют нам сделать вполне убедительный вывод о том, что в древности вооруженный народ составлял основную ударную силу в военных операциях и *людин* той эпохи во время войны становился воином.

Исторические сочинения древних авторов также подкрепляют тезис о том, что народная масса и военная организация VI – VII были неразделимым целым. Например, Феофилакт Симокатта рассказывая об очередном поражении «ромеев» от славян пишет: «С началом весны стратиг был послан императором к Истру, чтобы роды славян (Σκλαυηνῶν γένη), встретив преграду для переправы через реку, против воли оставили Фракию в покое»²⁵⁰. Указанный отрывок проясняет характер масштабных походов на византийцев: походы совершались большими родственными коллективами (родами славян).

Источники указывают на всеобщую вооруженность славян: «Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками, и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом...»²⁵¹. Письменные данные убедительно также говорят нам о том, что славяне в военных операциях, чаще всего, участвовали в качестве пеших

²⁴⁷ Колесов В.В. Мир человека ... С. 138.

²⁴⁸ Там же. 137.

²⁴⁹ Там же. 137.

²⁵⁰ Феофилакт Симокатта // Свод II. С.19.

²⁵¹ «Стратегикон» Маврикия // Свод I. С. 371.

воинов. Однако имеются свидетельства и о славянских воинах всадниках. Так, Феофилакт Симокатта описывая славян, ушедших в разведку, замечает: «Спешившись с коней, славяне решили отдохнуть в тени и дать постоять лошадям»²⁵².

Социальный состав участников военного мероприятия напрямую зависел от самого характера предпринимаемых славянами операций.

Можно говорить о славянских набегах и об экспансиях. Приведенные выше известия Феофилакты Симокатты позволяют сделать вывод об этом нашествии «родами славян» как одной из волн славянских экспансий. Как явствует из источника, осуществлялось это масштабное мероприятие силами больших родственных коллективов. Вполне, естественно, что активное участие в этой экспедиции предпринимали различные слои населения, различные половозрастные группы: *мужи*, *люди* и остальные слои.

На общем фоне масштабных походов четко выделяются набеги с целью захватить добычу: скот, пленников и т.д. Близким по характеру к набегам было участие славянских войск и в составе соединенных военных сил другого иноэтничного образования. В этих случаях на первый план выдвигаются *люди* как наиболее активные, молодые и боеспособные. Это не значит, что здесь не могли участвовать *мужи*. Но наиболее высокая заинтересованность в таких мероприятиях была, прежде всего, у *людей* (мотивы повышения своего статуса, престижа).

Предметом спора ученых является наличие у древних славян такого важнейшего социального института как *княжеской дружины*²⁵³. Интерес к *дружине* объясняется тем, что она рассматривается в качестве важного фермента полито- и социогенеза²⁵⁴.

²⁵² Феофилакт Симокатта // Свод II. С. 35.

²⁵³ Намеренно выделяем здесь: *княжеская дружина*, поскольку *дружина*, как уже говорилось ранее, являлась кровнородственным институтом, присущим всему славянскому обществу.

²⁵⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 188.

Определяя важнейшие критерии *княжеской дружины*, А.А. Горский писал: «Дружина, во-первых, является отрицанием родового деления общества, поскольку набирается и строится не по родовому принципу, а по принципу личной верности; во-вторых, дружина находится вне общинной структуры общества: она оторвана от нее социально (дружинники не являются членами отдельных общин, так как дружины существуют при вождях более крупных объединений) и территориально (в силу обособленного проживания дружинников)»²⁵⁵.

Предложенные А.А. Горским, критерии для характеристики *княжеской дружины* того времени вряд ли применимы. Сами источники не определяют достоверно и четко: *княжеской дружиной* или руками вооруженного народа ведется та или иная операция. Нет достоверных свидетельств об отделении *княжеской дружины* территориально в этот период. Письменные источники не позволяют сделать выводы об ее обособленном проживании.

Об отделении *дружины* социально говорить также еще не приходится. *Княжеская дружина* в тот период еще не набиралась по принципу личной верности. Сущность *княжеской дружины* в тот момент была совершенно иной.

Нами уже была чуть ранее рассмотрена «гражданская» суть *дружины* и был сделан вывод о ее тождественности большесемейной общине – *верви*. *Княжеская дружина* также являла собой пример кровнородственной общины – *верви*. Исходя из этих посылок, история *княжеской дружины* начинается одновременно с другими *дружинами*. В силу различных благоприятных обстоятельств эта первоначальная община-*дружина* смогла возвыситься над другими, и стать *княжеской*. Этими благоприятными факторами были, прежде всего, старшинство, иерархия, какие-то другие обстоятельства.

Сначала принципиально не отличаясь от других, затем возвысившись, *княжеская дружина* более активно, чем другие начинает вбирать в себя раз-

²⁵⁵ Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 27.

личные «соседские» элементы, которые занимали различное положение в ней. Таким образом, *княжеская дружина* несколько отделяется от остальных *дружин* своих соплеменников. Но эти элементы тут же облекались в половозрастные одежды, и пока несли на себе тяжелую печать патриархальности. И потому по сути своей она еще пока представляет кровнородственную организацию.

В таком ключе нами рассматривается и вопрос о противопоставлении *княжеской дружины* и народного ополчения. В.И. Довженок и М.Ю. Брайчевский в одной из статей утверждали, что *княжеская дружина* была противопоставлена не только внешнему врагу, но и в какой-то мере собственному невооруженному населению²⁵⁶. И.И. Ляпушкин эти взгляды раскритиковал и привел убедительные факты о массовой вооруженности подавляющей массы восточных славян VI – VII вв.²⁵⁷. Однако, эти взгляды построены на определенном противопоставлении дружинной организации остальной народной массе. Потому находим важными и справедливыми замечания И.Я. Фроянова об искусственности и неоправданности попыток изоляции *дружины* от гражданского общества²⁵⁸. *Княжеская дружина* была точно таким же порождением славянской общественной стихии, как и остальные *дружины-верви*.

Таким образом, применительно к ранней восточнославянской истории формулируется два важнейших значения понятия «люди»: *люди* как половозрастное понятие, отражавшее группу младших мужчин в низовых социальных структурах (семье); и *люди* как социовозрастное обозначение довольно пестрой, неоднородной в социальном отношении массы полноправных общинников в общине, племени или союзе племен, и шире всего славянского общества. Эти два значения сосуществуют и в дальнейшем – их можно легко обнаружить в письменных источниках. Однако, последнее значение встречается гораздо чаще, оно и станет предметом нашего внимания в дальнейшем.

²⁵⁶ Довженок В.И., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси // В.И. 1950. №8. С. 75.

²⁵⁷ Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы ... С. 156 - 161.

²⁵⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 67.

Важнейшей социальной особенностью *людина* явилась его «неотдифференцированность от коллектива»; его поглощенность родственными отношениями. Особенность социальной структуры наложила свой отпечаток на вооруженные силы. *Княжеская дружина* не была инородным телом в социальном организме восточных славян. Она органично входила туда, возглавляя в случае военных действий соподчиненных, согласно иерархии, конгломерат *дружин*. В зависимости от цели военного мероприятия (набега или масштабного нашествия, оборонительных действий) участвовало различное количество *людей*, становясь в этом случае *воями*.

ГЛАВА II. ЛЮДИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII ВВ.

§ 1. Люди в древнерусской семье.

Типология древнерусской семьи в X – первой трети XII вв. Положение людина в древнерусской семье: людин как господин.

Целесообразно начать рассмотрение людей в древнерусском обществе с макросоциальной ячейки общества – семьи. Именно роль *людина* в древнерусской семье предопределяла его важнейшие сущностные характеристики в древнерусской общине, являвшейся основным элементом общества, а также в древнерусском социуме в целом.

По мнению Б.Д. Грекова доминирующей формой древнерусской семьи X – XII вв. являлась малая индивидуальная²⁵⁹. Аналогично рассуждал и Я.Н. Щапов²⁶⁰. Эта точка зрения встречается и в настоящее время. Авторы коллективной монографии «Русские: история и этнография» считают, что сельские общины IX – XI вв. состояли в основном из малых семей. В XI – XIII вв. такие семьи существовали «у князей, бояр, горожан, а у сельского населения отмечались... исключительно малые двухпоколенные семьи». В то же время, по мнению ученых, существовали и большесемейные коллективы, представляющие собой объединения 3-5 поколений родственников²⁶¹. С этим соглашается и С.В. Омелянчук²⁶².

Противоположную позицию занял И.Я. Фроянов. Проанализировав большой круг источников, ученый пришел к выводу, что говорить о господстве малой индивидуальной семьи в Киевской Руси можно лишь «в плену самогипноза»²⁶³. В то же время автор подчеркивал, что отрицание вообще

²⁵⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 120.

²⁶⁰ Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // ВИ. 1970. № 10. С. 216.

²⁶¹ Русские: история и этнография. М., 2008. С. 372-373.

²⁶² Омелянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX – XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тамбов, 2009. С. 14.

²⁶³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 37.

существования малой семьи «было бы безрассудно»²⁶⁴. В.Я. Конецкий также утверждает, что «говорить о сколь-нибудь существенном значении малой семьи как экономической единицы в этот период (конец I тысячелетия – А. С.) нет оснований»²⁶⁵.

Итак, вопрос о типологии семейной организации в Киевской Руси остается остродискуссионным.

Большой пласт письменных источников позволяет заключить о крепких еще родоплеменных устоях, бытовавших в семье. Одна из статей Устава Ярослава говорит: «Аще мужь оженится иною женою, а со старою не распустився, мужь митрополиту в вине, а молодую пояти в дом церковный; а со старою ему жити»²⁶⁶. В другой статье этого же устава сказано: «Аже две жене кто водить, епископу 40 гривен, а которая подлегла, та пояти в дом церковный, а первую держать по закону...»²⁶⁷. Особенно ярко иллюстрирует наличие большой семьи, живущей под одной крышей, следующий пример: «Аже свекор с снохою сблудить, епископу 6 гривен». Статьи 12, 14, 15, 22 Устава Ярослава, содержащие санкции за половые отношения в кругу родственников, дают также основания говорить о неизжитости родоплеменных отношений в семейных коллективах. А статья 21 устанавливает ответственность за случай, если «девер с ятровью падеться»²⁶⁸. На основании этих двух статей можно сделать выводы о совместном проживании этих родственников, хотя, конечно, деверь с ятровью могли и на стороне сворковаться.

И.Я. Фроянов, использовавший результаты своего анализа позднейших упоминаний о семье, пришел к выводу, что и в XIV – XVI вв. большая и неразделенная семья встречается довольно часто. Таким образом, контуры большой семьи в источниках выделяются достаточно четко. Вполне справед-

²⁶⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты С. 66.

²⁶⁵ Конецкий В.Я. К изучению низовых социальных структур (семьи и общины) у славян Приильменья в эпоху образования Древнерусского государства // Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого : сер. гуманитар. науки. Новгород, 1996. N 4. С.55.

²⁶⁶ Российское законодательство ... С.169.

²⁶⁷ Там же. С. 169.

²⁶⁸ Там же. С.169.

ливо в связи с этим И.Я. Фроянов замечает, что если «еще в XII в. часто случалось многоженство, то какая патриархальщина царила в семейном быту перед образованием Древнерусского государства?!»²⁶⁹.

Существование больших семей подтверждается археологическим материалом. В это время продолжают существовать «селища – большие патриархальные семьи» и «селища – группы больших патриархальных семей». Поселки, как и ранее, располагались гнездообразно, что свидетельствовало об их единстве и тесных внутренних контактов в каждой группе селищ²⁷⁰.

Справедливости ради нужно отметить, что археологами обращено внимание на появление миниатюрных селищ, свидетельствующих о выходе на историческую сцену малых семей²⁷¹. Хотя такого рода поселения вполне могли принадлежать и неразделенным семьям²⁷².

Письменные источники также выдвигают ряд бесспорных свидетельств существования малой семьи. Это статьи 7, 92 – 94, 100 – 106 и др. ПП.

Однако, свидетельств в пользу большой семьи намного больше. Поэтому, пожалуй, следует признать правоту И.Я. Фроянова, говорившего о доминировании большой семьи в общественной жизни Киевской Руси.

Сосуществование малых и больших семей хорошо иллюстрируют слова В.В. Долгова, отметившего, что оно было «текучим процессом, в котором минимальной структурной общественно-психологической единицей с догосударственных времен была супружеская пара (муж и жена). Происходило это довольно просто: малая парная семья со временем превращался в большую патриархальную, в которой жили вместе несколько поколений – дедушки и бабушки, дети с женами, внуки. Потом какая-нибудь пара выделялась в отдельное жительство, и история повторялась»²⁷³.

²⁶⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты ... С. 37.

²⁷⁰ Тимошук Б.А. Восточные славяне ... С. 154

²⁷¹ Там же. С. 156

²⁷² Там же. С. 157.

²⁷³ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси ... С. 30.

Половозрастная структура семьи со времен восточнославянского быта существенно не изменилась. Как и ранее во главе семьи стоял старший мужчина. На «миру» в зависимости от статуса семьи и, в первую очередь, от статуса самого говорящего, он маркировался *старейшиной*, *мужем* или *людин*, а то и *чадь*ю.

Как уже говорилось ранее, сами домочадцы внутри семьи называли его «господин». *Господином* называют его и источники. Довольно отчетливо это можно увидеть в берестяной грамоте № 531, где сестра, нуждающаяся в заступничестве брата, обращается к нему как «Брате господине»²⁷⁴. Обращается примерно также в своих стенаниях к уже убитому Борису (по всему видимому являвшимся наследником киевского стола) Святополком его брат Глеб «господине мой»²⁷⁵.

Младшие члены семьи выступали в источниках как *чадь* («аще будеть нога или начьнеть храмати, тогда чада смирятя»²⁷⁶, «матери же сихъ чад плакахуся»²⁷⁷), *отроки* («и ако отдоися отročя Исаакъ и укрепе»²⁷⁸) или *дети* («аже будуть в дому дети мали»²⁷⁹).

Внутри семьи царила строгая иерархия. *Господин* оставался полновластным главой, как в большой, так и в малой семье. Модель отношения главы семьи к детям можно охарактеризовать как деспотическую, которая, правда, совсем не исключала чувств родительской любви и привязанности. Его власть до тех пор распространялась на детей, пока они не становились совершеннолетними, и не выходили из состава семьи, образовав новую.

Впрочем, под влиянием хозяйственных сдвигов и проникновением на русь христианства, как считают историки, власть *господина*, по отношению к

²⁷⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект ... С. 416.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т.3. С. 173.

²⁷⁶ Российское законодательство ... С. 47.

²⁷⁷ ПСРЛ. Т.3. С. 157.

²⁷⁸ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. СПб., 2004. С. 28.

²⁷⁹ Российское законодательство ... С. 71.

детям стала смягчаться²⁸⁰. Но и в христианский период родители сохранили право распоряжаться свободой своих детей.

Главы семей распоряжались брачной судьбой своих детей: «по своему произволу женили сыновей и выдавали замуж дочерей»²⁸¹. На основании статьи РП о «потоке и разграблении» (ст. 7 ПП) можно сделать вывод, о том, что власть главы семьи простиралась и на личные и имущественные отношения детей.

Права детей расширялись по мере взросления. Однако, полностью родительская власть над членами семьи прекращалась только после смерти ее главы.

Характерной чертой супружеских отношений была «зависимость женщины от мужчины, обусловленная физическим превосходством последнего»²⁸². Сам социальный статус женщины всецело определялся статусом ее мужа в древнерусской семье²⁸³.

Власть *господина* распространялась и на неполноправных членов семьи. Неполноправные члены семьи включали в себя *закупов, рядовичей, холопов, челядь*²⁸⁴.

Таким образом, в X – первой трети XII вв. на Руси сосуществовали две формы семьи: малая и большая, при доминирующем положении последней. *Людин* времен Киевской Руси в древнерусской семье представлял собой домохозяина, маркировавшегося как *господин*. В семье царил строгая иерархия, и *господин / людин* являлся полновластным главой, направляя всю внутреннюю и внешнюю жизнедеятельность этого микросоциального коллектива.

²⁸⁰ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси ... С. 47 ; Омелянчук С.В. Брак и семья... С. 19.

²⁸¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 453.

²⁸² Омелянчук С.В. Брак и семья ... С. 17.

²⁸³ О положении женщины в древнерусской семье существует довольно обширная литература, поэтому специально останавливаться на этой проблеме не будем. См., например: Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 442 – 450 ; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 70 – 155 ; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М., 1998. С. 263 – 265 ; Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси ... С. 29 – 44 ; Омелянчук С.В. Брак и семья ... С. 17 - 18.

²⁸⁴ Об этих группах неполноправного населения пойдет речь в третьей главе.

Однако, древнерусская семья (как большая, так и малая), несмотря на очевидные хозяйственные успехи, вряд ли составляла экономически независимую единицу – без поддержки родственников выжить было не так легко. Такой экономически независимой единицей была – *вервь*. Она и составляла основную ячейку восточнославянского общества в X – первой трети XII в.

§ 2. Люди и сельская община.

Люди как сельское население. Социальная природа верви в X – XI вв. Связь верви и людей. Состав верви. Функции верви. Вервь и вотчина. Мир и вервь.

В многозначной семантике слова «люди» достаточно зримо выявляется образ сельского жителя. Лишь в силу специфики летописных источников, сосредоточенных главным образом на городской жизни этот изначальный смысл слова «люди» теряется на страницах летописи. Но всё же можно вполне убедительно говорить о *людях* как о жителях села и в древнерусскую эпоху.

Уже само понятие «людие градские»²⁸⁵, помещенное в ПВЛ позволяет косвенно заключить, что существуют и «людие сельские». Это положение можно подтвердить известным летописным отрывком под 1069 г.: «Изяславу же со Всеволодом Кыеву побегшу, Святославу Чернигову и людье Кыевстии прибегоша Кыеву и створиша вече на торговище»²⁸⁶. Расплывчатый термин «*людье Кыевстии*» скрывает, на наш взгляд, население волости, которое, само собой разумеющееся, подразумевает как население пригородов, так и сел.

Есть масса других сведений, выходящих, правда, за хронологические рамки нашего исследования, но, тем не менее, очень красноречивых, позволяющих говорить о *людях* как о жителях сел. Под 1159 г. «Изяславу же стоящю с половци и велику пакость створиша села пожгоша, люди повоеваша»²⁸⁷. вполне определенно, что *люди* связываются с селом. Очевидна связь

²⁸⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 230.

²⁸⁶ Там же. Стб. 170.

²⁸⁷ Там же. Стб. 349.

людей с селом и в следующем отрывке, означенного под 1169 г. Половцы «ехаша за Кыевъ воевать» и «взяша села безъ утеча с людми, с мужи и с женами»²⁸⁸. Чуть позднее объединенные военные силы князей Мстислава, смоленских князей (Романа и Мстислава), рязанского и муромского князей выступили против Великого Новгорода и «много зла створиша, села вся взяша и пожгоша и люди по селомъ исекоша, а жены и дети, именья и скоть поимаша»²⁸⁹. Через два года зимой пришли половцы на «Кыевскую сторону и взяша множество сель за Кыевомъ с людми и скоты и кони»²⁹⁰.

Другие письменные источники убедительно говорят нам о том же. В Киево-Печерском патерике слово «люди» употребляется в значении «населения городов и сел» – «сии слышавшее жена, помысл лукав в сердци сий приимши, всаждает его на коня съ многими слугами, и повеле его водить по градом и по селам якоже довлеть ей, глаголющее ему: “Сиа вся твоя суть, яже угодна суть тебе, твори якоже о всем”. Глагола же и к людям: “Се господин ваш, а мой муж, да вси; сретающе, покланяйтесь ему”»²⁹¹.

Как сельские жители упомянуты *люди* и в Церковном Уставе Ярослава («селские людии») ²⁹². Довольно четко указывает на связь *людина* с селом и ПП: «где же не будет ни села ни людии, то не платити ни продажи ни татбы»²⁹³. Статья 3 ПП связывает *людей* и *вервь*²⁹⁴. *Люди* выступают здесь как члены *верви*.

Каков характер этой связи? Каковы были отношения людей в *верви*? На эти вопросы не будет ответа, если сначала не разобраться в том, что же такое *вервь* в эпоху Киевской Руси.

²⁸⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 358.

²⁸⁹ Там же. Стб. 361.

²⁹⁰ Там же. Стб. 363.

²⁹¹ Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т.4. С. 426

²⁹² Российское законодательство... С. 169.

²⁹³ Там же. С. 69.

²⁹⁴ Там же. С. 48.

Над проблемой *верви* ломали головы многие маститые ученые. Диапазон мнений о сущности древнерусской *верви* очень широк. Как родственная организация *вервь* рассматривалась довольно большим количеством ученых²⁹⁵.

Часть историков видела в ней соседскую организацию. М.А. Дьяконов определял *вервь* как территориальный округ, «члены которого связаны круговой ответственностью по некоторым судебно-полицейским и финансовым делам»²⁹⁶. А.Е. Пресняковым и Н.П. Павловым-Сильванским *вервь* понималась как сельская территориальная община²⁹⁷.

Спор был продолжен и советскими историками. С некоторыми вариациями основные подходы к разрешению этого вопроса сохранились. С.В. Юшков и В.В. Мавродин предложили трактовать термин «вервь» как семейную общину – задругу, находящуюся на стадии разложения²⁹⁸. Б.Д. Греков настаивал на другом понимании *верви* и считал, что в Русской Правде данным термином обозначалась соседская территориальная община. Для подкрепления своего вывода Б.Д. Греков привлек Полицкий статут – один из важнейших памятников права южных славян, действовавший в Средние века в Далмации – «Полицкий статут знает большую семью, но вервью ее не называет»²⁹⁹. Точка зрения Б.Д. Грекова по этому вопросу получила поддержку у ведущих советских историков и долгое время была доминирующей³⁰⁰.

Новый импульс для обсуждения этой тематики придала книга М.О. Косвена вышедшая в 1963 году. Ученый на основании довольно большого

²⁹⁵ Чебышев – Дмитриев А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 46 ; Леонтович Ф.И. О значении *верви* по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругой // ЖМНП. 1867. апрель. С. 8 – 12 ; Бестужев – Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т.1.С. 43.

²⁹⁶ Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 137.

²⁹⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 99 ; Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 395.

²⁹⁸ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 87 ; Мавродин В.В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). М., 1946. С. 108, 111.

²⁹⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 660.

³⁰⁰ Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII – XIII вв. М. - Л., 1963. С. 62 – 63 ; Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. // Исторические записки. Т. 56. 1956. С. 236.

сравнительного материала сделал вывод, о том, что древнерусская *вервь* была патронимией³⁰¹. Решительно выступил против этой идеи О.М. Рапов – сторонник старого взгляда на *вервь* как на территориальную общину. Более осторожную позицию занял Б.А. Рыбаков, полагавший, что *вервь* претерпела эволюцию от родовой, к соседской общине в XI – XII вв. И.Я. Фроянов раскритиковал взгляд на *вервь* как чисто соседскую организацию и считал, что *вервь* занимала «промежуточное положение между семейной общиной и территориальной», указывая, что родственные отношения были весьма ощутимы³⁰². Довольно сильную аргументацию в защиту точки зрения о кровнородственном характере *верви* выстроила Л.В. Данилова³⁰³. Взгляд на *вервь* как на кровнородственный коллектив был в недавнее время поддержан В.С. Васильевым³⁰⁴.

Итак, несмотря на довольно длительный период жарких споров к единому мнению о *верви* исследователи еще не пришли. Это объясняется скудостью источников – термин «*вервь*» встречается только в Русской Правде. Да и сама Русская Правда говорит о *верви* весьма лапидарно.

В пользу взгляда на *вервь* как на кровнородственную организацию можно найти несколько фактов. Как аргумент, затрудняющий истолкование *верви* в кровнородственном отношении выдвигалась статья 8 ПП – «аже кто не вложиться в дикую виру, тому людье не помогают, но сам платить»³⁰⁵. Однако, это вполне объяснимо, если под загадочным «аже кто» подразумевать не отдельного человека, а родственную группу, входящую в *вервь* (семья). Об этом заставляют думать некоторые обстоятельства. Дело в том, что 40-гривенный штраф был очень велик, выплатить его было не под силу одному человеку, за «аже кто» стоял коллективный плательщик. Это совсем не

³⁰¹ Косвен М.О. Семейная община ... С. 153.

³⁰² Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 31.

³⁰³ Данилова Л.В. Сельская община ... С. 147 – 158.

³⁰⁴ Васильев С.В. Свободные общинники по восточнославянским и южнославянским памятникам права : автореф. дисс... д-ра истор. наук. СПб., 2003. С. 21.

³⁰⁵ Российское законодательство ... С. 64.

удивительно, поскольку, как уже не раз отмечалось исследователями, одним из устоев родового права была коллективная ответственность родовой группы³⁰⁶. Потому можно считать, что в целом эта статья была направлена против выхода семей из состава *верви*. Этот факт вполне позволяет истолковать *вервь* как кровнородственную организацию.

Статья 77 ПП предписывала «след гнати с чюжими людми и послухи». Таким образом, постановление не позволяло заинтересованным лицам участвовать в процедуре следствия³⁰⁷. Этими заинтересованными лицами были родственники по *верви*.

Факт бесспорного существования малых семей (ст. 7, 92 – 94, 100 – 106 и др. ПП), обычно выдвигающийся как аргумент распада кровнородственной общности, не работает. Сам по себе факт хозяйственного выделения малой семьи без ее социального обособления не свидетельствует о распаде кровнородственной общности³⁰⁸. Да и само появление статей о порядке наследования, по которым реконструируется малая семья, по всему видимому, явилось новшеством.

С *вервью* как патронимическим образованием связаны названия таких сел как Воторовичи, Жидичи, Мирятичи, Дедогостичи, Слодовничичи и др³⁰⁹.

О неизжитости кровнородственных отношений в древнерусском быту свидетельствует наличие кровной мести, хотя и несколько ограниченной законодателями.

Потому стоит согласиться с взглядом, что в X – начале XII в. – *вервь* это «кровнородственное объединение, осколок рода, включенный в соседскую общину»³¹⁰.

В то же время нужно отвергнуть взгляд на *вервь* и как на большую семью. Статья 1 КП среди мстителей называет и сына сестры, который не мог

³⁰⁶ Данилова Л.В. Сельская община ... С. 149.

³⁰⁷ Российское законодательство ... С. 69.

³⁰⁸ Данилова Л.В. Сельская община ... С. 155.

³⁰⁹ ДКУ. С. 141 – 143.

³¹⁰ Данилова Л.В. Сельская община ... С. 148.

входить в большую семью, так как замужние дочери уходили из родительской семьи. Потому вполне правомерно предполагать, что в данной статье кровная организация представляла собой более широкий институт, нежели большая семья. *Мужи*, жизнь которых оценивалась в 40 гривен, естественно, являлись в РП полноправными родственниками, прошедшими инициацию. Против отождествления *верви* с большой семьей, как уже отмечалось в исторической науке, говорит факт взаимозаменяемости *люди* и *вервь*³¹¹.

Можно сослаться на Полицкий Статут, привлекаемый исследователями для сравнительной характеристики общественных отношений в Древней Руси и Полице³¹². В Полицком Статуте большая семья и *вервь* – различные институты, о чем в свое время говорил еще Б.Д. Греков³¹³.

Довольно часто индикатором родственных отношений выступает термин «род». На многозначность этого понятия давно указывали исследователи. Границы этого термина весьма условны и размыты. Их довольно трудно сопоставить с конкретной социальной общностью. Но в ряде случаев можно понятие «рода» соотнести с понятием «вервь». При описании древнейшего быта полян времен легендарного Кия летописец, оперируя словом «род», вкладывает в него определенное содержание. Здесь можно надежно отделить род от племени: летописец не смешивает полян и род – «подем же особе и володеющем и роды своими»³¹⁴. В данном случае поляне есть совокупность родов. Разница становится очевидной, когда речь заходит о кончине Кия и его братьев: «И по сих братьи держати почаша **род их** (выделено нами – А.С.) княженье в полях»³¹⁵. В то же время источник позволяет отделить род и от семьи. Надо полагать, в представлениях летописца, Кий с братьями расселились по разным горам не в гордом одиночестве, занимая целую гору, а с

³¹¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 22 ; Данилова Л.В. Сельская община ... С. 149.

³¹² О правомерности привлечения Полицкого Статута см. : Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 647. – 661.

³¹³ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 647 – 661.

³¹⁴ ПСРЛ. Т.1. Стб. 9.

³¹⁵ Там же. Стб. 10.

определенным родственным коллективом³¹⁶. Можно предположить, что с семьей. Да и статус самого Кия, который «княжаше в роде своем» как организатора похода на Царьград, на Дунай не соответствовал бы большой семье³¹⁷.

Думается и Вятко с Радимом, переселившись со своим родом от ляхов³¹⁸, также имели в наличии коллектив, наверняка больший, чем большая семья. Рюрик умирая, отдал свое княженье Олегу – «от рода ему суща»³¹⁹.

Интересную расшифровку рода дает автор Киево-Печерского патерика. Однажды, Симон, герой первого Слова, попросил Феодосия помолиться за своих родственников: «И рече Симон: «Рцы же и к симь, отче, и да отпустят ся греси родителма моима и ближним момимь». Феодосий же въздвиг руци свои и рече: «Да благословить тя Господь от Сиона, и узрите блага Иерусалима вся дньи живота вашего и до последнихь рода вашего!»³²⁰. Т.е. в данном случае получается, что род это родители плюс ближние.

О существенной роли родственных отношений можно сделать вывод на весьма показательном сообщении ПВЛ о получении дани с Византии в 971 г. после похода не только на живых, но и на каждого убитого, вместо которого, согласно летописи, его долю «род его возмет»³²¹. Трудно сказать, что здесь скрывается под родом, но приведенный пример свидетельствует о силе родственных коллективов, с которыми вынуждены считаться и князья.

Многозначность слова «род» в древнерусских источниках не позволяет в полной мере, конечно, отождествить *вервь* с *родом*, но в некоторых случаях, как представляется, сделать это возможно.

Термин, который также соседствует с *вервью* – это *дружина*. Довольно часто исследователи отмечают многозначность древнерусского слова «дру-

³¹⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 9.

³¹⁷ Там же. Стб. 10.

³¹⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 12.

³¹⁹ ПСРЛ. Т.2. Стб. 16.

³²⁰ Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т.4. С. 201.

³²¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 71.

жина». Но в силу поставленных задач, чаще всего, *дружину* рассматривают в техническом значении, как ближайшее княжеское окружение. В то же время гражданская суть ее также нуждается в рассмотрении. В первую очередь нужно сказать, что первоначально *дружина* обозначала «домочадцев», и зарождалась, как говорилось уже ранее, именно как организация родственников. Такое значение термина легко проследить на основании статей РП.

Статья 5 ПП гласит: «Будеть ли головник их в верви, зан(е) к ним прикладывает, того же дея им помогати головнику, любо си дикую виру, но спла(ти)ти им вообчи 40 гривен, а головничьство, (а то) самому головнику; а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть»³²². То есть *вервь* и *дружина* термины вполне взаимозаменяемые, о чем говорил еще Б.Д. Греков³²³.

Любопытен и термин, встречающийся в Полицком Статуте, – «вервная дружина»³²⁴. Он также говорит о кровнородственных связях, имеющих место в *дружине*.

Дружина как община *людей* встречается и в других письменных памятниках. Определенно, как поручитель выступает *дружина* в берестяной грамоте № 109 – «Грамота отъ Жизномира к Микуле. Купил еси робу Пльскове, а ныне мя въ томъ яла кънягыни. А ныне ся дружина по мя поручила...»³²⁵.

В гражданском смысле упоминается *дружина* в ПВЛ и под 1068 годом, когда группа разгневанных киевлян решили «высадить» «дружину ис погребя»³²⁶.

Связь *людей* и *дружины* проявляется и в «покланянии» Саввы, героя берестяной грамоты № 724, покинутого своими *людьми*, к «братьи и дружине», что является ярким примером наличия *дружины* у средней руки *людина*³²⁷. *Дружина* как община просвечивает и в следующем «поклонянии»: «от Бъръ-

³²² Российское законодательство ... С. 64.

³²³ Греков Б.Д. Киевская Русь... С. 418.

³²⁴ Там же. С. 655.

³²⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 257.

³²⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 171.

³²⁷ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 350.

за и от Путеша, и от вехое дружине к Петръку» (грамота № 850)³²⁸. Очевидно, здесь и Борз и Путьша – члены *дружины*.

В этом, гражданском смысле выступает *дружина* и в статье 91 ПП «О заднице боярьстей и о дружъней». Приведем текст ее полностью: «Аже в боярех либо в дружине, то за князя задница не идетъ, но оже не будет сынов, а дчери возмутъ»³²⁹.

Традиционно учеными эта статья рассматривается совместно с предыдущей статьей о наследстве *смерда*. В частности в ней говорится: «Аже смерд умреть, то задницу князю; аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будутъ за мужемъ, то не даяти части имъ»³³⁰. В целом указанные статьи вызывали много споров, но большинство этих споров касалось судьбы наследства *смердов* и *бояр*³³¹.

Очевидна судьба наследства *бояр*, как высшего слоя восточнославянской знати. Согласно источнику, в любом случае наследство отходило родственникам умершего *боярина*. Зато судьба наследства *смердов* вызывало большое количество споров среди ученых³³². В целом смысл этой статьи препятствует пониманию *смерда* как свободного общинника, поскольку она не дает возможности ответить на вопрос о том, что если *смерда* считать свободным, то почему князь после его смерти забирал его имущество? На основании одной только причины, что *смерд* не был свободным человеком?³³³. Вряд ли.

Тогда встает вполне резонный вопрос: почему не указан механизм наследования свободных *людей*? Дело в том, что под *дружиной* нужно понимать не дружинников, как это делали многие историки³³⁴, а свободных общинников – *людей*. Таким образом, все становится на свои места – данные

³²⁸ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 318.

³²⁹ Российское законодательство ... С. 70.

³³⁰ Там же. С. 70.

³³¹ См. : Правда Русская. Т.2. С. 610 – 634

³³² Там же. С. 611 – 625.

³³³ См. материал о *смердах* ниже.

³³⁴ Правда Русская. Т. 2. С. 627 – 632.

статьи отмечают три порядка наследования: для *бояр*, для *смердов* и для *людей*. Не случайно Карамзинский список Пространной Правды дает чтение в заголовке «О задници боярстии или людьстии»³³⁵.

Верьвь была структурой иерархичной. Вполне естественно, что возглавлялась она старшими в роду. Вероятно, они маркировались как *старосты* (*старцы?* *старейшины?*). Возможно, именно о таких *старостах* говорит известный отрывок из НПЛ: «и абие нача вои свои делите старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривне, а новгородцомъ по 10 гривень всемъ, и отпусти ихъ всех домовъ...»³³⁶.

Важное место в *верви* занимал *людин*. Как было уже сказано, *людин* был главой семьи и являлся полноправным членом общины³³⁷. Однако, следует подчеркнуть связь не только *людина*, но и *мужа* с *вервью*. Статьи 1 как КП так ПП, незримо говорящие о *верви*, дают основание заключить, что *мужами* в *верви* и семье называли родного и двоюродного брата, отца и сына, а также племянника. Вряд ли *мужами* были неполноправные члены кровнородственной общины (что, кстати, является показателем неизжитости родственных отношений). То есть, РП сближает термин *людин* и *муж* и позволяет убедительно поставить знак равенства между ними. Это так сказать две ипостаси одного и того же члена общины, в различных жизненных ситуациях³³⁸. Об этом нам говорят штрафные санкции, совпадающие как у *мужа*, так и у *людина*.

Неполноправные члены *верви* (сюда включались как члены семей, входящих в *вервь*, так и зависимые элементы) маркировались как *челядь*, *холопы*, *закупы* и т.д.³³⁹.

³³⁵ Российское законодательство ... С. 78. На таком же чтении настаивал и М.Ф. Владимирский-Буданов (Правда Русская. Т.2. С. 16).

³³⁶ ПСРЛ. Т.3. С.175.

³³⁷ См.: предыдущий параграф.

³³⁸ В маркирование одного и того же человека, либо *людином*, либо *мужем* было ситуативным, и зависело от ранга говорящего.

³³⁹ См. ниже.

«Профессиональный состав» *верви* был земледельческим. Статус земледельца (землевладельца) был достаточно высок. Именно принадлежность к касте земледельцев, связь с землей в целом позволяло *людину* иметь и сохранять высокий статус. Однако, совершенно ясно, что земледелие было далеко не единственным занятием. В свободное от земледельческого труда время *люди* посвящали себя ремеслу.

Были и профессиональные ремесленники, которые занимали в *верви* приниженное положение. Их зависимое положение выдает ПП, оценивающая жизнь «ремесленника» в 12 гривен³⁴⁰. Показателем низкого статуса ремесленника является дразнилка, упомянутая под 1016 г. – «о вы плотници суще, а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ»³⁴¹. Именно отсутствие связи с землей, ставило ремесленника в зависимость от непосредственного производителя продуктов питания – *людина*.

Вервь – самоуправляемая организация. Вопросы, так или иначе затрагивающие существенно жизнь *верви*, надо полагать, решались на общинном сходе. Об этом свидетельствуют строчки КП, правда, весьма туманно: «Аже где възыщеть на друзе прочее, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека...» (ст. 15 КП)³⁴². Можно предположить под «изводом» общинный сход. Однако, толкование статьи затруднено и с полной уверенностью мы сказать этого не можем. Я.Н. Щапов связывал этот «извод» с судебным органом³⁴³.

Вервь пользовалась довольно большим объемом власти, распространявшейся на родственников, входящих в эту кровнородственную организацию. Убийцу вместе с семьей (за убийство «в разбое») могли выдать на «поток и на разграбление» (ст.7 ПП)³⁴⁴.

³⁴⁰ Российское законодательство ... С. 65.

³⁴¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 142.

³⁴² Российское законодательство ... С. 47.

³⁴³ Щапов Я.Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 17.

³⁴⁴ Российское законодательство ... С. 64.

В отношениях с внешним миром данный коллектив родственников также пользовался большим властным авторитетом. Члена *верви*, который убил княжеского мужа, *вервная* община при желании могла и не выдать князю (ст. 3 ПП)³⁴⁵.

Надежно *вервь* укрывала своих членов от преследования по подозрению в нарушении права собственности на землю, охотничьи угодья – «Аже будеть росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя ли платити продажу»³⁴⁶. Родственники оказывали друг другу помощь в трудных ситуациях. По статье 99 ПП родичам вменялось воспитывать малых детей, оставшихся без попечения отца, а мать повторно вышла замуж (т.е. ушла в другой род)³⁴⁷. Эти факты свидетельствуют о значительной власти, распространявшейся на родственников.

Властные отношения внутри *верви* тесно сопрягались с отношениями судебными. Участие *людина* в судебных процессах в качестве свидетеля являлось убедительным примером его довольно высокого статуса в *верви*, так сказать, его сущностной характеристикой.

Статья 85 ПП, напрямую, не касающаяся *людей*, дает нам замечание о том, что свидетелями могут быть только свободные члены общины – «ты тя же все судять с послухи свободными; будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити»³⁴⁸. М.А.Дьяконов в связи с этим отмечал, что «по общему правилу послухами в древнем процессе должны быть свободные люди»³⁴⁹. Об этом говорят, например, статьи о бороде и зубе ПП (ст. 67, ст. 68)³⁵⁰.

Вервь активно вмешивалась и в брачно-семейные отношения (серия статей 92 – 95, 99 – 106 ПП)³⁵¹.

³⁴⁵ Российское законодательство С. 64.

³⁴⁶ Там же. С. 69.

³⁴⁷ Там же. С. 71.

³⁴⁸ Там же. С. 70.

³⁴⁹ Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 112.

³⁵⁰ Российское законодательство ... С. 69.

³⁵¹ Там же. С. 70 - 71

Что особенно интересно, *вервь* отправляла и ритуальные функции, обладала некоторым идеологическим единством, что является очень важным для того времени. На это в частности намекает статья 6 ПП, свидетельствующая об общих пирах в *верви*: «Но оже будеть убил или в сваде, или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирую»³⁵².

Хозяйственные функции *верви* отразились в источниках довольно плохо. Тем не менее, вряд ли кто будет отрицать огромную роль *верви* в материальном производстве. Несомненна связь *верви* с землей. *Вервь* занимала пространную территорию. Это непосредственно вытекает из слов: «виревную платити, в чьей верви голова лежить»³⁵³.

По тонкому замечанию И.Я. Фроянова такая обобщенная формула могла быть пущена при общей собственности членов *верви* на землю. Потому должно признать за *вервью* существование не только родственных, но и земельных отношений. Сама же постановка вопроса в РП «в чьей же верви голова лежить»³⁵⁴, то есть на чьей земле лежит убитый, говорит о повсеместной распространенности *вервей*.

Не будем далеки от истины, если, землю, закрепленную за *вервью*, назовем *отчиной* / *вотчиной*, *дединой*. Ее вполне можно сравнить с югославянской «племенщиной», на которой сидели *вервные* братья. На их типологическую близость неоднократно обращали внимание некоторые ученые³⁵⁵. Вопросы связи *верви* с *отчиной*, то есть – вопросы экономического характера, несколько выходят за рамки нашего исследования и требуют более подробного изучения.

Итак, у исследователей нет сомнения в том, что *вервь* Русской Правды предстает коллективом людей, тесно связанных взаимопомощью и коллективной ответственностью за поступки своих членов. Этот коллектив был основан, прежде всего, на кровнородственных отношениях. *Вервь* являясь кол-

³⁵² Российское законодательство. С. 64.

³⁵³ Российское законодательство. С. 64.

³⁵⁴ Там же. С. 64.

³⁵⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 655 ; Косвен М.О. Семейная община ... С. 153.

лективным земельным собственником, обладала правами на выгоны, леса, водоемы. Она являлась основной ячейкой общества того времени. Полноправным членом *верви*, несомненно, был *людин*, ситуативно маркирующийся и как *муж*.

Как составная часть *вервь* входила в более сложные организации – *миры*. Правда, далеко не все исследователи придерживаются такой точки зрения. Наиболее распространен взгляд об идентичности этих общностей. С.В. Юшков, В.В. Мавродин и М.О. Косвен и ряд других исследователей усматривают различие терминов *вервь* и *мир* в связи со сменой этапов, которые проходили путь от большесемейной к соседской организации³⁵⁶. Другая группа ученых полагает, что *мир* Русской Правды – это то же самое, что и называемый этим же кодексом город, являвшийся объединением многих *вервей*³⁵⁷.

Скудость источников вынуждает обратиться к этимологии. Слово «мир», по мнению специалистов, означает «согласие», «спокойствие»³⁵⁸. Думается, что это «согласие» нужно было, прежде всего, внутри соседской организации. «Мирились» *верви*. То есть родственные организации в виде *вервей* и составляли соседскую организацию. Этот *мир* нужно было «строить»³⁵⁹. В *миру* и происходило соседское проживание различных *вервей*.

Мир, естественно, состоял из различного количества *вервей*, то есть и количество полноправных членов отдельно взятого *мира* было различным. *Вервь* все же состояла из более или менее постоянного числа общинников, то есть представляла собой численно устойчивый коллектив. Потому вполне логично, что *виры* разверстывались именно на эти стабильные родственные

³⁵⁶ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 88 ; Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М.,1956. С. 41 ; Косвен М.О. Семейная община ... С. 167.

³⁵⁷ Горемыкина В.И. Об общинном и индивидуальном хозяйстве в древней Руси // История СССР. 1973. №5. С. 128 – 145.

³⁵⁸ Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т.1. С. 638

³⁵⁹ Хорошо отражает сосуществование соседских *вервей* «на миру» летописные выражения типа «построити мир».

группы, а не на соседские организации, состоящие из разного количества полноправных общинников.

Территориально *мир* представлял собой поселение больше чем *вервь*. *Вервь* включенная в *мир* территориально занимала какой-то определенный участок села. Составной частью села является *вервь* и в Полицком статуте³⁶⁰. Из *мира*, представляющем собой соседскую организацию, вырастал город.

§3. Люди и городская община.

Суцность древнерусского города. Люди как городское население. Люди и знать. Бояре. Мужжи. Лучшие мужжи. Нарочитые мужжи. Смысленные мужжи. Городская вервь. Вече и дума.

Древнерусский город всегда находился в центре внимания в трудах историков. Обусловлено это и тем, что источники главным образом повествуют нам о событиях городской жизни, и тем, что исследователи теснейшим образом связывали процессы градообразования и государствообразования друг с другом.

Город, несомненно, был центром экономической, политической и духовной жизни Киевской Руси. В изучении городов отечественными исследователями достигнуты серьезные успехи. Однако, немало еще проблем, требующих своего разрешения. К числу таких относится вопрос о социальной природе древнерусского города.

Решение этой проблемы осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, нет общепризнанных в науке четких определений такого феномена как древнерусский город. Второе обстоятельство заключается в том, что непонятно и то, что подразумевает под городом летописец.

Вряд ли можно согласиться теперь, что город «есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия»³⁶¹. Ближе к истине тот взгляд, согласно

³⁶⁰ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 657.

³⁶¹ Там же. С. 142.

которому город, по-преимуществу, предстает как военно-политический, административный, хозяйственный и культурный центр³⁶².

Город все чаще рассматривается в «определенном формационном единстве» с сельской округой³⁶³. Город был продолжением деревни. Сельскохозяйственные занятия горожан в настоящий момент ни у кого не вызывают сомнений. Анализ письменных и археологических источников показывает, что «непосредственная связь с сельскохозяйственным производством характеризовала экономическую жизнь практически всех древнерусских городов, независимо от их рангов, хотя уровень этой связи различный»³⁶⁴. Распространенными находками при раскопках крупнейших городов Руси являются орудия обработки почвы и уборки урожая: наральники, лемеха, сошники, косы, серпы, лопаты, вилы, деревянные грабли и т.д.³⁶⁵. Известное обращение княгини Ольги к осажденным древлянам в 945 г. иллюстрирует связь городов с земледелием – «все ваши гради предашася по мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя»³⁶⁶.

Древнерусские города в этом отношении не были одиноки. Здесь вполне уместна параллель с античными городами, которые, как известно, также имели аграрный характер, а среди населения античных городов было много земледельцев³⁶⁷. Раннесредневековый византийский город также являл собой пример поселения, в котором продукция земледелия и скотоводства составляла основную товарную массу³⁶⁸. Аграрность – характерная черта городов европейского Средневековья³⁶⁹.

³⁶² Фроянов И.Я. Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 31.

³⁶³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 220 – 243; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 79 – 99;

³⁶⁴ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 81.

³⁶⁵ Там же. С. 81.

³⁶⁶ ПСРЛ. Т.1. С. 58.

³⁶⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 231.

³⁶⁸ Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 70.

³⁶⁹ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 81.

Вопрос о происхождении городов также вызывал неоднозначные толкования в историографии³⁷⁰. Наиболее плодотворным представляется взгляд, утверждающий родоплеменной фундамент в основании города. Без этого первоначального родоплеменного «града» представить образование города трудно. По мнению П.П. Толочко, древнейшие восточнославянские города, сформировавшиеся на базе племенных «градов», складываются к концу VIII – IX вв³⁷¹. В.В. Седов относил появление городов к IX – X вв³⁷². Точка зрения В.В. Седова, на наш взгляд, гораздо ближе к действительности, т.к. в полном смысле городами до этого периода «грады» еще не были.

Задача характеристики социального состава древнерусского города так же относится к сложнейшим проблемам. Многочисленные свидетельства письменных источников Киевской эпохи вполне позволяют сделать заключение о том, что *люди* являлись основным элементом городского населения, о чем не раз уже говорили историки³⁷³.

В дореволюционной и советской историографии была довольно сильна традиция отождествления *людей* с рядовым свободным населением, как сел, так и городов. Этой точки зрения придерживалось абсолютное большинство исследователей³⁷⁴. Она обладает довольно большой инерционной силой и превалирует с различными оттенками и в настоящее время³⁷⁵.

³⁷⁰ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. - Л., 1939. С. 21 ; Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 60 ; Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 108 ; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. Л., 1978. С. 138 – 139 ; Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X – XIII вв.) // ВИ 1994. № 10. С. 43 – 60.

³⁷¹ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 47.

³⁷² Седов В.В. Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 51 – 54.

³⁷³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания ... С. 66 – 67 ; Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси ... С. 105.

³⁷⁴ См., например: Ключевский В.О. История сословий в России ... С. 41 ; Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 70; Тихомиров М.Н. Древнерусские города ... С. 142 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С.121. и др.

³⁷⁵ См., например: Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси ... С. 105 ; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский

Этот взгляд базируется на известных отрывках письменных источников, где слово *люди* обозначает слой рядового мирского населения древнерусского города («вставше людье избиша епископы и попы, и бояры своя»³⁷⁶, «и великий князь наш Игорь, и князи и боляри его, и людье вси рустиии послашаны»³⁷⁷ и др.).

Есть, однако, некоторые основания для пересмотра устоявшейся историографической традиции, потому что «слово “люди” не всегда свидетельствовало о принадлежности низшим слоям»³⁷⁸. Еще В.Т. Пашуто предлагал при каждом упоминании слова «люди» делать специальный источниковедческий анализ³⁷⁹.

Как показывают источники, термин «люди» употреблялся и по отношению к знати. В первую очередь, это массы случаев, когда выделить в нем различные слои не представляется возможным: «новгородьцы ти суть людье»³⁸⁰, «людье Киевьстие»³⁸¹, «и обрадовашася людье въ граде»³⁸² и др. Нужно отметить, что чаще всего социальной и политической активностью обладали те слои *людей*, которые находились на более высокой социальной ступени. В силу своего высокого общественного положения они были задействованы в различных социальных и бытовых коллизиях, поэтому, вполне естественно, были у летописца на виду.

Объем упоминаний о *людях* можно пополнить, добавив к ним словопотребления таких терминов как «граждане» / «горожане», «кияне», «новгородцы», «полочане» и др. Как и термин «люди» обозначенные слова могли

период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 38 ; Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 129 и др.

³⁷⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 151.

³⁷⁷ Там же. Стб. 47.

³⁷⁸ Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 163.

³⁷⁹ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 12.

³⁸⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб. 20.

³⁸¹ Там же. Стб. 50.

³⁸² Там же. Стб. 60.

отражать как рядовое население города, так и знать. Например, согласно летописи, в 970 году Святослав посадил в Киеве Ярополка, а в «древлянах» посадил Олега, «в се же время придоша людьє Ноугородьстии, просяща князя собе...»³⁸³. Трудно представить в качестве «просителей» представителей рядового населения Новгорода. Здесь, скорее всего, речь идет о представителях знати. Поэтому можно согласиться с Т.Л. Вилкул в том, что «стабильность и нестабильность» социальной природы *новгородцев, полочан, киян* и т.д. «имеют нарративную природу»³⁸⁴. Существовала «по-видимому, некая репрезентативная общность», которая связывалась чаще всего со знатными людьми³⁸⁵.

Точно также, в 1095 году пошли новгородцы просить себе князя: «Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича»³⁸⁶. Есть масса и других подобных примеров³⁸⁷.

Существуют и более четкие указания в источниках, когда видна связь *бояр*, как представителей знати, и *людей*. Так, в «Слове о законе и благодати» Илариона есть такой отрывок: «заповедавъ по всеи земли кръститися... и всемь быти христианомь малым и великимь, рабомь и свободным, уныим и старым, бояромь и простым, богатым и убогимь»³⁸⁸. Здесь, сквозь различного рода оппозиции, относящиеся ко **всем** «христианомь» видим и обращение к боярам и «простым». Принадлежность этой качественной характеристики расшифровывается в другом источнике. Под 1093 г. в Повести временных лет описывается погребение киевского князя Всеволода Ярославича: «собрашеся епископи, и игумени, и черноризци, и попове, и боляре, и прости людьє, и взявше тело его со обычными пес[ня]ми, положиша его въ

³⁸³ ПСРЛ. Т.1 Стб. 69.

³⁸⁴ Вилкул Т.Л. Люди и князь ... С. 236.

³⁸⁵ Там же. С. 236 – 237.

³⁸⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 230.

³⁸⁷ Там же. Стб. 140 – 141, 142, 146, 229 и др.

³⁸⁸ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. Т.1. С. 44.

святей Софьи»³⁸⁹. Это важное сообщение позволяет нам «вычислить» *боярина*. Другими словами, *боярин* не есть «простой» *людин*.

Киево-Печерский патерик в Слове об Иоанне и Сергии говорит об этих главных героях сначала как о *мужах* «от великих», через некоторое время об одном из них отзывается уже как о «Иоанне болярине»³⁹⁰.

Таким образом, слово «людин» обозначает не только рядовых жителей города, но и распространяется на высший слой городского населения (знать). Потому вычеркивать из семантики термина этот оттенок нельзя, и изучение *людей* в городской общине обязательно должно сопрягаться с исследованием знати. Знать не исключительное явление городской жизни, но, именно в городе знать поддается изучению намного лучше.

Помимо слова *люди* древнерусские источники домонгольского периода позволяют выделить несколько определений, характеризующих, в той или иной степени, понятие «знать»: *муж* (*лучший, нарочитый, смысленный и т.д.*), *болярин / боярин, вельможа, сановник, старец*. А.В. Рукавишников сюда же относит еще и другие группы слов, относящихся к функциям, которые исполняли представители знати: *посадник, воевода, тысяцкий*. В некоторых случаях *дружина* также является эквивалентом знати³⁹¹.

Для нас важны, в первую очередь, термины «бояре», «мужи», так как именно они чаще всего встречаются в текстах источников. Термины *вельможа, сановник* для древнерусских авторов являлись синонимами, которые употреблялись наряду с термином *боярин* в значении «знать, приближенные правителей»³⁹². Эти термины чаще всего характерны для книжной топики и в повседневном быту употреблялись мало³⁹³.

³⁸⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 217.

³⁹⁰ Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т.4. С. 312.

³⁹¹ Рукавишников А.В. Древнерусская знать домонгольского периода. Историко-терминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2004. С. 63.

³⁹² Там же. С. 77.

³⁹³ Там же. С. 77.

Посадник, воевода, тысяцкий – это группы слов, обозначающих функции, исполняемые представителями знати, а не их социальный статус. Поэтому в предмет нашего рассмотрения также не входят.

Вопрос о *боярах* в эпоху домонгольской Руси всегда находился под пристальным вниманием исследователей. И.И. Срезневский под словом «*боярин*» понимал «члена высшего сословия»³⁹⁴. Историки соглашаются, что под *боярином* можно предполагать человека знатного. М.А. Дьяконов видел в *боярах* «лучших людей земли»³⁹⁵. Как «княжескую знать» понимал *бояр* Б.Д. Греков³⁹⁶. По мнению М.Б. Свердлова слово «*боярин*» древнерусских источников XI – начала XII вв. имеет достаточно широкое значение – «люди знатные и богатые»³⁹⁷.

Слово «*боярин*» попадает на страницы источников довольно рано. *Бояре* уже в первых упоминаниях отчетливо выделяются из состава *людей*. В договоре Руси с Византией, помещенном в составе ПВЛ под 945 г., есть два упоминания *бояр* и *людей*: «и великии князь нашъ Игорьъ, и боляре его, и людье вси Рустии послаша ны ... къ великымъ царемъ Гречьскимъ створити любовь съ самими цари, со всемъ болярствомъ, и со всеми людьми Гречьскими»³⁹⁸; «да кленуться о всемъ, яже суть написана на харатье сеи, хранити от Игоря, и от всехъ боляръ, и от всехъ людии от страны Руския»³⁹⁹.

В рассказе о крещении киевлян (под 988 г.) летописец особо отмечает добровольность решение горожан принять крещение: «людье с радостью идяху, радующеся и глаголяще: “Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли”»⁴⁰⁰. Под 1018 годом летописец рассказывает о разорении Киева бежавшим из Руси польским королем Болеславом I: «Болеславъ же побеже ис Кыева, възма именье и бояры Ярославле, и сестре его,... и людии

³⁹⁴ Срезневский И.И. Материалы для древнерусского словаря ... С. 160.

³⁹⁵ Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 71.

³⁹⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 175.

³⁹⁷ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь ... С. 416, 535.

³⁹⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 47.

³⁹⁹ Там же. Стб. 47

⁴⁰⁰ Там же. Стб. 117.

множество веде с собою»⁴⁰¹. Под 1030 г. летописец сообщает о волнениях в Польше, особо подчеркивает их антибоярскую и антицерковную направленность: «и бысть мятежь в земли Лядьске, вставше людье, избиша епископы, и попы, и бояры своя»⁴⁰². Фразы, помещенные под 1097 год также различают *бояр* и *людей* «наоутрия же Святополкъ созва бояр и кыянь»⁴⁰³; «и реша бояре и людье»⁴⁰⁴. Весь перечисленный материал отличает *бояр* и *людей*, но как мы видели в ряде случаев понятие «бояре» охватывает и понятие «люди».

Пожалуй, чаще остальных терминов, означающих знать, в письменных памятниках является «муж». Этот термин, как уже указывалось оригинального происхождения и многозначен. Как ни странно, его изучению уделялось внимания еще меньше чем даже *людям*.

Муж в исследованиях историков часто становился эквивалентом знати. *Муж* всегда обладатель высокого социального статуса, он «всегда противопоставлен холопу, рабу, тогда как человеком могут назвать раба и холопа»⁴⁰⁵. На связь *бояр*, как представителей знати, и *мужей* исследователи обращали внимание уже неоднократно⁴⁰⁶. По мнению С.В. Завадской, термин «боярин» («болярин») имеет литературный характер и до начала XII века не был связан с наименованием конкретных общественных групп, а «высший слой формирующегося господствующего класса Древней Руси X – XI вв., по всей видимости, имел свои оригинальные названия, складывающиеся вокруг терминов “мужи” - “мужи князя”». На наш взгляд, с исследователем можно согласиться.

В сказании о призвании варягов, сев в Новгороде «прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады»⁴⁰⁷. Здесь же отчетливо видна взаимозаменяемость *мужей* и *бояр*. Тожественность *мужей* и *бояр* видна и в ПВЛ под 862

⁴⁰¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 144.

⁴⁰² Там же. Стб. 150.

⁴⁰³ Там же. Стб. 259.

⁴⁰⁴ Там же. Стб. 260.

⁴⁰⁵ Колесов В.В. Мир человека ... С. 156.

⁴⁰⁶ Завадская С.В. «Болярин» – «боярин» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 89 – 94 ; Рукавишников А.В. Древнерусская знать ... С. 63.

⁴⁰⁷ ПСРЛ. Т.1. Стб. 20.

годом у Рюрика «бьяста два мужа, ни племени его, но боярина»⁴⁰⁸. Приведенные примеры в целом говорят о высоком статусе *мужей*.

Нельзя, однако, сбрасывать со счетов и тождественность его *людину* Русской Правды, и принадлежность к кровнородственным организациям, к *верви*, о чем уже было сказано ранее. Социальное наполнение «мужа» в различных ситуациях было неодинаково. При исследовании нужно самым внимательным образом обращаться к контексту, в котором упомянуто слово «муж». Несомненно можно вести речь о *мужах* как знати при употреблении качественной характеристики («лепший», «лучший», «нарочитый», «княж» и т.д.).

Определенно подразумевается знать и под *своими людьми / мужами* князей. Именно *своим мужам*, раздавал Рюрик грады, после прихода на Русь⁴⁰⁹. Его преемник Олег по пути в Киев, также посадил *мужа своего* в Смоленске⁴¹⁰. В 912 году по летописи Олег послал *своих мужей* к грекам для того, чтобы с ними «построити мира и положити ряд»⁴¹¹. *Мужи свои* имеются и у византийского императора: «Царь же Леон почти послы русские дарми, златами и паволоками и фофоудьями, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту»⁴¹². Были *свои мужи* и Игоря: «посла Игорь муже своя къ Роману»⁴¹³. Есть *свои люди* и у Ольги⁴¹⁴. Встречаются они и в знаменитых пирах Владимира: «се же паки творяше людем своимъ по вся неделя оустави на дворе въ гриднице пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ съцьскимъ и десяцьскимъ и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя»⁴¹⁵. Примеры можно продолжать. Важной характеристикой *своих людей / мужей* князя является довольно высокое положение в обществе, им можно раздать

⁴⁰⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 20.

⁴⁰⁹ Там же. Стб. 20.

⁴¹⁰ Там же. Стб. 23.

⁴¹¹ Там же. Стб. 32.

⁴¹² Там же. Стб. 38.

⁴¹³ Там же. Стб. 46.

⁴¹⁴ Там же. Стб. 56, 57.

⁴¹⁵ Там же. Стб. 126.

«грады»), и отправить послами в Византию. Они всегда находились при князе. Естественно, что это не отдельная категория знати. Этот термин обозначал наиболее близких к князю представителей знати, входящих, можно предположить, в *княжескую дружину*.

Принадлежность к элите выдают часто встречаемые в документах качественные характеристики. Одними из таких характеристик являются *лучшие мужи*.

Впервые *лучших мужей* мы видим под 945 г. После убийства Игоря древляне отправили к Ольге посольство из *лучших мужей*⁴¹⁶. Обращают на себя внимание их дипломатические функции, а также их способность быть избранными, для осуществления этих самых функций. Еще одно упоминание содержится в год летописного крещения Руси. В 988 год Владимир стал «ставити городы» по Десне и Суле и другим рекам, а в города «поча нарубати муже лучшиие от словень и от кривичь и от чюди и от вятичь и от сихъ населли грады, бе бо рать от печен[е]г, и бе воюяся с ними и одалая имь»⁴¹⁷. Вряд ли они выступают как лучшие воины⁴¹⁸. Здесь, скорее можно согласиться с М.Б. Свердловым, утверждающим, что «политическое значение этой акции... в лишении племен их знати, способной противостоять великокняжеской власти»⁴¹⁹. В принципе это один примеров этнического эгоизма полян, которые были заинтересованы в том, чтобы на порубежье со степью были иные этнические группы, которые первыми бы подвергались нападению кочевников. Политика заселения границы другими народами происходила и позднее (вспомним хотя бы тот факт, что заселение торками опасных границ с Диким полем происходило с санкции русских князей).

Трудно представить только воинский контингент «градов». Скорее всего, Владимир здесь «убивал сразу двух зайцев»: переселял сепаратистски настроенную знать и одновременно укреплял южные рубежи, если так можно

⁴¹⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 55.

⁴¹⁷ Там же. Стб. 121.

⁴¹⁸ Пузанов В.В. Древнерусская государственность ... С. 568.

⁴¹⁹ Свердлов М.Б. Генезис и структура ... С. 41.

выразится, «чужими руками». Это был один из актов крупномасштабной политики Владимира по подчинению племен.

Еще раз видим *лучших мужей* у печенегов. Печенеги, осадив Белгород в 997 году, увидели бесперспективность этой затеи, поскольку осажденных «кормила» сама земля. Для разведки в Белгород были избраны и посланы 10 *лучших мужей* – «избраша лучьшие мужи в городехъ»⁴²⁰. Софийская первая летопись дает любопытное разночтение: «избраша лутшие мужи в родехъ»⁴²¹. Как показал А.А. Шахматов последний вариант ближе к первоначальному написанию⁴²². Таким образом, вполне можно установить принадлежность *лучших мужей* к родоплеменной верхушке. Очевидно, что посланными должны были быть наиболее авторитетными представителями печенегов, которым бы доверяли, остальные. Они были уполномочены вести переговоры о сдаче города. Хотя все указанные рассуждения относятся к печенегам, но не будем забывать, что древнерусский летописец действительность описывал в своих социальных образах. Потому навряд ли под *лучшими мужами* целесообразно понимать лучших воинов. Они, конечно, были одновременно хорошими воинами, но на первый план выходят их представительские функции. Обращает на себя внимание и их активная жизненная позиция. Нельзя, пожалуй, игнорировать и имущественную состоятельность *лучших мужей*⁴²³.

Активной жизненной позицией обладала еще одна категория знати – *нарочитые люди*. Этой качественной характеристикой названы *чадь, люди, мужи*. Какие же характерные черты приносил этот эпитет в социальную сущность *людей*.

Впервые *нарочитые мужи* встречаются в событиях 945 г., когда к Ольге посватались древляне. Тогда им Ольга заявила, что «дааще мя просити право то пришлите мужа нарочиты». Древляне же вняли требованиям Ольги и при-

⁴²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 128.

⁴²¹ ПСРЛ. Т. 5. Стб. 112.

⁴²² ПСРЛ. Т.1. см. примечание 51 к стб. 127.

⁴²³ Кривошеев Ю.В. Языческая обрядность и социальная борьба в верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая этнография. Л., 1985. С. 124 – 125.

слали к Ольге «лучшие мужи иже дерьжаху Деревьску землю»⁴²⁴. Путем нехитрых логических заключений можно придти к выводу о том, что, по мнению летописца, *нарочитые мужи* располагались рангом выше, чем *мужи лучшие*, упомянутые в том же эпизоде. Т.е. *нарочитые мужи* суть «лучшие мужи иже дерьжаху Деревьску землю»⁴²⁵. Однако, круг лиц, с которыми можно было бы отождествить *нарочитых мужей*, довольно широк. В.В. Пузанов, рассуждая о *нарочитых мужах* в этом эпизоде, задается вопросом об их социальной сущности: «Кто это были? Князья племен, входивших в состав древлянского племенного союза, подчинявшиеся Малу? Представители совета старейшин древлянского союза племен? Представители княжеских родов? Нобилитета? Вряд ли на этот вопрос можно дать исчерпывающий ответ»⁴²⁶. Исчерпывающий ответ дать, конечно, не получится, хотя некоторые обобщения можно сделать.

Первое, что бросается в глаза – это высокий социальный статус *нарочитых мужей*. Княгиня Ольга выказала возможность сватовства древлянами при условии сватания *нарочитыми мужаами*. Да и, по мнению киевлян, сватание *лучшими мужаами* от древлян было мелковато.

Их социальный статус подчеркивает и их более «высшая степень» сакральности. В отличие «от «лучших мужей», спущенных Ольгой в подземный мир, “нарочитые мужи”, сгоревшие в пламени костра, направлены в верхнюю зону Вселенной – на небо»⁴²⁷.

Обращает на себя внимание еще один факт. В родственных Лаврентьевской летописи списках, а также ИЛ, НПЛ, НЧЛ, указано, что эти *нарочитые мужи* избирались древлянами – «избраша» (вместо слова «собрашася», указанного в Лаврентьевском варианте). То есть в этом случае присутствует

⁴²⁴ ПСРЛ. Т.1. Стб. 57.

⁴²⁵ Там же. Стб. 57.

⁴²⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность ... С. 568.

⁴²⁷ Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М. – СПб., 1995. С. 69.

элемент выборности. Правда, не совсем ясно, каким образом проходило это избрание.

При вычислении социального содержания понятия «нарочитые люди» – нужно исходить еще из мотивов Ольги. Ведь для Ольги куда было выгоднее уничтожить глав *вервей*, племен, чем например, окружение древлянского князя. Каким образом выходило избирание сказать очень сложно. Однако, вряд ли здесь была задействована вся «Деревьская» земля. Трудно представить, что собрался совет всего племени. Скорее всего, в совете, произошедшем в древлянском городе, принимала участие в решении только городская знать.

Во время сватовства древляне, объясняя выгоды замужества Ольге, приводили такой аргумент – «а наши князи добри суть»⁴²⁸. Что тоже подталкивает к выводу (конечно, очень гипотетичному) о княжеском происхождении *нарочитых мужей*. Расплодили «Деревьску» землю – значит в демографическом отношении – расплодились благодаря этим князьям.

Если учитывать довольно пассивную позицию Мала в происходящих событиях, то получается, что роль *нарочитых мужей* видна еще ярче. К функциям *нарочитых мужей* можно отнести и дипломатические: они просили руки Ольги. В древлянском обществе *нарочитые мужи* играли важнейшую роль – «держали» землю, обладали какой-то сакральной силой.

Второй раз упоминаются *нарочитые мужи* и под 996 годом, когда Владимир, поставив церковь, устроил пир. На этот пир были созваны и стали «приходити боляром и гридем и съцьскимъ и десяцьским и нарочитымъ мужем при князи и безъ князя»⁴²⁹. М.Б. Свердлов полагает, что в предложенном отрывке под *нарочитыми мужами* скрывается неслужилая знать⁴³⁰. Некоторые исследователи под *нарочитыми мужами* видели обобщенное поня-

⁴²⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 56.

⁴²⁹ Там же. Стб. 126.

⁴³⁰ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь ... С. 256.

тие для остальных слов: *бояр, гридей, сотских, десятских*⁴³¹. А.В. Рукавишников говорит о том, «что летописец после перечисления ряда конкретных терминов (бояре, гриди, сотские, десятские) хотел добавить: «и прочие члены дружины», объединив их в термин *нарочитые мужи*»⁴³².

Как обобщенное слово оно, вряд ли, здесь к месту, так как различны группы, туда входящие (гриди и *бояре*). Скорее всего, здесь, обозначена знать не входящая в княжеское окружение, а приходящая на *думы* к князю. Все эти группы включены в разряд *свои люди*.

В какой мере *нарочитые мужи* вписываются в *дружину* князя сказать сложно. Из дальнейшего рассказа летописца следует мысль о том, что после недовольства *дружины*, Владимир, повелел выковать им серебряные ложки: «Се слышавъ Володимеръ повеле исковати лжице сребрены ясти дружине рече сице яко сребромъ и златом не имам налести дружины а дружиною налезу сребро и злато якоже дедъ мои и оць мои доискася дружиною злата и сребра, бе бо Володимеръ любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратехъ и [о] оуставе земленемъ»⁴³³. Трудно сказать, на основании этого отрывка, относятся ли к *дружине нарочитые люди*, поскольку пока не очень убедительно истолкована логическая и смысловая связь между двумя этими эпизодами.

Симптоматично, что *бояре* и *нарочитые мужи* упомянуты в одной связке, что позволяет сделать некоторые различия. *Бояре* – в данном случае, обозначало ближайшее окружение князя, *нарочитые мужи* – вероятнее всего, полянский нобилитет.

Примечательна также и оговорка летописца в некоторых списках ЛЛ – *мужи нарочитые* расшифровываются как *князья нарочитые* и *люди нарочи-*

⁴³¹ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 16; Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб. 1998. С. 95.

⁴³² Рукавишников А.В. Древнерусская знать ... С. 86.

⁴³³ ПСРЛ. Т.1.Стб. 126.

тые⁴³⁴. Таким образом, добавляется еще больше аргументов к тому, что *нарочитые мужи* представляли знать местного княжеского происхождения.

Еще раз в ПВЛ мы видим *нарочитых мужей* под 1015 г. От безделья вызванные Ярославом варяги стали творить «насилия» новгородцам и «женам» их. В конце концов, новгородцы, не вытерпев обид «избиша варягы во дворе Поромони»⁴³⁵. Теперь уже ответ последовал со стороны Ярослава. Он позвал к себе на Ракому «нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы [и] обльстивъ и исече»⁴³⁶. Судя по эпизоду, *нарочитые мужи* и есть эти новгородцы, во всяком случае, они входили в число новгородцев. Здесь налицо конфликт между князем и этими *мужами*.

Проясняет (а может быть затемняет) трактовка, предложенная в НПЛ, где вместо *нарочитых мужей* стоит «вои славны тысящу»⁴³⁷. Здесь вряд ли имелась в виду тысяча воинов⁴³⁸. Правы те историки, которые понимали их как воинов славных (т.е. лучших) из тысячи, т.е. военной организации Новгорода. Скорее всего, именно они и устроили избиение варягов.

Помимо *мужей* в ПВЛ *нарочитой* названа *чадь*. Как мы уже говорили *чадь*, как и *люди*, является социвозрастным термином и в отдельных случаях могла также отождествляться с *людьми*, как и *мужи*.

В сентенции летописца под 988 годом мы видим: «и нача (Владимир – А.С.) ставити по градомъ церкви и попы лиди на крещенье приводити по всемъ градомъ и селомъ, пославъ нача поимати у нарочитоя чади дети и даяти нача на ученье книжное, матере же чадъ сихъ плакаху, еще бо не бяху ся утвердили верою, но акы по мертвеци плахся»⁴³⁹. Судя по отрывку *нарочитая чадь* еще не христианизирована («еще бо не бяху ся утвердили верою»). Эта *нарочитая чадь*, скорее всего, проживала за пределами Киева и

⁴³⁴ ПСРЛ. Т.1. Стб. 126.

⁴³⁵ Там же. Стб. 140.

⁴³⁶ Там же. Стб. 140.

⁴³⁷ Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 72.

⁴³⁸ ПСРЛ. Т.3. С. 174.

⁴³⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 118.

представляла собой знать покоренных общностей. Здесь уместным будет сделать заключение о том, что этот отрывок иллюстрирует один из этапов насильственной христианизации (покорения) знати, покоренных племен.

Итак, на основании приведенных свидетельств *нарочитых мужей* можно аттестовать как родоплеменную знать. Важным признаком *нарочитых мужей* является их самостоятельность по отношению к князю, они не находились в княжеской *дружине*. Показательно и то, что эпитет не употребляется по отношению к *княжеской дружине*.

Князь должен был проводить гибкую политику по отношению к ним. Это были своего рода реликты старого родоплеменного общества. Не случайно термин почти не употребляется после Киевской эпохи.

Существовали качественные характеристики *мужей*, которые отражали иерархию среди племен – *смысленные*. Полянская элита и поляне в целом именовались именно этим эпитетом⁴⁴⁰.

Таков был примерный социальный облик знатных *людей*, входящих в городскую общину. Но основную массу городского населения составляли все же *простые люди*.

Сама же городская община представляла собой соседскую организацию, своего рода укрупненный «огороженный» *мир*, т.е. совокупность кровнородственных общин – *вервей*⁴⁴¹.

Верви, входящие в нее имели более высокий статус (равно как и их члены), чем сельские. Об этом можно судить на основании Церковного Устава Ярослава. Например, за бестактное поведение по отношению к женам селян платился штраф в 1 гривну серебром, тогда как за оскорбление горожанина полагалась санкция в 3 гривны серебром⁴⁴². Хотя этот документ относится к более позднему времени, думается, он отражал все же реальные связи между *людьми* Киевской эпохи.

⁴⁴⁰ Пузанов В.В. Древнерусская государственность ... С. 567.

⁴⁴¹ Данилова Л.В. Сельская община ... С. 156 – 158.

⁴⁴² Российское законодательство ... С. 169.

Различия между городскими и сельскими *вервями* обнаруживались и в сфере культурной: «городские жители считались (и, наверное, в действительности были) более культурно развитыми»⁴⁴³. Так, например, обычай захоронения в курганах дольше держался в деревне⁴⁴⁴.

Верви занимали разное положение относительно одна другой и в самом городе. Причин тому было много. Во-первых, естественно, сказывался авторитет старшинства. Во-вторых, социальный статус зависел от ресурсов (материальных, социальных и др.) отдельно взятого кровнородственного коллектива.

Стоящие на верхней ступени городской иерархии родственные коллективы (*верви*) относились к знати и именовались как *нарочитые люди, лучшие люди* и т.п. Именно в их среде происходила ротация должностей в любой городской общине, так как изучение политических карьер представителей ряда должностных лиц домонгольской Руси позволяет сделать вывод о том, что случайным людям должности *воеводы, посадника, тысяцкого* достаться не могли⁴⁴⁵. Однако, можно говорить о принципиальном сходстве социальных организаций знати и «*простых людей*». Отношения между различного ранга *вервями* строились на основе авторитета, подчинения младших старшим.

Различия заключались в том, что родственные коллективы знати изначально находясь на более высокой ступени иерархии, объединяли в себе гораздо больше членов в количественном отношении. Но не все члены знатных *вервей* были родственниками по «крови». Значительная часть родственного коллектива знати была неполноправна. К таковым нужно относить категории, которые привычно называют зависимыми: *закупов, холопов, челядь* и др., не являющихся кровными родственниками, а оказавшиеся в *верви* знати в силу различных обстоятельств (плена и др.). Не вызовет особых возражение

⁴⁴³ Долгов В.В. Быт и нравы ... С. 217.

⁴⁴⁴ Там же. С. 217.

⁴⁴⁵ Рукавишников А.В. Древнерусская знать ... С. 90.

положение о том, что представители таких *вервей* могли скрываться под именем *старцы / старейшины градские*.

С течением времени количественные показатели в таких *вервах* неизменно перерастали в качественные. Такого типа *верви* выступали локомотивом новых отношений, основанных на иных, чем родственные отношения. Именно, внутри знатных *вервей* постепенно стали закрадываться клиентские отношения. Отражением названного процесса является и появление новых терминов для обозначения этих категорий населения (*закупы, рядовичи*). В летописях и в некоторых других источниках чаще всего их можно обнаружить под словом «чадь»⁴⁴⁶. Это объясняется тем, что социальная терминология облекалась в социовозрастные одежды, поскольку восточнославянское общество еще существовало в условиях господства кровнородственных отношений.

Такое положение дел нашло свое отражение в топографическом материале. Одним из наиболее изученных городских поселений в археологическом отношении, является Новгород. Потому обратимся к его материалам.

Принципиальное значение для нас имеет в данном случае вопрос о происхождении Новгорода, поскольку исследователь «должен, прежде всего, определить характер его поселенческой основы, а пытаясь постичь социальную сущность, – дать четкое представление об основных закономерностях сложения градообразующих структур»⁴⁴⁷.

Образованию Новгорода, согласно исследованию В.Л. Янина и М.Х. Алешковского, предшествовали «три ядра, три изначальных поселка, политическое объединение которых на определенном этапе сменилось их физическим слиянием. По мере своего роста Новгород не распадался на концы, а образовывался из этих концов»⁴⁴⁸. Подобные мысли высказали и другие ис-

⁴⁴⁶ Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие в летописи терминов «закуп», «рядович».

⁴⁴⁷ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 142.

⁴⁴⁸ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода ... С. 41 – 56.

следователи⁴⁴⁹. Концы определенно носили общинный характер⁴⁵⁰. Эти концы – общины, по мнению В.Л.Янина строились на корпоративной общности «боярских патронимий в пределах поселка»⁴⁵¹. Каждый крупный боярский род, по словам исследователя, «владел не одной городской усадьбой, а целым комплексом дворов, составляющих значительную часть кончанской территории»⁴⁵².

Пытаясь вскрыть причины формирования этого комплекса усадеб, автор намечал два основных направления. Во-первых, «боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые дворы по мере расширения семьи и ее богатств». Во-вторых, «она могла и владеть обширным участком кончанской территории, многими усадьбами, часть которых была заселена зависимыми от нее людьми, и только по мере необходимости осваивать эти усадьбы для личных нужд членов семьи, когда ее состав увеличивался»⁴⁵³. Сам же исследователь отдавал предпочтение второму пути генезиса усадьбы, признавая недостаток аргументированности первого⁴⁵⁴. Другими словами, *боярская патронимия* (по терминологии В.Л. Янина) с самого начала владела усадьбой, и землей по праву первопоселения⁴⁵⁵. Затем

⁴⁴⁹ Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город М. 1976 С. 30 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 228.

⁴⁵⁰ Фадеев Л.А. Происхождение и роль и системы... С. 26 – 30.

⁴⁵¹ Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сб. : 50 лет раскопок Новгорода. М.,1982. С. 114.

⁴⁵² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 26.

⁴⁵³ Там же. С. 28.

⁴⁵⁴ Там же. С. 29.

⁴⁵⁵ Ю.Г. Алексеев говорил не о боярских поселках - патронимиях, а об общинах (территориальных), носивших демократический характер (Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины // ИЗ. 1979. Т. 103.С. 270 – 272). По нашему мнению, накануне образования Новгорода состав такой общины (построенной на родственных началах!) был демократическим, т.е. это была сельская *вервь* (или *мир*), состоящая из рядовых *людей*. В силу первопоселения их социальный статус был выше, по сравнению с теми, кто подселился позже. С течением времени потомки первопоселенцев Новгорода стали позиционировать себя как представители знати (*нарочитые люди, лучшие люди, (бояре?)*). Кстати, давность проживания была характерна и для древнегреческих колоний – «Полноправными гражданами становились обычно те, кто принадлежал к первой волне колонистов (они же в основном имели устойчивый достаток). Впрочем, подобное явление наблюдается и в обществах Нового времени:

совокупность поселков образовывало конец, который и был объединением *боярских патронимий*⁴⁵⁶. Новгород и состоял из этих усадеб – «основных структурных ячеек», по образному выражению В.Л. Янина. Однако, вряд ли все эти *патронимии* были *боярскими* (в нашем понимании: *вервями* знатных (*лучших? нарочитых?*) *людей / мужей*), о чем еще говорил А.В. Петров⁴⁵⁷.

Несмотря на однотипность этих усадеб, размеры их были различны, что отражало различный социальный статус *вервей*. Материалы археологических раскопок позволили выделить два типа усадеб (существует, однако, взгляд что новгородские усадьбы делились на три типа⁴⁵⁸). «Первый тип – городские усадьбы, имеющие довольно стандартную планировку – один жилой дом и два-три служебных помещения. Площадь усадьбы не превышала 465 кв. м. Она представляла собой прямоугольник (15 – 30 м) и выходила узкой стороной на улицу. Второй тип – усадьбы боярские, на территории которых, кроме хором владельцев, размещались жилища людей, находящихся в той или иной форме зависимости от дворовладельца. Такие усадьбы имели разные размеры – от 750 кв. м. и более, достигая 1400 кв. м.»⁴⁵⁹. По мнению В.Л. Янина усадеб второго типа было больше. Ученый разделяет всю территорию Новгорода на несколько сотен крупных дворов. Иной взгляд высказал по этому поводу В.Ф. Андреев. По его предположению «дворов простых новгородцев было гораздо больше, чем боярских усадеб. В.Л. Янин в своих построениях не ос-

скажем, в США многие наиболее богатые и влиятельные семейства ведут свой род от первопоселенцев» (Т.Л. Вилкул. Люди и князь ... С. 236). Конечно, полностью знать отождествлять с потомками первопоселенцев было бы опрометчиво, но, несомненно, какой-то процент новгородской знати, несомненно, вел свое происхождение от «колонистов первой волны». Потому в данном случае не видим здесь принципиальной разницы между боярской патронимией В.Л. Янина и демократической общиной Ю.Г. Алексева. Разница социальных конструкторов этих ученых в характере общинных связей. Мы признаем правоту первого.

⁴⁵⁶ На клановый характер связей концов и улиц указывает и О.В. Мартышин. – (Мартышин О.В. Вольный Новгород ... С. 111.)

⁴⁵⁷ Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 42 – 43.

⁴⁵⁸ Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб Древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. 1997. Вып. 11. С. 54.

⁴⁵⁹ Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет ... С. 72

тавляет места на территории Новгорода для дворов купцов, «черных людей» - т.е. рядового свободного населения города, отдавая всю площадь города 300 – 400 усадьбам крупных землевладельцев ... Видимо, в Новгороде эпохи расцвета республики было 4-5 тыс. дворов, среди которых боярских усадеб едва ли насчитывалось более сотни»⁴⁶⁰. Окончательному ответу на этот вопрос мешает незначительное количество исследованных усадеб (около 40). Поэтому вопрос «о степени репрезентативности этой выборки» остается пока открытым. Но скорее всего прав в данном случае В.Ф. Андреев.

Дифференциация городских усадеб на два или на три разряда говорит о делении новгородского населения соответственно на две или три группы в социальной структуре *людей* (нарочитые? лучшие? простые?). Полученные выводы вполне применимы и к другим древнерусским городам⁴⁶¹.

Каждая *вервь*, как уже говорилось выше, независимо от статуса обладала на коллективных началах определенным земельным массивом – *вотчиной*. Потому *людей*, как составляющих отдельную *вервь*, так и в значительной части население конкретного города Киевской Руси, можно аттестовать как земледельцев / землевладельцев, вопреки довольно распространенному взгляду на *людей*, как на торгово-ремесленное население⁴⁶². Показателем этого факта является и аграрный характер городов⁴⁶³. Именно связь с землей позволяла *людину* иметь высокий социальный статус (штраф за жизнь оценивался в 40 гривен).

Верви располагались друг относительно друга на основе порядка, основанном, в свою очередь, на принципе старшинства.

⁴⁶⁰ Андреев В.Ф. О социальном составе новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 77 – 78.

⁴⁶¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 227 – 232 ; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 30.

⁴⁶² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 142 ; Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 379 ; Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси ... С. 105.

⁴⁶³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории ... С. 220 – 231 ; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 81.

Иерархия, присущая взаимоотношениям между *людьми*, нашла свое выражение и в некоторых древнерусских политических структурах – органах властвования земли-волости. Управление таким политическим образованием «было сконцентрировано в наиболее мощном городском центре землекняжества – главном, “стольном” городе, своего рода “столице”»⁴⁶⁴.

Как правило, высший орган управления города-государства учеными связывается с *вечем*. Именно в нем отражалась, по мнению многих исследователей, квинтэссенция социально-политической активности *людей*.

Вече давно привлекало внимание историков, которые, правда, исходят из диаметрально противоположных взглядов на ряд принципиальных вопросов⁴⁶⁵. К таким относились вопросы сущности, происхождения, состава участников, сферы компетенции и географии распространения вечевых собраний. Хотя были во взглядах историков и общие моменты – и те и другие исследователи рассматривали *вече* как институт, присущий общественной жизни славян⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский : эпоха и память исторические очерки. СПб., 2009. С. 11.

⁴⁶⁵ На тему *вече* существует большое количество трудов, поэтому не будем здесь останавливаться. См., например: Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2. Вече и князь. Советники князя. М., 2006 ; Юшков С.В. Общественно – политический строй ... С. 345 – 349 ; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 434 – 355 ; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 150 – 184 ; Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003 ; Лукин В.П. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. 2004. Вып. 4. С. 70 – 130 ; Его же. О социальном составе новгородского веча XII – XIII вв. по летописным источникам // Древнейшие государства Восточной Европы : Политические институты. 2004. С. 164 – 210 ; Халявин Н.В. Новгородские вечевые собрания в отечественной историографии новейшего времени // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005. С. 3 – 25 и много др.

⁴⁶⁶ См., например: Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2. С. 83 ; Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 99 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 150 ; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь ... С. 16 и др. Хотя, недавнее исследование древнерусского *веча* Ю. Гранбергом показало неоднозначность представлений о нем как о политико-юридическом институте с четко определенным статусом и полномочиями: Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2004. С. 149.

Важнейшим для нашего исследования является вопрос о социальной природе древнерусского *веча*. Вопрос о социальной природе *веча* пытались решить еще дореволюционные историки, правда «всплывал он спорадически, в контексте других, более «важных» для науки того времени тем⁴⁶⁷. По мнению Н.М. Карамзина «не все граждане могли судить на вечеах, а только старейшие и нарочитые, бояре, воины и купцы». Этот «аристократический» подход был поддержан в дальнейшем рядом советских историков (В.Т. Пашуто, В.Л. Янин, П.П. Толочко и др.)⁴⁶⁸. Довольно большая группа ученых склонялась к взгляду о демократическом составе *веча* (А.Е. Пресняков, Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, И.Я. Фроянов, В.Ф. Андреев, В.В. Пузанов и др.)⁴⁶⁹. К разновидности⁴⁷⁰ такого подхода относится и взгляд, согласно которому на *вече* приходили лишь свободные люди, не «состоящие под отеческой властью», т.е. главы семейств (К.Н. Бестужев-Рюмин, В.И. Сергеевич и др., в настоящее время – А.В. Майоров)⁴⁷¹. Существует и другая точка зрения, озвученная в свое время В.О. Ключевским о том, что на вечеую площадь бежал всякий кто считал себя полноправным гражданином. Но принятием решений на собрании все же руководила знать⁴⁷². Это направле-

⁴⁶⁷ Камалов К.М. Древнерусское вече в отечественной историографии XVIII – XX вв. Ижевск, 2005. С. 48.

⁴⁶⁸ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 24 – 34 ; Янин В.Л. Новгородские посадник. М. 1962. С. 4 ; Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев., 1987. С. 224 – 230.

⁴⁶⁹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 401 ; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 434 – 453 ; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 220 - 222 ; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и международное значение. С. 134 – 139 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 150 – 184 ; Андреев В.Ф. О социальном составе Новгородского *веча* // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 75 – 77 ; Пузанов В.В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 60 – 62 и др.

⁴⁷⁰ Камалов К.М. Древнерусское вече ... С. 75.

⁴⁷¹ Бестужев К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С. 206 ; Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2. С. 41 ; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь ... С. 16.

⁴⁷² Камалов К.М. Древнерусское вече ... С. 75.

ние также нашло сторонников в лице С.В. Юшкова, В.В. Мавродина, О.В. Мартышина и др.⁴⁷³.

Однако, несмотря на солидную историографическую традицию, проблема социального состава *веча* еще далека от своего окончательного решения.

Впервые термин «вече» встречается в ПВЛ при описании осады печенегами Белгорода в 997 году. По представлению летописца, голодающие горожане «створиша вече в граде» и решили сдаться печенегам. Неожиданное спасение горожанам пришло от старца, который «не былъ на вечи томъ»⁴⁷⁴. Старец, отсрочив сдачу города, предложил остроумный план спасения. Жители Белгорода без промедления им воспользовались, и печенеги ушли во свояси.

Историки, характеризуя данный эпизод, говорили о том, что в минуту опасности на белгородском *вече* сошлись «рядовое население со знатью»⁴⁷⁵. В целом не возражаем против такого подхода. Вполне очевидно, что главным участником данных коллизий является *людье*. Именно *люди* стали инициаторами решения о сдаче города печенегам. *Люди* «активно действуют не только на вече, но и потом. Именно они посылают за печенегами, принимают их в городе, потчуют своим знаменитым киселем»⁴⁷⁶. Но как уже говорилось, *люди* представляют собой не только рядовое население, но и знать. Потому трудно сказать, какой слой *людей*, здесь, принимал решение.

Обращают на себя внимание и *старейшины градские*, роль которых в описываемых событиях крайне важна – они приостанавливают решения *веча*. Такое решение, дающее надежду на счастливый исход (здесь прав И.Я.

⁴⁷³ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 104, 349 – 350 ; Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 38 – 39 ; Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII – XIII вв. М., 1976. С. 104 ; Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 70.

⁴⁷⁴ ПСРЛ. Т.1. Стб. 127.

⁴⁷⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 161 ; Гранберг Ю. Вече в древнерусских ... С. 31 – 32.

⁴⁷⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 160.

Фроянов), конечно, отвечало интересам всего народонаселения Белгорода⁴⁷⁷. Но не заметить роль *старейшин* в данном эпизоде трудно. Примечательно и то, что старец, которого не было «на вечи томь», общается именно к *старейшинам* с вопросом «слышах, яко хотите ся передати печенегом»⁴⁷⁸.

В то же время не надо забывать о том, что в понятие «люди» наряду с рядовым населением органично входила и знать, о чем уже говорилось выше. Этот отрывок также отчетливо демонстрирует такую ситуацию, когда в одном случае, судя по фразе летописца, открыть городские ворота хотят *люди*. В другом случае, как уже было показано, инициатива сдачи города исходила от *старейшин градских*. Другими словами, в данном случае под *людьми* вполне могла прятаться знать.

Такое смешение понятий говорит скорее о том, что в данном случае важнейшие решения исходили из уст представителей знатных *вервей - старейшин градских*.

Но полностью доверять, конечно, полулегендарному рассказу летописца не стоит⁴⁷⁹.

Более достоверными известиями о *вече* являются сообщения от 1014 - 1015 года. Напомним кратко суть. Ярослав, побуждаемый новгородцами⁴⁸⁰, отказался платить дань Киеву, которую давал ранее Новгород «от года до года». В ответ на это его отец, киевский князь Владимир, запланировал поход на Новгород, который, однако, не состоялся по причине смерти последнего. Ярослав же привел варягов из-за моря, «бояся отца». Те же от безделья начали «насилья» творить новгородцам и женам их (в НПЛ в 1016 году). Новгородцы, не вынеся обид, «вставше ... избиша варягы во дворе Поромони». Далее разгневанный Ярослав, послал за *нарочитыми мужами*, которых «обольстил» и «исече»⁴⁸¹. В ту же ночь от сестры Ярослав получает известие о том,

⁴⁷⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. 160.

⁴⁷⁸ ПРСЛ. Т.1. Стб.127.

⁴⁷⁹ Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 24.

⁴⁸⁰ Фроянов И.Я. Древняя Русь ... С. 97 – 98.

⁴⁸¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 140.

что отец умер и киевский стол занял Святополк, убивший, согласно летописи, своих братьев Бориса и Глеба. Ярослав услышав эту весть «печалень» был об отце и о братьях и о *дружине* (?). Утром же «собравъ избытокъ новгородецъ, Ярослав рече, о любя моя дружина юже вчера избих, а ныне быша надобе, утерль слезь и рече имъ на вечи, отец мой умерль, а Святополкъ седи[ть] Кыеве, избивая братью свою, и реша новгородци, аще княже братья наша, иссечена суть, можемъ по тебе бороти, и събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочихъ вои 40 000»⁴⁸². Социальный состав летопись рисует следующим: это «избыток» новгородцев, который называется с точки зрения Ярослава «любя моя дружина», в другой раз это и «новгородци». Тот же самый состав вечников прослеживается и в НПЛ⁴⁸³. Кого же подразумевать под этим «избытком» новгородцев? В.Т. Пашуто видел в них «собрание части “нарочитых мужей”, санкционирующее войну и сбор ополчения для князя»⁴⁸⁴. По мнению И.Я. Фроянова «сводить вече, созванное Ярославом, к совещанию князя с “нарочитыми мужами” нельзя. Вече здесь – народное собрание (с участием, разумеется, знати), вотирующее чрезвычайно существенный вопрос о военном походе»⁴⁸⁵.

Согласно НПЛ часть *воев* «славных тысячи» (в ПВЛ – *нарочитые мужи*) были перебиты. «Друзии» же спаслись бегством. Однако, непонятно «друзии» – это часть *нарочитых мужей*, которой все же удалось избежать воздаяния, или же простые горожане (в ПВЛ – «новгородцы»).

При определении состава вечников, как кажется, нужно иметь в виду события, предваряющие созыв *веча*. Совершенно ясно, что инициатива «избиения» варягов являлась результатом некоего коллективного решения и исходила от *нарочитых мужей*, которые и, вероятно, были зачинщиками данного мероприятия. Наряду с ними в «избиении» варягов, надо полагать, уча-

⁴⁸² ПСРЛ. Т.1. Стб. 141.

⁴⁸³ ПСРЛ. Т.3. С. 174.

⁴⁸⁴ Пашуто В.Т. Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 25.

⁴⁸⁵ Фроянов И.Я. Древняя Русь ... С. 103.

ствовали и простые новгородцы, т.к. насилью со стороны чужеземцев более были подвержены жены рядового свободного населения, нежели знати. Ярослав, вырезав зачинщиков, таким образом, взял под контроль ситуацию. Простых новгородцев он уже не опасался, которые к тому же разбежались. По всему видимому, убежавшие новгородцы и составили тот самый «избыток» (не исключаем, конечно, и незначительное количество *нарочитых людей*). Они и собрались, скорее всего, потом на *вече*, к которому слезно обращался Ярослав за помощью. Новгородскому князю, думается, был выгоден такой демократичный состав *веча*, который, собственно, и вотировал решение выступить походом против Святополка.

В следующий раз *вече* встречается при описании событий 1068 – 1069 гг. в Киеве. После поражения на Альте «побегоша русьскыи князи»: «Изяславу же со Всеволодомъ Киеву побегшу, а Святославу Чернигову»⁴⁸⁶. Вместе с князьями и «людье киевстии прибегоша Киеву», вместе с тем они «створиша вече на торговищи и реша пославшеся ко князю, се половци росулися по земли дай княже оружие и кони и еще бьемся с ними»⁴⁸⁷.

Социальный состав вечников указанных коллизий, прежде всего, определяется *людьем* киевским. Но, «кто такие “людье киевстии” – вот в чем вопрос»⁴⁸⁸. Можно предполагать, что в состав *людья* входили различные группы населения. В первую очередь, сюда отнесем остатки разгромленного степняками киевского ополчения⁴⁸⁹. Однозначно, здесь были и представители сельского населения, «жители окрестных сел»⁴⁹⁰. Князь Изяслав со своей *княжеской дружиной* прибежал раньше, потому в вечевом собрании его не было.

⁴⁸⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 170.

⁴⁸⁷ Там же. Стб. 170.

⁴⁸⁸ Фроянов И.Я. Древняя Русь ... С. 174.

⁴⁸⁹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 187.

⁴⁹⁰ Мавродин В.В. Народные восстания ... С. 60.

О том, что здесь налицо демократический состав *веча* выдает и их просьба – «дай княже оружие и кони». Т.е. просит вооружение, та часть населения, у которой заведомо не было, ни оружия, ни коней.

В 1097 году в городе Владимире, где «затворися» князь Давыд, в условиях осады войсками Володаря и Василька также состоялось *вече*. Осаждающие послали сказать владимирцам: «не ве ли придохомъ на градъ вашъ, а не на вас, но на враги своя, на Туряка, и на Лазаря и на Василя, т ибо суть молвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло. Да аще хотите за сих битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша, гражане же се слышавъ созваша вече, и реша Давыдови людье, выдаи мужи сия, не бьемся за сихъ ...»⁴⁹¹. Гражане, владимирцы, *людье* в данном случае обозначало, скорее всего, одну социальную группу, в которую входила как знать, так и рядовое население. Поэтому здесь можно согласиться с И.Я. Фрояновым, что на *вече* собрался «простой народ по преимуществу, властно диктующий свою волю князю Давыду»⁴⁹².

В этом же году еще раз проявился феномен древнерусского *веча* во Владимире, опять же в условиях осады. Теперь на правах осаждающего был князь Давыд, которого прогнал киевский князь Святополк, посадивший туда своего сына Мстислава. Во время осады князю Мстиславу, «хотящу стрелити, внезапно ударень бысть под пазуху стрелою». В ту же ночь князь умер. Смерть его скрывали три дня и лишь потом «поведаша на вечи» об этом. *Людье* «решили» «се князь убьень, да аще ся вдамы Святополку, погубит ны вся, и послаша к Святополку глаголя ... да аще не придеши, хотят ся людье предати»⁴⁹³. Очевидно, что *людье* объединяло здесь, как рядовых владимирцев, так и знать. Трудно сказать, принимали ли участие во владимирском народном собрании берестьяне, пиняне и выгошевцы, также волею судьбы, оказавшиеся в осажденном городе и оставшиеся теперь без князя.

⁴⁹¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 268.

⁴⁹² Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 165.

⁴⁹³ ПСРЛ. Т.1. Стб. 272.

Итак, социальный состав древнерусского *веча* на примерах событий X - XI века разнообразен. Главным и обязательным участником вечевых собраний было *людье* (т.е. главы семей, домохозяева) различного социального ранга (от простого *людья* до *нарочитых мужей*). Однако, здесь нужно иметь в виду тот факт, что в силу своего авторитета, социально-политической активности главную роль играли все же представители *нарочитых, лучших людей*. В тот или иной момент в зависимости от ситуации на народном собрании могло возобладать мнение какой-то группы *людей*. Здесь, пожалуй, стоит согласиться с В.В. Долговым в том, что осознание «классового единства» встречалось, по-видимому, крайне редко, так как горизонтальное социальное размежевание почти всегда оказывалось слабее вертикальных связей: во время частых межгородских или межпартийных столкновений «свой» людин был для представителя знати гораздо ближе и «родней» вражеского боярина»⁴⁹⁴. То же самое правило, на наш взгляд, действовало и при принятии вечевых решений в древнерусском городе. Консолидирующим моментом какой-либо городской *людской* группировки на *вече* выступали родственные (*вервные*) связи. Потому наверно не стоит жестко противопоставлять «аристократическое» и «демократическое» начала в вечевых собраниях – «существовала, по-видимому, некая репрезентативная общность, но на каких принципах она формировалась неизвестно»⁴⁹⁵.

В зависимости от социальной принадлежности своей *верви* они имели тот или иной взгляд на происходящие события, озвучивали, то или иное решение.

Частым гостем на *вече* был князь со своей *княжеской дружиной*, но отнюдь не постоянным - народное собрание вполне могло обойтись и без него (1068).

Функции, которые исполняло *вече* в рассматриваемый хронологический промежуток, давно являлись предметом изучения, потому не будем за-

⁴⁹⁴ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси ... С. 225.

⁴⁹⁵ Вилкул Т.Л. Людье и князь ... С. 236.

оstrarь на них внимание. Ограничимся лишь известной репликой о том, что *вече* «ведало вопросами войны и мира, санкционировало сборы средств для военных предприятий, меняло князей»⁴⁹⁶.

Помимо немногочисленных прямых упоминаний *веча*, социально-политическая активность людей, участников *веча*, по мнению историков, могла характеризоваться в источниках и с помощью описательных конструкций типа: «кыяне реша», «сдумавше». Однако, здесь мы имеем дело, скорее всего, с некоей репрезентативностью, т.е. «с ситуацией, когда часть общества (знатные) могла представлять все общество, а в известных случаях даже князь становился репрезентантом всей земли»⁴⁹⁷. Таким образом, подобные выражения далеко не всегда означали присутствие массы горожан / селян. Потому не всегда представляется возможным под упомянутыми конструкциями («реша», «сдумаша») подразумевать *вече*.

За ними мог скрываться (и чаще всего скрывался) и другой политический орган – *дума*, являвшаяся источником многих политических решений. Для такого взгляда есть достаточно веские основания и некоторые историографические предпосылки.

В отечественной историографии часто проводилась мысль о важном значении боярской *думы* (княжеского совета), с которой князь должен был согласовывать свои решения⁴⁹⁸. Довольно большое количество историков, признавая важное значение боярской *думы*, все же отказывались видеть в нем институт⁴⁹⁹. Часть же историков видела в *думе* постоянно действующий вла-

⁴⁹⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 166.

⁴⁹⁷ Вилкул Т.Л. Людье и князь ... С. 237.

⁴⁹⁸ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902 ; Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2. М., 2006 ; Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949 ; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001 и др.

⁴⁹⁹ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2. М., 2006 ; Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

стный орган, подразумевая, таким образом, под ним третий элемент государственной власти (аристократический)⁵⁰⁰.

Одним из первых упоминаний собственно *думы* является классическое летописное сообщение, означенное под 1176 годом. Напомним его суть: «В лето 6684 новгородци бо изначала, и смолянне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на веча сходятся, на чем же старейшие сдумають, на томь же пригороди стануть»⁵⁰¹. Точный смысл приведенного отрывка установить довольно сложно.

И.Я. Фроянов писал, что упоминание *думы* здесь вносит путаницу в это сообщение и «понуждает вроде бы рассматривать вече и думу как особые институты»⁵⁰². Исследователь отдает все же предпочтение *вече* как институту. Не оспаривая такой подход, все же отметим, что *вече* здесь уподобляется *думе*, как органу постоянному. Летописец и сам этой фразой подчеркнул необычность самой ситуации (имея ввиду, возможно, постоянность вечевых собраний), когда «якож на думу, на веча сходятся».

Так заставляет рассуждать и следующий пример. В 1150 году князь Изяслав, проявив военную хитрость, подошел к Воздвиженску «и ста до вечера и вседь на конь позва и брата к себе Володимира и сына своего Мьстислава и Бориса городеньскаго и угорьскимь моужемь пришедшимь на думу и рече имь»⁵⁰³. Очевидно, что прийти «на думу» значит собраться на совет. Перефразируя И.Я. Фроянова, можно сказать, что собраться на *вече*, все равно, что сойтись на *думу*, а не наоборот. Таким образом, *сдумать* – все равно, что участвовать в *думе*. Другими словами можно под словом «сдумать» подразумевать важнейший социально-политический орган домонгольской Руси.

⁵⁰⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пг.-Киев, 1915. С. 36, 44 – 51 ; Дьяконов М.А. Очерки ... С. 123 – 130 ; Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь-М., 1996. С. 1995 ; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

⁵⁰¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 377 – 378.

⁵⁰² Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 159.

⁵⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 413.

Такого рода *думы* можно найти с самых древних времен. По мнению историков, «существование княжеской думы с древнейших времен не подлежит ни малейшему сомнению»⁵⁰⁴. Надо сказать, что они не были присущи только княжескому окружению киевского князя. Вероятно советы в общинах, семьях также назывались *думы*.

В недатированной части видим, как хазары, найдя полян «сидящая на горах сихъ, в лесехъ», заставили платить их дань. Поляне же «сѣдумавше ... и вдаша от дыма мечъ»⁵⁰⁵. Трудно сказать, кто же думал над этим решением. Однако, сам характер этих *дум* предполагает, что делал это не один полянский князь, поскольку решение было коллективным. Трудно представить и то, что для обсуждения собрались все полноправные полянские *люди* со всей полянской земли и устроили *вече*.

В 944 году Игорь «совкупивъ вои многи» пошел на Византию. Византийцы, увидев многочисленные русские войска, решили откупиться данью. Игорь же дойдя до Дуная, «созва дружину и нача думати»⁵⁰⁶. Если под *дружиной* понимать ближайшее окружение князя, то состав *думы* в данном случае очевиден. Убийство Игоря в следующем году древляне спланировали также «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ»⁵⁰⁷. Трудно сказать, какие слои древлянского населения *думали* вместе с князем. Но надо полагать, что они входили в ближайшее окружение князя. В момент сомнений «думал» вместе со своей *княжеской дружиной* и Святослав⁵⁰⁸. Скорее всего, именно о такой *думе* пишет и Лев Диакон («На другой день на рассвете Сфендослав (т.е. Святослав – А.С.) созвал совет знати, который на их языке носит название “комент”») ⁵⁰⁹. Знаменитые *думы* Владимира Святославича о «о строе земле-

⁵⁰⁴ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2. С. 283.

⁵⁰⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 17.

⁵⁰⁶ Там же. Стб. 45.

⁵⁰⁷ Там же. Стб. 54.

⁵⁰⁸ Там же. Стб. 71.

⁵⁰⁹ Лев Диакон. История. М. 1989. С. 79.

не, и о ратехъ и уставе землеемъ» были также с *княжеской дружиной*⁵¹⁰. Примеры можно продолжать и далее.

На основании этих примеров вполне обнаруживается и круг лиц, постоянно участвующих в *думе* – ближайшее окружение князя, его *дружина*. Однако, процесс «думания» был не только прерогативой княжеского окружения. Очевидно, что здесь есть и переменная величина. Помимо *княжеской дружины* входили сюда еще на правах непостоянных членов и *нарочитые мужи*, т.е. представители не княжеского окружения⁵¹¹. Обязательным было включение в *думы тысяцких*, статья 53 ПП позволяет об этом судить: «Володимер Всеволодичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовемъ: Ратибора киевского тысяцкого, Прокопью белгородского тысяцкого, Станислава переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа и уставили...»⁵¹².

В опубликованных списках ПП после слова «Берестовемъ» стоит знак препинания «:», поставленный современными исследователями. На наш взгляд, поставлен он произвольно. В рукописи (Троицкий список XIV века) на этом месте поставлен знак «.»⁵¹³. Точно такие же знаки поставлены и после «Ратибора киевского тысяцкого», и после «Прокопью белгородского тысяцкого» и после «Станислава переяславского тысяцкого» и т.д. По нашему мнению, в современном тексте после слова «Берестовемъ» должна стоять запятая. Таким образом, слово «дружина» в данном случае является не обобщающим. Фраза «созва дружину свою на Берестовемъ» открывает ряд перечисления участников *думы*. И начало этой статьи должно иметь вид: «Володимер Всеволодичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовемъ, Ратибора киевского тысяцкого, Прокопью белгородского тысяцкого, Станислава переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванка

⁵¹⁰ ПСРЛ. Т.1 Стб. 126.

⁵¹¹ Там же. Стб. 126.

⁵¹² Российское законодательство ... С. 67.

⁵¹³ Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. С. 59.

Чюдиновича Олгова мужа и уставили...»⁵¹⁴. Потому считаем, что для решения вопроса, созвали отнюдь не «шесть советников». Перечисленные *тысяцкие* и иные «мужи» в данном случае не входили в *княжескую дружину* и здесь составляли ее вариативную часть, т.е. они были включены в *думу*.

В состав *думы* иногда входили и первые лица церковной организации. В совещании Владимира Святославича, на основании которого он отверг виры и стал казнить разбойников, включались помимо старцев «епископы»⁵¹⁵.

Принимали участие в *думе* и приглашенные лица иностранного происхождения: «и ста до вечера и вседь на конь позва и брата к себе Володимира и сына своего Мьстислава и Бориса городеньскаго и угорьскимъ моужемъ пришедшимъ на думу и рече имъ»⁵¹⁶. В данном случае видно, что в *думу* были включены и венгры.

На фоне *дум* отчетливо выделяется фигура князя, он играет здесь важную роль, его голос всегда выделяется на общем фоне, но он всегда прислушивается к мнению своей *думы*. Князь выбирал из тех рекомендаций, которая ему больше нравилась, хотя не исключено было влияние и иных «сильных», авторитетных личностей (например, лица духовного звания).

Компетенция этого мобильного органа довольно широка. По меткому выражению М.А. Дьяконова «компетенция думы, таким образом, сливается с компетенцией князя: какого-либо самостоятельного ведомства, отдельного от ведомства князя, у княжеской думы и не было»⁵¹⁷. Она включала в себя вопросы, как военного, так и гражданского характера («о строе землене, и о ратехъ и уставе земленемъ») ⁵¹⁸.

Законодательные инициативы этой *думы* при князе хорошо просматриваются в отрывке об установлении вир. В результате *дум*, вероятно, появилась и Правда Ярослава, была принята и Правда Ярославичей, в тексте кото-

⁵¹⁴ Российское законодательство ... С. 67.

⁵¹⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 126 – 127.

⁵¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 413.

⁵¹⁷ Дьяконов М.А. Очерки ... С. 127.

⁵¹⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 126.

рой состав «думцев» хорошо виден. Устав о «резах» Владимира Всеволодовича также состоялся при деятельном участии *думы*. Жалованная грамота Ростислава Мстиславича смоленской епископии дана была после *думы* «с людьми своими»⁵¹⁹.

Дума распространяла свои полномочия и на военную сферу. Согласно летописи в 944 году в той ситуации, когда стоял вопрос о выборе между сражением или заключением мира с греками, Игорь созывает *дружину* и именно в совете с ней решает этот важнейший вопрос. Принятое решение оказывается обязательным для всех остальных *воев*⁵²⁰.

Решения *думы* касались и сферы сакральной. Сам факт крещения не только Руси, но и жителей Киева, думается, был результатом решения именно этого коллективного органа. Ведь рядовое киевское «неверное» *людье* не принимало решения по этому вопросу, им оставалось только «плакаться» по отринутым ныне богам⁵²¹.

Решения *думы* пользовались авторитетом в среде *людей*, которая доверяла своим «думцам», выражающим ее политические интересы. В день крещения Руси, к реке подходили *людье*, которые с «радостью идяху, радующееся и глаголюще, аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли»⁵²². Совсем не случайно, и то, что вся вина за неправильно принятое решение возлагается также на ближайшее окружение князя. В 1085 году Ярополк «хотяше ити на Всеволода, послушавъ злых советникъ»⁵²³.

От совета «думающих» во многом зависит правильное решение, как, например, в следующем случае. В 1093 году половцы прислали послов для заключения мира. Летописец с укором замечает, что Святополк же «не здумавъ с болшею дружиной отнею и строя своего, но светъ створи с пришед-

⁵¹⁹ Российское законодательство ... С. 213.

⁵²⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб. 45.

⁵²¹ Там же. Стб. 117.

⁵²² Там же. Стб. 117.

⁵²³ Там же. Стб. 205.

шими с нимъ»⁵²⁴. Потому, по мнению летописца, отсутствие «большой дружины» привело к обострению отношений с половцами.

Итак, городская община представляла собой совокупность населения, предполагающую систему иерархичных социальных связей. Основной «структурной ячейкой» выступала *вервь*. В силу различных обстоятельств социальный статус *вервей* различался. Различался и социальный состав самой *верви*. В *вервь* входили ограниченные в правах категории членов в силу своего происхождения (плен, «ряд» и др.), а также младшие родственники. Из массы *вервей простых людей* выделялись в социальной системе города X – первой трети XII вв. *верви нарочитых мужей*. Именно они являлись авторитетнейшими представителями «земской» власти в городе, несвязанной с княжеской администрацией (в основе своей, также являющейся *вервью*). Важнейшую роль играли *лучшие мужи*, обладавшие различными функциями.

Важнейшим властным институтом явилась *дума*, игравшая довольно большую роль в иерархизированном восточнославянском обществе. Инвариантная часть *думы* состояла из княжеского ближайшего окружения. Публичная власть в восточнославянском городе выковывалась в недрах кровнородственных отношений. Она представляла, прежде всего, главенство одних родственных групп над другими.

§ 4. Люди и военная организация.

Социальный состав княжеской дружины. Некняжеские дружины. Вои. Полк. Иерархичность военной организации.

Интерес к военной сфере древнерусского общества вызван по справедливому замечанию И.Я. Фроянова, тем что «военная сила и общественная власть еще не оторвались друг от друга, составляя единое целое»⁵²⁵. Поэтому раскрытие сущности военной организации представляется важным, поскольку

⁵²⁴ ПСРЛ. Т.1 Стб. 218.

⁵²⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 185.

ку позволяет уточнить роль *людей* в социально-политической системе Киевской Руси.

Рассматривая военную организацию восточных славян эпохи Киевской Руси, ученые фокусируют свое внимание на двух ее важнейших элементах: *княжеской дружине* и народном ополчении⁵²⁶. Эта схема деления древнерусских вооруженных сил восходит еще к дореволюционной историографии. Так, С.М. Соловьев заявлял, что «кроме дружины войско составлялось также из жителей городов и сел, набравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются от дружины под именем воинов (воев) в тесном смысле»⁵²⁷. Не вызывает возражений эта точка зрения и в настоящее время⁵²⁸.

Выводы исследователей позволяют говорить о преемственности вооруженных сил VI – IX вв. и X – первой трети XII вв.⁵²⁹. Потому военная организация, как и ранее, представляла собой совокупность *дружин* разного ранга (по сути, являющихся не военными, а «гражданскими» институтами). *Дружинная* организация полностью пронизывала всю военную структуру восточных славян. Несомненно, что важнейшей составной частью древнерусских военных сил являлась *княжеская дружина*. Ей подчинялись остальные *дружины*, входящие в народное ополчение.

Социальная структура *княжеской дружины* сложна, и вызывает разногласия ученых. Запутывает вопрос богатая социальная терминология, имеющая прямое отношение к этой *дружине*: *гридь*, *отроки*, *мужи*, *люди*, *чадь* и др. Не способствуют более четкому определению *княжеской дружины* и качественные характеристики (*большая*, *передняя*, *младшая*, *старшая* и др.).

⁵²⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 434; Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 381 – 384. Оставим без внимания вспомогательные воинские части иностранного происхождения, поскольку они не являются предметом нашего изучения.

⁵²⁷ Соловьев С.М. История России ... С. 204.

⁵²⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 185 – 215; Лукин В.П. Древнерусские «вои» в Начальном летописании // Средневековая Русь. Вып.5. М., 2004. С. 58.

⁵²⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 417 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 185.

Появление этих качественных признаков в конце XI века дало повод историкам делить *княжескую дружину* на две части: *старшую* и *младшую*⁵³⁰.

До разделения *княжеской дружины* на *старшую* и *младшую* в ее состав входили представители различных социальных групп.

Во-первых, в *княжескую дружину* входили родственники князя, т.к., как уже говорилось ранее, первоначально *дружина* это коллектив родственников⁵³¹. И потому наличие родственников в *княжеской дружине* считаем обязательным. Легендарный Добрыня – дядя Владимира Святославича, определенно входящий в *княжескую дружину*, является убедительным примером такого родственника.

Во-вторых, *княжеская дружина* в рассматриваемую эпоху не представляла собой замкнутую организацию и потому «князя принимали в свою дружину всякого витязя, из какого народа он бы не был»⁵³². В ее состав включались наиболее отличившиеся отборные воины, не обязательно славянского происхождения. Названные группы, вероятнее всего, составляли потом, ядро *старшей княжеской дружины*.

В-третьих, вполне правомерно предполагать в *княжеской дружине* зависимый элемент. Отчасти сюда можно отнести рабов-пленников, стоящих на низшей ступени состава *дружины*. Сюда же можно включить *холопов*, которые выполняли наряду с военными, административно-хозяйственные функции. Примером такого рода, является, скорее всего, *отрок* князя Бориса, «родомъ сынъ угърескъ, именовъ Георги», пожелавший разделить со своим *господином*, его горькую участь⁵³³. Князь Олег, также убитый Святополком,

⁵³⁰ Соловьев С.М. История России ... С. 204 ; Ключевский В.О. Курс русской истории ... С. 175 ; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 424 – 425 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 76 ; Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 40 ; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории ... С. 110 – 111.

⁵³¹ Именно в этом видим причины бытования социовозрастной лексики внутри *княжеской дружины*.

⁵³² Соловьев С.М. История России ... С. 200.

⁵³³ ПСРЛ. Т.1. Стб. 134.

имел повара «именемъ Торчинь»⁵³⁴. Эти неполноправные члены *княжеской дружины* именовались *отроки, чадь*.

Внутрикорпоративные отношения *княжеской дружины* носили патриархальный характер. Выше упомянутого *отрока* Георгия «любляше повелику» князь Борис⁵³⁵. Известные стенания Даниила Заточника по поводу неустроенности личной жизни, на наш взгляд, также являли пример патриархальных отношений между князем и его, попавшим в немилость дружинником. Социовозрастная терминология *княжеской дружины* тоже является показателем патриархальности внутридружинных отношений.

В поле зрения же летописца по вполне ясным причинам *княжеская дружина* попадала чаще – она и становилась главным героем многих жизненных перипетий.

Хотя свои *дружины* были не только у князя. Памятуя о том, что *дружина* есть организация общинников, а сами общины-*верви* были дифференцированы, можно предположить, что в военную пору *дружинами* выступали и представители высшего класса *людей* – *бояре*. *Дружина* одного из ярких представителей знати, конкурирующего с самим князем – Свенельда, вызвала зависть *княжеской дружины*: «рекоша дружина Игореви, отроки Свеньльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази...»⁵³⁶. Ян Вышатич, усмирявший восставших волхвов, изображен в окружении *отроков*, т.е. своей *дружины*. Была своя *дружина* и у Ратибора, *боярина* Всеволода Ярославича: «и начаша думати дружина Ратибора со княземъ Володимиромъ»⁵³⁷.

«Покланянее» Саввы, героя берестяной грамоты № 724 покинутого своими *людьми*, к «братьи и дружине», является ярким примером наличия *дружины* у средней руки *людина*. Точно такое же «поклоняние» мы видим «от Бъръза и от Путеши, и от вехое дружине к Петръку» (грамота № 850)⁵³⁸.

⁵³⁴ ПСРЛ. Т.1 Стб. 136.

⁵³⁵ Там же. Стб. 130.

⁵³⁶ Там же. Стб. 54.

⁵³⁷ Там же. Стб. 227.

⁵³⁸ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 318.

Очевидно, что и Борз и Путьша – члены *дружины*. Хотя эти грамоты, прежде всего, говорят о гражданской сущности *дружины*, но для нас важно здесь подчеркнуть тот факт, наличие *дружин* в среднем звене *людей*.

Таким образом, *дружинная* организация, как и ранее, пронизывала весь восточнославянский социум, и в случае военного лихолетья против врага выступал конгломерат иерархически выстроенных *дружин*, называемых историками народным ополчением.

Как считают многие исследователи, народное ополчение скрывается в источниках под термином «вой»⁵³⁹. В то же время, ученые обращали внимание и на многозначность этого слова. Этот термин, как показывает, анализ источников многозначен и «может прилагаться к совершенно разным объектам: дружине, всему войску, части войска, наёмникам и т. д.»⁵⁴⁰. Несомненно, в среде *воев* были и представители народной рати. Но это было совсем не обязательно, и потому слово «вой» указывало на ополчение.

Ярким подтверждением применимости термина к разным объектам, может служить описание в летописи под 971 г. похода Святослава в Дунайскую Болгарию. «Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася Болгаре в граде. И излезоша Болгаре на сечю противу Святославу, и бысть сеча велика, и одолаху Болгаре. И рече Святославъ во емъ своимъ: “Оуже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!»⁵⁴¹. Судя по всему, в этом контексте летописного отрывка «вой» и «дружина» — синонимы. Хотя не исключено, что это просто риторика летописца и вряд ли Святослав пошел на столь опасное и далекое мероприятие только с *княжеской дружиной*. В данном случае, безусловно, имеется в виду, полноценное войско. Но более предпочтительна трактовка *воев* здесь как просто *воинов*.

⁵³⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 401; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 188.

⁵⁴⁰ Лукин В.П. Древнерусские «вой» ... С. 58.

⁵⁴¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 69.

Следующий эпизод. Легендарный Святослав, повзрослев и возмужав, «нача вои совокупляти многи и храбры»⁵⁴². С.М. Соловьев, например, в этой фразе, в отличие от И.Я. Фроянова видевшего здесь ополчение народа, под *воями* понимал представителей *княжеской дружины*⁵⁴³. Здесь, конечно речь идет о воинах в самом общем значении слова.

Показательно словоупотребление *воев* и по отношению к *смердам*, являвшихся иноэтничным социальным образованием⁵⁴⁴. В 1016 году Ярослав собрал военные силы для борьбы со Святополком. Летописец проливает свет на социальный состав *воев*, использованный Ярославом: «И абие нача вои свои делите старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривне, а новгородцомъ по 10 гривень всемъ, и отпусти ихъ всехъ домовъ...»⁵⁴⁵. Очевидно, что под *воями* скрываются новгородцы (*люди*) и *смерды*. Довольно большое количество примеров полисемичности слова «вои» описано в работе В.П. Лукина, поэтому нет необходимости повторяться⁵⁴⁶.

Такое словоупотребление, по мнению В.П. Лукина заставляет предположить, «что «вои» в представлении летописцев конца XI — начала XII в. отличались от «дружины» не статусом (вои — народное ополчение, а дружина — княжеское окружение) а как непостоянное войско вне зависимости от типа мобилизации от постоянного»⁵⁴⁷.

Думается, что летописец, не имел в виду непостоянность войска, говоря о *воях*. Этот термин с легкостью употреблялся по отношению к различным категориям древнерусского воинства, а также к воинам других народов.

На наш взгляд, многозначность термина «вои» во многом мнимая. Это слово полисемантично для современных исследователей; для летописца и человека того времени термин «вой» обозначал, прежде всего, «человека на

⁵⁴² ПСРЛ. Т.1. Стб. 64.

⁵⁴³ Соловьев С.М. История России ... С. 200.

⁵⁴⁴ См. : главу 3; § 1 настоящей работы.

⁵⁴⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 175.

⁵⁴⁶ Лукин В.П. Древнерусские «вои» в Начальном летописании // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.

⁵⁴⁷ Там же. С. 60.

войне», «воина»⁵⁴⁸. Таким образом, за словом «вои» не всегда представляется видеть народное ополчение.

Словом, более четко маркировавшим народное ополчение – было слово «полк». Как уже говорилось, этимология этого слова уводит нас далеко во времена славянского единства. Полк – чеш. «pluk», ст. – сл. «пълк», рус. «полк», серб «пук», до настоящего дня у многих славян означает «народ вообще», «простой народ»⁵⁴⁹. Таким образом *полк* вполне соответствует вооруженному народу. А «народъ – это «полк» и отличается лишь тем, что «не всегда воюет»⁵⁵⁰. Итак, именно под *полком* можно подразумевать народное ополчение (в любом случае, войско больше *княжеской дружины*). Хотя этот термин, справедливости ради нужно отметить, обладает еще и другим значением: «бой», «битва»⁵⁵¹.

Народное ополчение, обозначенное *полком*, фигурирует в известии ПВЛ под 946 годом. Княгиня Ольга «съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры и иде на Деревьску землю [и] изидоша деревляне противу [и] съ[не]мъшемся обема полкома на скупь»⁵⁵². Здесь отчетливо показано, что Ольга собрав *воев* «много» сошлась с древлянским воинством, также, кстати, являвшимся *полком*. Собрав «воев многих и храбрых» она собрала *полк*, т.е. ополчение.

Еще пример. В 968 году печенеги осадили Киев. Воевода Претич, не имея больших военных сил, был вынужден прибегнуть к блефу: «Азь есмь мужь его, и пришель есмь въ сторожехъ и по мне идеть полкъ со княземъ бе-щисла множьство»⁵⁵³. Очевидно, что «бе-щисла множьство» не есть только *княжеская дружина*. Претич пытался (и попытка ему эта удалась) противников спугнуть якобы большой численностью войска.

⁵⁴⁸ В наше время мы также употребляем слово «воин» для обозначения разных групп людей. Воином может быть и офицер, и простой солдат.

⁵⁴⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. С. 523.

⁵⁵⁰ Колесов В.В. Мир человека ... С. 138.

⁵⁵¹ Там же. С. 137.

⁵⁵² ПСРЛ. Т.1. Стб. 58.

⁵⁵³ Там же. Стб. 67.

События, включенные в летопись под 977 г. также позволяют сделать соответствующие выводы: «Поиди Ярополкъ на Олга брата своего на деревьску землю и изиде противу его Олегъ и вполчитася и ратившемася полкома и победи Ярополкъ Олга, побегшу же Ольгу с вои с вои своими, в градъ рекомый Вручий, бяше через гроблю мосто ко вратомъ граднымъ, теснячеся другъ друга пихаху въ гроблю и спехнуша Олга в дебрь падаху людье мнози и удавиша кони человеци»⁵⁵⁴.

Множественное число «полкома» позволяет сделать заключение, что *полк* был не только у Ярополка, но и у Олега. Причем Олегов *полк* расшифровывается: его составляли, «вои свои», в свою очередь, они же есть и «людье мнози». Иными словами – народное ополчение.

Упоминается *полк* в указанном смысле и в следующих отрывках⁵⁵⁵. В 1093 году мы видим, что *полк* также состоит из *людей*: половцы «налегша первое на Святополка и взломиша полкъ его, Святополкъ же стояше крепко и побегоша людье не стерпяче ратных противленья и [послеже] побеже Святополкъ»⁵⁵⁶.

Следующий пример говорит нам о том, что в *полк* органично входили и *боляре*, являвшихся как мы помним, высшим слоем *людей*: «Володимерь же пебреть реку с малою дружиною мнози бо падоша от полка его и боляре его ту падоша»⁵⁵⁷.

Племенная принадлежность *людей* в *полку* была также различной, что подтверждается многочисленными примерами привлечения разных племен к военным операциям киевскими князьями.

Очевидно, наличие и иноэтничного контингента в древнерусском *полку*. Таким компонентом были *смерды*. Об этом свидетельствует уже указанное сообщение НПЛ под 1016 годом. Изгнав Святополка Окаянного Ярослав

⁵⁵⁴ ПСРЛ. Т.1 Стб. 74.

⁵⁵⁵ Там же. Стб. 123, 146, 237, 248.

⁵⁵⁶ Там же. Стб. 220.

⁵⁵⁷ Там же. Стб. 220.

Владимирович раздает своим «воям» плату: «старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривне, а новгородцомъ по 10 гривен всемъ»⁵⁵⁸.

Представленный отрывок красноречиво говорит, что ведение боевых действий *людьми* и *смердами* происходило отнюдь не бесплатно. Статья под 1073 годом содержит эпизод, свидетельствующий о том, что ратный труд ополченцев оплачивался – Изяслав, бежавший к ляхам во второй раз, захватил с собой помимо прочего и «именье», «глаголя, яко “Симъ налезу вой”»⁵⁵⁹.

Трудно представить количество воинов в *полку*. Тем более, что древнерусские летописцы были склонны к преувеличениям. Сообщение под 1068 годом дает нам примерную численность *полка*: «посем же половцем воюющим около Чернигова Святославъ же собра дружины неколико изиде на нь ко Сновьску, и узреша половци идущь полкъ, пристроишася противу и видевь Святославъ множество ихъ и рече дружине своей уже нам не лзе камо ся дети [и] удариша в коне и одоле Святославъ в трех тысячахъ»⁵⁶⁰. Т.е. для отражения атаки половцев в тот момент Святославу вполне хватило 3 тысяч воинов.

Социальная система налагала отпечаток не только на состав, но и на устройство самих вооруженных сил восточных славян. Как уже говорилось, народное ополчение представляло собой совокупность иерархически подчиненных *дружин*. Несомненно, и то, что военная организация восточных славян подразумевала деление на сотни, десятки и тысячи, о чем свидетельствуют источники⁵⁶¹. Сотни – это не только территориально-административные образования, но и военная единица. Деление на сотни известно всем европейским народам. Восточные славяне не были тут исключением⁵⁶². С каким из этих элементов совпадала рядовая «людская» *дружина* (десяток? сотня?), сказать сложно.

⁵⁵⁸ ПСРЛ. Т.3. С. 175.

⁵⁵⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 183.

⁵⁶⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб. 172. В НПЛ, ИЛ, в других вариантах ЛЛ – вместо *полка*, стоит *вои*

⁵⁶¹ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 206.

⁵⁶² Там же. С. 206 – 207.

Очевидно, что сотенная система зиждилась в первую очередь на авторитете старшинства, и представляла собой иерархическую организацию. Вполне естественно, во время военных операций она требовала более строгой дисциплины и строилась на четком соподчинении. Таким образом, роль рядовых *людей* не столь велика как может показаться на первый взгляд.

Князь с легкостью собирал «воев многих», когда это ему было нужно. Сами летописные фразы типа: «пойде Олег, поим воя многи»; «Игорь... нача совокупляти вое многи»; Ольга «собра воя многи»; «Володимер же собра воя многи»; Ярослав «совокупи воя многи» не соотносятся с демократичностью в наборе войска. Думается, легкость сбора *полка* объяснялась не только предстоящей выгодой военного мероприятия для какой-либо общины, но и наличием этой тысячной организации.

Во главе сотенной организации стояли *тысяцкие*. Многие династии *тысяцких* занимали свои должности на протяжении десятков и даже сотен лет, что свидетельствует об определенной наследственности в занятии должности и воевод и *тысяцких*⁵⁶³.

Тысяцкий (как впрочем, и его родственники) занимал довольно высокое место в этой строгой иерархии. Если князь был не способен исполнять свои важнейшие функции по защите населения, то тогда в дело вмешивался – *тысяцкий*. Такого рода пример, мы видим в событиях 1068 года, когда собравшиеся на *вече люди* после поражения на Альте, решают снова сразиться с половцами, призывая на помощь воеводу Коснячко⁵⁶⁴. То есть *люди* в критической ситуации в Киеве ждали инициативу именно от старших в городе: князя или *тысяцкого*.

Сквозь призму указанных отношений нужно рассматривать и события 1093 года: «Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на светъ хотяче поступити чересь реку и начаша думати [и] глаголаше

⁵⁶³ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 220.

⁵⁶⁴ Принимаем трактовку событий предложенную И.Я. Фрояновым. См.: Фроянов И.Я. Древняя Русь ... С. 180.

Володимеръ яко сде стояче чересь реку в грозе сеи створимъ миръ с ними и пристояху совету сему смыслении мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотеша [света сего], но рекоша хотимъ ся бити поступимъ на ону сторону реки, [и] възлюбиха съвето съ и преидоша Стугну реку бе бо наводнилася велми, тогда Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ исполчивше дружину поидоша и идяше на деснеи стороне...»⁵⁶⁵. Объединенные военные силы трех князей Святополка, Владимира и Ростислава подошли к Стугне, «созваша дружину свою» и стали думать, как поступить далее. После вялых споров возобладала точка зрения «киян» на действия в предстоящих событиях. Вряд ли кияне здесь «народные ополченцы из киевского войска, приведенные Святополком»⁵⁶⁶. Здесь речь идет о *думе княжеских дружин* трех князей. Эта *дума дружин* в принципе отражала иерархию русских городов, стоящих на высшей ступени: Киева, Чернигова и Переяславля. Так как Киев занимал высшее место в этой иерархии, поэтому именно за Святополком, а точнее за его *дружиной*, т.е. «киянами», на этом «свете» было последнее слово. Вынужден был послушать «киян» даже такой авторитетный князь как Владимир Мономах. Летописец, симпатизировавший Мономаху, пытается оправдать поражение от половцев и как-то обелить Владимира, мол, ведь «Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати»⁵⁶⁷.

Таким образом, отрывок повествует о «киянах» как о киевской партии в *думе дружин* перед боем с кочевниками. Потому вряд ли здесь можно говорить о независимом поведении ополченцев, на котором настаивает И.Я. Фроянов⁵⁶⁸. Иерархия «князей, общин, территорий и этнических групп» давала знать о себе и здесь.

Хотя это не всегда такая иерархия соблюдалась - вполне, естественно были и исключения, например, когда в 1096 году, перед тем как сразится с половцами у Трубежа, Владимир «хоте нарядити полкъ, они же послушаша

⁵⁶⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 219.

⁵⁶⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 131.

⁵⁶⁷ ПСРЛ. Т.1. Стб. 219.

⁵⁶⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 208.

но ударивша в коне к противнымъ». *Полк* (В ИЛ, других вариантах ЛЛ стоит вместо *полка – дружина*) Владимира Мономаха проявил здесь известную долю самостоятельности и убежал – не послушав княжеского «наряда».

Подводя итог изучению места *людей* в военной организации нужно сказать, что как и ранее военная организация копировала контуры общественного устройства славян и представляла собой конгломерат иерархически выстроенных *дружин*. Во главе этой совокупности восточнославянских *дружин* стояла старшая – *княжеская дружина*, с довольно пестрым внутренним социальным составом.

Термин «вои», отнюдь не был социально окрашен, на чем настаивали некоторые исследователи. *Воями*, т.е. **воинами**, могли быть различные слои населения: *люди*, *смерды*, дружинники князя, представители других народов. Словом, обозначающим народное ополчение, был термин «полк». Основопологающим стержнем военной организации являлся принцип старшинства, пронизывающий всю военную организацию восточных славян.

ГЛАВА III. ЛЮДИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕПОЛНОПРАВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

§1. Люди и смерды

Исследователи о смердах. Происхождение смердов. Правовой и социальной статус смерда. Князь и смерды.

Рассмотрение социальной категории «люди» через призму взаимоотношений с другими группами древнерусского населения позволяет выявить ряд характерных черт *людей*, и резче очертить их социальные контуры. К числу таких ключевых принадлежат социальные группы, обозначаемые в источниках как «смерды».

Довольно часто учеными *люди* и *смерды* отождествлялись друг с другом⁵⁶⁹. Такой взгляд очень распространен и в исторической литературе. Например, С.М. Соловьев о *людях* говорил, как о простом рядовом населении, в противоположность княжескому окружению. В этом смысле *людин* приравнивался историком к *смерду*⁵⁷⁰. Историк И.Д. Беляев также видел в *людях смердов*⁵⁷¹. В целом в дореволюционной историографии было принято говорить о *смердах*, как об одном из разрядов (как правило, низшем) *людей*⁵⁷².

Советская историческая наука также восприняла эту традицию. Также поступал и М.Н. Тихомиров, употребляя их как синонимы⁵⁷³. Термин «люди», по С.А. Покровскому, обозначал всю массу свободного населения в Древней Руси. Но вместе с этим термином, по его мнению, «общим обозна-

⁵⁶⁹ Подробную историографию смотрите: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии // Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 191 – 224 ; Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X – XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX вв. Ижевск, 1995. С. 174 – 185.

⁵⁷⁰ Соловьев С.М. История России ... С. 210.

⁵⁷¹ Беляев И.Д. Крестьяне на Руси ... С. 9.

⁵⁷² См., например: Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.1. С. 157 ; Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 84 – 88 и др.

⁵⁷³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания ... С. 122.

чением всего населения было и слово “смерды”»⁵⁷⁴. Аналогично рассуждает и М.Б. Свердлов: «смердами в XI – XIII вв. называлось все свободное население, центром административно-судебного управления которым являлся княжеский погост (альтернативно с социальным термином смерды могло использоваться древнее понятие люди)»⁵⁷⁵. Таким образом, историки, отстаивающие эту точку зрения, произвольно переносили сущностные характеристики *людина* на *смерда*, и наоборот.

Многие историки все же различали эти понятия и разводили их в разные стороны. В.Н. Лешков относил *смердов* к особой группе сельского населения, состоящих в особых отношениях с князем («смерды – есть княжеские люди») ⁵⁷⁶. *Люди* же по мысли исследователя относились к «безспорно» свободным классам⁵⁷⁷.

Различали их и советские историки. С.В. Юшков, считал *смердов* зависимыми⁵⁷⁸, а *людей* лично свободным древнерусским населением. Советский исследователь В.В. Мавродин следующим образом рисовал эти взаимоотношения: «Смерды – данники князя, но не только данники. Просто данники носили название «людье», “простая чадь”, “сельские люди”. Смерды – это те общинники-данники, которые принадлежали князю, с которых собирали всякие “поборы” княжие дружинники, отправляясь в полюдье»⁵⁷⁹. Л.В. Черепнину удобно было разделять эти категории и рассматривать взаимоотношения с точки зрения развития феодализма. Первоначально *людьми* назывались свободные общинники. Но, попадая постепенно в зависимость от государства, представленного в лице киевского князя, и эксплуатируемые путем сбора дани, они становились *смердами*⁵⁸⁰. Не ставила «знак равенства между сво-

⁵⁷⁴ Покровский С.А. Общественный строй Древнерусского государства ... С. 61, 64-65, 71.

⁵⁷⁵ Свердлов М.Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI – XIII вв. Саратов, 2002. С. 69.

⁵⁷⁶ Лешков В.Н. Русский народ и государство ... С. 157.

⁵⁷⁷ Там же. С. 158.

⁵⁷⁸ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 304 – 305.

⁵⁷⁹ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства ... С. 164 – 165.

⁵⁸⁰ Черепнин Л.В. Из истории формирования класса ... С. 245- 248.

бодным общинником и *смердом* Русской Правды» и Е.Д. Романова. Она довольно четко разграничила свободного общинника («мужа», «людина») и *смерда*⁵⁸¹. Коренным отличием *смердов* и *людей*, по мнению О.М. Рапова, было то, что в селе живут *смерды*, а в *верви* – *люди*⁵⁸². И.Я. Фроянов *людей* представлял как свободных общинников⁵⁸³. Под *смердами* И.Я. Фроянов предполагает наличие двух групп населения: «внутренних» («челядь, посаженная на землю»)⁵⁸⁴ и «внешних» (данники) *смердов*⁵⁸⁵.

Отделив понятия «смерд» и «люди» друг от друга, исследователи все же не пришли к единому мнению. Не претендуя на разрешение этой темной проблемы, все же сделаем попытку наметить основные пути социальной эволюции категории и термина.

На наш взгляд, правильно поступала Е.Д. Романова, когда рассматривала *смердов* и *людей* в сравнительном аспекте. Такой подход, как кажется, способен внести более четкие коррективы в наши представления о социальной сути этих двух социальных категорий. В свою очередь, более четкий ответ на вопрос о характере взаимоотношений *смердов* и *людей* позволит четче очертить контуры общественного строя Древней Руси.

Выяснение социальной сути *смердов* невозможно без обращения к ранним этапам истории славян.

Как уже говорилось, расселение славян по просторам Восточной Европы происходило в тесном взаимодействии с финским и иранским этническими массивами, составлявшими значительный пласт населения Восточной Европы. Интенсивное взаимодействие самих финских и иранских общностей между собой началось задолго до появления славян и к их выходу на историческую арену составляло уже значительный отрезок времени. Этнокультур-

⁵⁸¹ Романова Е.Д. Свободный общинник в Русской Правде // История СССР. 1961. № 4. С. 90.

⁵⁸² Рапов О.М. Была ли вервь ... С. 117.

⁵⁸³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 118 - 123.

⁵⁸⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты ... С. 250 – 251.

⁵⁸⁵ Там же. С. 250 – 251.

ное взаимодействие было обоюдным, но при определяющем значении иранского начала. Контакты происходили во всех сферах жизнедеятельности. Факты этого взаимодействия отчетливо отразились в языке. Например, ряд слов в финно-угорских языках, обозначающих металлы, (сталь, золото, железо), иранского происхождения. Более того, во многие финские языки проникли слова, обозначающие оружие, металлы и орудия труда (к примеру нож, сошник и т.д.), из иранского языка⁵⁸⁶.

По всему видимому, этниконны многих финно-угорских народов восходят к иранскому слову *mart*⁵⁸⁷ - «человек, мужчина» (удмурты, мордва, марийцы, меря, мурома). По-видимому, иранцы называли термином *mart*- близлежащие финские племена⁵⁸⁸. Иранский субстрат глубоко воздействовал и на появившееся славянское население. Влияние проявилось как в области языка, религии, антропологического типа, социально-экономической жизни⁵⁸⁹. Можно говорить о мощном воздействии иранского начала на все стороны славянского общества. Славяне, тесно соприкасаясь с теми и другими, восприняли иранский термин «*mart*-», и, преобразовав его в «*смерд*», стали использовать первоначально для названия финских и иранских общностей.

В пользу такого взгляда может быть истолкованы и топонимические данные. Как справедливо замечает Е.А. Рыдзевская, «ни одно социальное обозначение не дало столь богатого и столь разнообразного по форме производных отражения в топонимике, как слово “*смерд*”»⁵⁹⁰. В древнерусских источниках можно встретить «волость Смерда, деревню Смердяково, деревню Смердыня, Смердьи места, Смердий наволоок, Смердьево озеро, Смердью

⁵⁸⁶ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 206.

⁵⁸⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 309.

⁵⁸⁸ Ничего удивительного в этом нет. Удмуртов, например, татары называют словом «ар», что также означает «человек, муж» (Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов. 1997. С. 14).

⁵⁸⁹ Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 189 – 193 ; Майоров А.В. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб, 2006. С. 102 – 104.

⁵⁹⁰ Рыдзевская Е.А. Слово «*смерд*» в топонимике ... С. 13.

речку»⁵⁹¹. Е.А. Рыдзевская уточняет и добавляет, что «отличаются большим разнообразием форм: простейшие из них Смерди, Смерда, Smiord (название ручья в районе Витебска и польском документе). Далее – наиболее простые производные, как Смердов, Смердово, Смердий, и наконец – такие формы, как Смердовичи, Смердомка, Смердомля, Смердынь, Смерделицы и мн. др.»⁵⁹². Основной чертой этих географических названий стала локальность, которая и «вызвала потребность привязать их к той или иной местности»⁵⁹³. То есть название появляется там, где локализуется некая иноязычная (финская) группа. В целом же география корня *смерд* совпадает с распространением ирано- и финноязычного населения на территории Восточной Европы⁵⁹⁴. С этих позиций вполне объясним и тот факт, что в районе Киева таких топонимов не было обнаружено, так как здесь концентрация славян была довольно сильной.

О *смерде* как неславянине свидетельствует не только топонимика, но и письменные источники. Одно из самых ранних известий, где встречается *смерд* – эпизод борьбы Ярослава со Святополком Окаянным в НПЛ. Под 1016 годом видим: «И абие нача вои свои делите старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривне, а новгородцомъ по 10 гривень всемъ, и отпусти ихъ всехъ домовъ...»⁵⁹⁵. Здесь *смерды* выделяются из состава новгородцев. Можно только предположить, что в число 3000 воев, собранных Ярославом, могли присутствовать и представители неславянских племен.

Под 1071 годом ситуация также не отличается четкостью: «В се же время приключися прити от Святослава дань емлющую Яневи сыну Вышатину, поведаша ему белозерци яко два кудесника избила уже многы жены по Волзе и по Шексне и пришла еста семо. Ян же испытав, чья еста смерда и увидев яко своего князя, пославъ к нимъ иже около ею суть рече имъ выдаите

⁵⁹¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 247.

⁵⁹² Рыдзевская Е.А. Слово «смерд» в топонимике ... С. 13.

⁵⁹³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 247.

⁵⁹⁴ Рыдзевская Е.А. Слово «смерд» в топонимике ... С. 6 – 7.

⁵⁹⁵ ПСРЛ. Т.3. С.175.

вохва та семо яко смерда моя и моего князя, они же сего не послушаша»⁵⁹⁶. В XI в. Белозерье однозначно было многонациональным⁵⁹⁷. И как отмечает ряд ученых, описанные в ПВЛ обычаи очень похожи на мордовские. Аргументы этой группы ученых довольно убедительны и не оставляют сомнений в сильном финском субстрате⁵⁹⁸. Потому *смердов* «по Волъзе и по Шексне» можно вполне отождествить с местным финно-язычным населением.

Неславянское происхождение *смердов* выдают и поздние свидетельства, не раз упоминаемые в исторической литературе. Под 1193 годом в Новгородской первой летописи упоминается поход новгородцев на Югру, которая сама себя окрестила *смердами*⁵⁹⁹. Иноязычное их происхождение выдает еще одно письменное свидетельство под 1240 г.: «Якову сидящоу оу него приидоста Лазорь Домажирець и Иворь Молибожичь, два безаконьника от племени смердья»⁶⁰⁰. Очевидно, что «безаконники» от «племени смердья» являлись выходцами из какой-то иноязычной среды. Возможно поэтому в этой фразе летописца чувствуется некое негативное предубеждение к Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу.

Таким образом, можно подтвердить правоту тех историков, которые отстаивают взгляд на *смерда*, как на представителя иноязычного населения.

Взаимоотношения между финскими и славянскими общностями далеко не всегда были добрососедские, довольно часто происходили столкновения⁶⁰¹. Более успешными в этой борьбе оказывались славяне, часто ставившие финские племена в данническую зависимость. Подчиненные теперь иноязычные окрестные племена усваивали название *смердов*.

⁵⁹⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 175.

⁵⁹⁷ См., например: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы : Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII- XIV вв. СПб., 1999. С. 26 ; Его же. Русская средневековая государственность. СПб., 2008. С. 14.

⁵⁹⁸ Фроянов И.Я. Древняя Русь ... С. 144 – 148. Эти события вообще интересны, так как являют собой довольно редкое явление *смердов* и *людей* в едином контексте.

⁵⁹⁹ ПСРЛ. Т.3. С. 233.

⁶⁰⁰ ПСРЛ. Т.2. Стб. 790.

⁶⁰¹ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси ... С. 289. (литературы прибавь).

Данническая зависимость, по выражению М.Н. Покровского, – «коренной признак» *смерда*⁶⁰². Письменные источники довольно красноречиво свидетельствуют о данничестве *смердов*. В уже упомянутом 1071 г. летописец отчетливо показывает *смердов*, платящих дань. Ян Вышатич, устроивший карательные мероприятия в белозерских лесах, был откомандирован туда князем для сбора дани у *смердов*⁶⁰³. В известии ПВЛ под 1193 г. Югра сама себя, как выразился И.Я. Фроянов, «отрекомендовала» *смердами*-данниками. Берестяная грамота № 724 относимая ко второй половине XII века также свидетельствует о даннических платежах *смердов* в Заволочье: «От Савы покланянее къ братъи и дружине. Оставили мя были людье; да остатъ дани исправити было им до осени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ, Захараья въ вере урокль: “Не даите Саве ни одного песця хотя на нихъ емати. Самъ въ томъ”. А въ томъ ми ся не исправиль въ борзе, ни къ вамъ, ни тути былъ. А в томъ есмь осталъ. По томъ пришли смерди, от Андрея мужъ прияли, и дане отъяли людье...»⁶⁰⁴. На основании приведенного отрывка видно, что *смерды* платят дань. Любопытно то, что *людей* и *смердов* известия грамоты разводят в разные стороны, не отождествляя друг с другом.

Нельзя сказать, конечно, что только лишь иноязычное население платило дань – дань приходилось платить и «своим», восточнославянским племенам. Оппозиция «свой-чужой» работала и здесь. Достаточно вспомнить, хотя бы то, что киевский князь Олег, подчиняя северян, вятичей, радимичей, накладывал на них различную по тяжести дань. Вспоминается и то, что Новгород выплачивал дань «Кыеву две тысяче гривне от года до года»⁶⁰⁵. Трудно, однако, сказать различалась ли принципиально дань у тех и других. Однако, памятуя о том, что общество того времени представляло собой иерархию «князей, общин, территорий и этнических групп»⁶⁰⁶ можно предположить,

⁶⁰² Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. М. 1966. С. 165 – 167.

⁶⁰³ ПСРЛ. Т.1. Стб. 175.

⁶⁰⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 350.

⁶⁰⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 130.

⁶⁰⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность ... С. 564.

что неславянское население подвергалось более жесткому прессингу со стороны русо-полянской этнополитической общности.

В рамки вышеизложенного вполне укладывается тезис И.Я. Фроянова о двух видах дани. Один платился неславянскими племенами, а другой вид дани платился своими же *людьми*, стоящих по рангу ниже, чем полянская община⁶⁰⁷.

Отношения господства-подчинения конечно, не могли не наложить отпечаток на социальный статус изучаемых категорий древнерусского населения. Статус *смердов* и *людей* письменные источники различают довольно четко.

Смерда часто сравнивают с *холопом*. Основанием для такого сравнения является статья 26 КП и 16 ПП. Здесь идет речь о штрафе за убийство *смерда* («А в смерде и в хо[ло]пе 5 гривен»). Это одно из самых темных мест отечественной медиевистики. Раздельное упоминание здесь двух социальных групп отстаивают С.В. Юшков, Б.А. Рыбаков и др.⁶⁰⁸. Принимая это толкование источника, мы, таким образом, уравниваем *смерда* и *холопа*. Однако социальная природа названных категорий отличается довольно сильно⁶⁰⁹.

Думается, что более правильным будет прочтение Археографического списка Краткой редакции «А в смердь и в хо[ло]пе»⁶¹⁰. 16 статья Пространной Правды также подтверждает эту трактовку, где достаточно ясно сказано «а за смердии холопе»⁶¹¹. Нет чего невероятного, в том, что *смерд*, мог также обладать *холопами*.

Однако, точных штрафных сумм, определяющих социальное положение *смерда* мы не видим.

⁶⁰⁷ Фроянов И.Я. Рабство и данничество ... С. 494.

⁶⁰⁸ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 300 ; Рыбаков Б.А. Смерды // История СССР. 1979. №1. С. 50;

⁶⁰⁹ О социальной природе *холопа* см. ниже.

⁶¹⁰ Российское законодательство ... С. 61.

⁶¹¹ Там же. С. 65.

Свой социальный статус *смерд* подкрепляет своим экономическим положением. О его правах в сфере отношений собственности можно судить на основании статей Русской Правды. При чтении Краткой редакции бросается в глаза статья о *смердьем* и княжеском коне (ст. 28 КП)⁶¹². Здесь идет речь о различной охране собственности князя и *смерда*. Дифференцируется ли наказания за нарушения права собственности в соответствии с социальным статусом владельца – этот вопрос не столь важен. Главное, что здесь важно – это наличие в собственности *смерда* коня.

Пространная Правда также указывает на определенную собственность *смерда* (в отличие от *холопа*) – это наследство. Статья 90 ПП затрагивает вопросы наследования, в которой говорится о выморочном наследстве *смерда*, которое после его смерти, при отсутствии наследников-сыновей, будет принадлежать князю⁶¹³.

Берестяная грамота № 247 также позволяет говорить о некоей собственности *смерда*, поскольку речь идет о некоей сумме, которую должен взять у него епископ («А у сего смьрда възяти епископу...»)⁶¹⁴. О наследстве Жизнобуда, новгородского *смерда*, убитого Сычевичами идет речь в грамоте № 607: «Жизнобуде погублене у Сычевиць новгородьске смьрде. А за ними и задьница»⁶¹⁵.

Важный материал, раскрывающий поднятый вопрос, содержится и в летописи. На княжеском съезде в 1103 году в уста Владимира Мономаха вкладывается такая фраза – «дивно имя дружино, оже лошади жалуете, ею же то ореть, а сего чему не промыслите оже то начнеть орати смердь и приехавъ половчинь оударить и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехавъ иметь жену его и дети его, и все его **именье** (выделено нами – А. С.), то лошади жаль, а самого не жаль ли»⁶¹⁶. Приведенный отрывок очень информа-

⁶¹² Российское законодательство ... С. 48.

⁶¹³ Там же. С. 70.

⁶¹⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 239.

⁶¹⁵ Там же. С. 518.

⁶¹⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 277.

тивен. Он подтверждает информацию о наличии лошадей в хозяйстве *смерда*, а также говорит о семье *смерда* и его селе. Наличие «села его» позволяет сделать вывод о собственной социальной организации *смердов*. О контурах собственной социальной организации *смердов* говорит и то, что у *смердов* были свои волхвы.

Отнюдь не бесплатно участвовали *смерды* и в объединенном войске Ярослава против Святополка в 1016 г – и это также косвенно свидетельствует о собственности *смерда*. Показательно и то, что в «старинных переводах слову «смерд» соответствует греческое «ιδιωτης γεωργος», что значит собственник-земледелец»⁶¹⁷.

О достаточно высоком социальном положении *смерда* говорит и юридическая ответственность. Исходя из статей 45 и 46 Пространной Правды, можно сделать заключение об ответственности *смерда* перед законом. В первой говорится: «...Аже за кобылу (60) кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину полгривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун, за жеребя 6 ногат, то ти уроци смердом, оже платят князю продажу»⁶¹⁸. Вторая гласит: «Аже будуть хлопи татие... их князь продажею не казнить, зане суть не свободни»⁶¹⁹. *Холопы* в данном случае за свои поступки не отвечают «зане не свободни суть», в отличие от *смерда*, который платит князю «продажу». Собственность, наличие правоспособности вполне однозначно говорит о личной свободе *смерда*.

Статус *людина*, был выяснен в предыдущей главе, что избавляет от необходимости снова обращаться к этому вопросу.

Напомним только, что статья 1 Краткой Правды говорит о цене за жизнь *людина* в 40 гривен. Статья 3 Пространной Правды также оценивает его жизнь в 40 гривен – «Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не

⁶¹⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 281.

⁶¹⁸ Российское законодательство ... С. 67.

⁶¹⁹ Там же. С. 67.

ищють, то виревную платити, в чьей же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен»⁶²⁰.

В связи с вышесказанным, представляют особую ценность наблюдения Е.Д. Романовой о статусе *смерда*: «Составитель Правды прекрасно разобрался, в связи с какой категорией населения можно было трактовать об охране жизни смерда. И, однако, ни разу не употребил этого термина, когда говорил об охране жизни простолюдина. 1 ст. (обеих редакций) знает целый ряд социальных категорий, статус которых равен статусу свободного: тут и муж (общий термин) и русин, и словенин и даже изгой (выходец из общины). Слово же “смерд” составитель не считал возможным и нужным употребить в этом случае»⁶²¹.

Показателем более низкого статуса *смердов* по отношению к *людям* являются особые их отношения с князем, на что уже давно обратили внимание исследователи. Еще В.Н. Лешков замечал, что *смерды* могут быть лишь у князя, у других землевладельцев – только *холопы* и *закупы*. «Может быть, – предполагал ученый – то были военнопленные, поселенные на землях князя, или казны, как впоследствии в Новгородской земле»⁶²². По мнению В.О. Ключевского РП также «указывает на ближайшее отношение смерда к князю...»⁶²³. Не ускользнуло из поля зрения особое отношение князя к *смердам* и у советских историков. С.В. Юшков устанавливал зависимость *смердов* не только от князя, а вообще от частных лиц⁶²⁴. Летописные данные решали проблему, по мнению С.Н. Чернова, «в смысле подтверждения мысли о связи смердов с княжею организацией и княжеским хозяйством»⁶²⁵. В.В. Мавродин подчеркивает, что «смерды – это те общинники-данники, которые принадлежали князю, с которых собирали всякие „поборы” княжие дружинники, от-

⁶²⁰ Российское законодательство ... С. 64

⁶²¹ Романова Е.Д. Свободный общинник ... С. 81.

⁶²² Лешков В.Н. Русский народ ... С. 156 – 157.

⁶²³ Ключевский В.О. История сословий в России ... С. 45.

⁶²⁴ Юшков С.В. К вопросу о смердах ... С. 50 – 51.

⁶²⁵ Чернов С.Н. О смердах Руси XI – XIII вв // Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М. - Л., 1935. С. 770.

правляясь в полюдь»⁶²⁶. У современных историков также не вызывает сомнения эта тесная связь. По мнению М.Б. Свердлова «смерд находится в «подданстве» и под юрисдикцией «своего» князя»⁶²⁷. Итак, для исследователей, особая связь *смердов* и князя являлась несомненной. Постараемся определить характер этой связи.

Русская Правда отчетливо такую связь прочувствовать. Краткие списки РП устанавливают особую княжескую юрисдикцию над *смердами*. За «мучение» *смерда* без «княжа слова» должно было платиться 3 гривны (ст. 33)⁶²⁸. Согласно ПП *смерды* платят «продажу» князю⁶²⁹. Князь наследует *смерду* в случае отсутствия у последнего наследников: «Аже смерд умереть, то задницю князю, аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не, аже будутъ за мужем, то не даяти часть им» (ст. 90 ПП)⁶³⁰.

Рельефно дополняют эти сведения о *смердах* летописные известия: «В се же время приключися прити от Святослава дань емлющую Яневи сыну Вышатины, поведаша ему белозерци яко два кудесника избила уже многы жены по Вользе и по Шексне и пришла еста семо. Ян же испытав, чья еста смерда и увидев яко своего князя, пославъ к нимъ иже около ею суть рече имъ выдаите волхва, та семо яко смерда моя и моего князя, они же сего не послушаша»⁶³¹. Таким образом, князь регулировал отношения внутри общин *смердов*.

В первую очередь, в таком положении дел была заинтересована славянская община *людей* (преимущественно, русо-полянская) в лице князя и его окружения. Не случайно, Ян Вышатич мимолетом роняет фразу: «выдаите волхва, та семо яко **смерда моя** (выделено нами – А.С.) и моего князя»⁶³². Ян Вышатич этой фразой распространяет на *смердов* и свою власть.

⁶²⁶ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства ... С. 164 – 165.

⁶²⁷ Свердлов М.Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси ... С. 69.

⁶²⁸ Российское законодательство ... С. 48.

⁶²⁹ Там же. С. 67.

⁶³⁰ Там же. С. 70.

⁶³¹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 175.

⁶³² Там же. Стб. 175.

Полученные выводы вполне сближают социальную категорию *смердов* с *меропхами* Законника Стефана Душана, также являвшимися «инородным» телом в обществе южных славян⁶³³.

На сегодняшний момент можно признать, что под *смердами* скрывается достаточно многочисленная категория населения. История взаимоотношений *смердов* и *людей* – это, прежде всего, история взаимоотношений между славянской общностью и остальными иноязычным населением⁶³⁴. *Люди* и *смерды* различаются своим происхождением, социальным статусом, правовым положением, местом в социально-политическом пространстве Руси. Легко обнаруживается особая юрисдикция князя (точнее, определенной славянской общины) над *смердами*.

Однако, у *смердов*, как и у *людей*, существует своя социальная организация. Ее наличие не позволяет отождествить *смердов*, ни с рабами, ни с пленниками, посаженными на землю. Их место в социальной системе домонгольской Руси определяло и их минимальную политическую роль.

§2. Люди и челядь

Социальная сущность челяди. Две стороны взаимоотношения людей и челяди.

Своей собственной социальной организации не было у другой группы неполноправного населения Киевской Руси – *челяди*.

Относительно социальной сущности *челяди* большинство историков на протяжении двух с половиной высказывались довольно единодушно. По их мнению, слово *челядь* обозначало рабов⁶³⁵. Существует, правда, и более широкое толкование. Б.Д. Греков, например, видел в *челяди* «совокупность работающего на вотчинника населения»⁶³⁶. Он говорил, что «челядь» обнима-

⁶³³ Васильев С.В. Свободные общинники ... С. 16 -17.

⁶³⁴ В дальнейшем *смердами* могли становиться и восточнославянские племена.

⁶³⁵ Подробная историография: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии // Фроянов И.Я. Начала русской истории. СПб., 2001. С. 113 – 148.

⁶³⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 211.

ет собой разновидность барской дворни, вышедшей из патриархальной familia... »⁶³⁷. В понятие «челядь», по его мнению, входили следующие «ингредиенты»: рабы, рядовичи и зависимые смерды⁶³⁸.

Такая широкая трактовка бытует и в настоящее время. Современный историк А.Н. Поляков, характеризуя *холопов* и *челядь*, писал о них: «скорее всего, мы имеем дело не с разными категориями рабов, а разными названиями одной и той же рабской категории населения»⁶³⁹.

Отличной на *челядь* была точка зрения ленинградского историка И.Я. Фроянова. Проанализировав довольно широкий круг источников, он отождествил *челядь* с рабами-пленниками⁶⁴⁰.

При рассмотрении взаимоотношений *людей* и *челяди* нужно, пожалуй, сказать о двух точках их соприкосновения. *Люди* (в особенности их высший слой) выступали как субъект права собственности по отношению к *челяди*. Другими словами, *людин* для *челяди* выступал как *господин*.

Об этом свидетельствует, в частности, статья⁶⁴¹ 4 договора 944: «аще ли кто от людии цесарства нашего, [и]ли от града нашего, или от инех град ускочить челядин нашъ к вам, и принесеть что, да въспятять и опять а еже что принесл, будеть все цело, да възмутъ от него золотника два [имечнаго]»⁶⁴². Очевидно, что здесь *людин* «цесарства», «града» и «инех град» есть владелец *челядина*. Под *людином* в данном случае понимался византиец, и статья отражала византийские реалии. Тем не менее, сделано это было сквозь призму древнерусского социального мироощущения.

Челядь для *людина* была собственностью, которую покупают и продают. Наличие *челяди* в *людском* хозяйстве, понималось как нечто само собой разумеющееся. Об этом, в частности свидетельствуют некоторые статьи дого-

⁶³⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 226.

⁶³⁸ Там же. С. 226.

⁶³⁹ Поляков А.Н. Зависимое население в Древней Руси // Вестник ОГУ. №9. 2006. С. 146.

⁶⁴⁰ Фроянов И.Я. Рабство и данничество ... С. 104 – 156.

⁶⁴¹ Нумерация дается по изданию: ПРП. Вып. 1.

⁶⁴² ПРП. Вып. 1. С. 32.

вора Руси с греками от 911 года. Статья 12, например, говорит: «аще украден будет челядин рускийи или ускочить, или по нужи продан будеть...»⁶⁴³.

Представляя собой ценность, *челядь* становилась желаемым объектом вожделения для многих похитителей, о чем уже намекала предыдущая статья. О краже *челяди* повествуют и другие статьи Краткой правды (ст. 11, 16 КП)⁶⁴⁴ и Пространной правды (ст. 38)⁶⁴⁵.

Стоимость *челядина* варьировалась в зависимости от рыночной конъюнктуры: «аще полоняник обою страны держим есть или от Руси, или от грек, продан в ину страну, ци обрящеться [и]ли русин [и]ли гречин, да [искупить и] възвратять искупное лице в свою страну, и възмутъ цену его купящии, или мнисья в куплю на д[е]нь челядина цена»⁶⁴⁶. Таким образом, торговля *челядью* – «самое заурядное явление»⁶⁴⁷.

Челядь выступает и в качестве подарка. Князь Игорь «утвердив» очередной мир с греками одаривает послов последних: «скорое и челядью и воскомъ»⁶⁴⁸. Хотя предложенный отрывок имеет отношение к князьям, однако, думается, что практика дарения *челяди* распространялась и на *людей*. *Челядь* рассматривалась в качестве вещи, не случайно при перечислении подарков она стоит рядом с мехами, воском и проч.

Все предложенные социальные признаки вполне свидетельствуют о рабской природе *челядина*⁶⁴⁹. *Челядь* стоит в одном ряду со скотиной, дети *челя-*

⁶⁴³ ПРП. Вып. 1. С. 9.

⁶⁴⁴ Российское законодательство ... С. 47.

⁶⁴⁵ Там же. С. 71.

⁶⁴⁶ ПРП. Вып. 1. С. 8.

⁶⁴⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 216.

⁶⁴⁸ ПСРЛ. Т.1. Стб. 54 ; подобные примеры: ПСРЛ. Т.1. Стб. 62.

⁶⁴⁹ Под рабством понимаем «форму зависимости, при которой непосредственные производители – рабы не только лишены средств производства, но и сами являются собственностью своих господ-рабовладельцев, эксплуатирующих их путем неэкономического принуждения» (Социально-экономические отношения и соционормативная культура ... С. 159.)

ди именуется «плод»⁶⁵⁰. Она отличается от скота, только лишь тем, что обладает даром речи⁶⁵¹.

Статья 16 привносит еще отдельные штрихи к социальному облику *челяди*: ее массовость. По основной мысли этой статьи, третье лицо, купившее беглого или краденого раба, должно временно отдать под залог своего *челядина*, и далее продолжать розыски. Обращает на себя, тот факт, что легко можно было продать краденого невольника, что косвенно указывает на распространенность этого явления. Обращает на себя внимание и то, что у любого третьего добросовестного покупателя предполагается наличие *челядина*, которого он может отдать в залог.

Как убедительно показал И.Я. Фроянов, источником *челядинства* был «полон»⁶⁵². По мнению ученого, *челядин*, не просто раб, а раб-пленник, что недвусмысленно подтверждается источниками. *Челядинами* могли стать представители неславянских племен. Этот факт прекрасно демонстрируют договоры Руси с греками.

Другая сторона взаимоотношений *людей* и *челяди* заключается в том, что во время неудачных боевых действий *люди* сами могли стать добычей более удачливого соперника, т.е. стать *челядью*.

В *челядинство* могли попасть и «свои», представители восточнославянских племен. Иллюстрацией может служить сообщение о нападении на Минск Владимира Мономаха, который не оставил в этом городе «ни челядина, ни скотины»⁶⁵³. Разумеется, жителями Минска до нападения черниговцев и половцев являлись *люди*, «меняне». *Челядью* эти *люди* стали, уже находясь во мономаховом «полоне».

Далее, в «Поучении Владимира Мономаха» есть еще один эпизод, помогающий пролить свет на взаимоотношения *людей* и *челяди*: «и потом к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заял и Бог ны поможе, и створи

⁶⁵⁰ Российское законодательство ... С. 71.

⁶⁵¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 219.

⁶⁵² Там же. С. 215 – 217 ; Его же. Рабство и данничество ... С. 104 – 156.

⁶⁵³ ПСРЛ. Т.1. Стб. 248.

свое мышленное»⁶⁵⁴. Вполне возможно, что тех *людей*, которых «заял» Глеб можно назвать *челядью*⁶⁵⁵. Хотя более вероятно, что не всех *людей* он обратил в *челядинов*. Скорее всего, князь Глеб поступил точно так же, как в свое время поступила княгиня Ольга, когда победила непокорных древлян. Старейшин Ольга «изънима»⁶⁵⁶. «Прочих» же *людей* «овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань и възложиша на ня тяжьку»⁶⁵⁷. Тех *людей*, которых предали «работе» и есть та самая *челядь*. Т.е. *люди* отнюдь не были застрахованы от пополнения рядов *челяди*.

Судьба *челядина*, однако, не была столь однозначной. При благоприятном стечении обстоятельств он мог снова стать свободным. Невольник, не смирившийся со своей участью использовал малейшую возможность для побега. Он мог «ускочить» (ст. 11 договора Руси с греками от 911, ст. 4 договора Руси с греками от 944) либо скрыться (ст. 32 ПП)⁶⁵⁸.

Челядин, мог получить свободу и «легально». В 1043 году, согласно летописи, Ярослав выдал свою сестру за польского короля Казимира. По этому случаю «вдасть Казимиръ за вено людии восемьсот»⁶⁵⁹. Этими людьми, были пленники, захваченные еще в свое время Болеславом Храбрым. Без сомнения, *люди* в польском «полоне» были *челядью* (по крайней мере, в глазах летописца). Пленники возвратили свой статус *людина*, как только вернулись обратно. Не исключалось, вероятно, и освобождение по доброй воле *господина*.

Трудно, конечно, судить каким становилось социальное положение после приобретения свободы. Но можно предположить, что заново приобретаемый статус зависел и от прежнего состояния. Как мы уже видели, при возвращении *людина* к «своим», его статус восстанавливался. Чужеземец, веро-

⁶⁵⁴ ПСРЛ. Т.1. Стб. 250.

⁶⁵⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 220; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 220; Поляков А.Н. Зависимое население ... С. 146.

⁶⁵⁶ В ИЛ вместо «изънима» стоит «ижъже». – ПСРЛ. Т.2. Стб. 48.

⁶⁵⁷ ПСРЛ. Т.1. Стб. 59.

⁶⁵⁸ Российское законодательство ... С. 66.

⁶⁵⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 155.

ятно, меняя свое положение, наделялся более широкими правами, переходил, например, из разряда *челяди* в разряд *холопов*. Но сложно сказать, становился ли он *людином*.

Таким образом, во взаимоотношениях *людей с челядью* (являвшимися рабами-пленниками) прослеживается две стороны. Во-первых, *людин* являлся владельцем (*господином*) *челяди*. Вторая сторона заключается в том, что при неблагоприятном исходе военного конфликта *людин*, сам мог стать *челядином*. Статус *челядина* не всегда был постоянным, он мог снова стать свободным.

§3. Люди и холопы

Социальная сущность холопа. Источники холопства. Статус холопа в древнерусском обществе. Сущность рядовича.

Изучение *челяди* всегда сопрягалось с изучением другого не менее важного термина, также обозначающего раба – со словом «холоп». Многие исследователи считают, что эти термины обозначают одну и ту же категорию зависимого населения⁶⁶⁰. Довольно большая группа историков различает *холопов* и *челядь* полностью либо частично⁶⁶¹.

В основе последнего взгляда лежат данные РП, которая *челядь*, никогда не смешивала с другой социальной категорией – *холопами*⁶⁶².

Как и *челядин*, *холоп* являлся безусловной собственностью своего *господина* – *людина*. За холопа не надо платить виру: «а в холопе и рабе виру нетуть»⁶⁶³. *Холопа* могут побить (ст. 17 КП), купить и соответственно продать

⁶⁶⁰ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен и до конца XV вв). М., 1973. С. 64, 74 – 75 ; Поляков А.Н. Зависимое население ... С. 146 и др.

⁶⁶¹ См. : Смирнов И.И. Очерки социально-экономических... С. 103 – 106 ; Зимин А.А. Холопы Древней Руси ... С. 58 ; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 62 – 63 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 215 – 233 ; Его же. Рабство и данничество ... С. 155 – 156, 257.

⁶⁶² Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 213 ; Смирнов И.И. Очерки социально-экономических ... С. 103 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 227 ; Поляков А.Н. Зависимое население в Древней Руси ... С. 143

⁶⁶³ Российское законодательство ... С. 89.

(ст. 118 ПП), связать (ст. 114 ПП), поймать (ст. 113 ПП) и даже убить (ст. 89 ПП).

Есть, однако, некоторые факты, свидетельствующие об отличиях его от *челядина*. Широко известно, что право выступать свидетелем есть неотъемлемое право *людина*. Статья 66 ПП указывает на возможность свидетельствования со стороны боярских тиунов, являющихся *холопами*: «а послушства на холопа не складають; но оже не будеть свободного, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа»⁶⁶⁴. Сформулированная фраза статьи 85 ПП «будеть ли послух холоп» уже говорит о фактах «холопией» свидетельской практики.

Любопытно, что в социальной практике учитывались и клеветнические показания *холопов*, что также отличает их от *челяди*, у которой таких прерогатив не было. Так, согласно Новгородской Первой летописи в 1055 г «клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудикы, изиде из Новгорода и иде Киеву, о осуди митрополит Ефрим, и пребысть тамо 3 лета»⁶⁶⁵.

Холоп совершал с санкции *господина* определенные торговые операции (ст. 116, 117 ПП), что также является показателем его статуса. Любопытно и то, что в случае бегства *холоп* мог иметь какие-то средства, для того чтобы купить какой-либо товар (ст. 119).

Владение *холопами* возлагает на *господина-людина* и некоторую ответственность за действия своего невольника (ст. 117, 119, 120, 121 ПП). *Господин* в случае надобности может встать на защиту *холопа* (ст. 17 КП).

Такие отличия в положении *челяди* и *холопов* вызывались, по мнению И.Я. Фроянова, различным происхождением этих социальных категорий⁶⁶⁶.

Пути похолопления ПП рисует следующие: продажа человека при свидетелях («оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставити, а ногату

⁶⁶⁴ Российское законодательство С. 69.

⁶⁶⁵ ПСРЛ. Т.3. С. 183.

⁶⁶⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 229.

дать перед самым холопом»⁶⁶⁷), женитьба на рабе без договора («поймать робу без ряду, поймать ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же и стоять»⁶⁶⁸), а также тиунство без предварительного договора «а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжеть ключ к себе без ряду»⁶⁶⁹.

Статья 56 ПП свидетельствует, что *закуп*, сбежавший от *господина*, также становился *холопом* («аже закуп бежить от господы»)⁶⁷⁰. Согласно статье 64 ПП *закуп*, попавшийся на краже, также становился *холопом*⁶⁷¹. Утратить личную свободу, став *холопом*, мог и несостоятельный купец (ст. 54 и 55 ПП)⁶⁷².

Таким образом, в отличие от *челядина*, являющимся рабом-пленником, *холоп* являлся продуктом внутриобщественного развития⁶⁷³.

Послабления в рабской судьбе *холопа* заключались на наш взгляд еще и в том, что *холоп* полностью не оторвался от родственных уз, связывающих его с родственным коллективом.

Берестяная грамота № 421, относящаяся к 20 – 30 годам XI века, подтверждает это положение: «От Братяте къ Нежилу. Поиди, сыну, домовь – свободне еси. Паки ли не идеши, а послу на тя ябьтъникъ. Я заплаطيعь 20 гривнь, а ты свободнь»⁶⁷⁴. По версии А.А. Зализняка, случай запечатленный в грамоте состоит в следующем: «По-видимому, Нежил совершил преступление и скрылся; штраф за него пришлось заплатить его отцу. Согласно Русской Правде, штраф в 20 гривен («полувирье») взыскивался за отсечение у кого-либо руки или ноги, за ослепление человека, за убийство жены. Сомневаясь в том, что сын захочет вернуться, Братята грозитя послать за ним су-

⁶⁶⁷ Российское законодательство... С. 73. С.В. Юшков считает, что здесь речь идет о самопродаже. См. : Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 317.

⁶⁶⁸ Российское законодательство ... С. 73.

⁶⁶⁹ Там же. С. 73.

⁶⁷⁰ Там же. С. 68.

⁶⁷¹ Там же. С. 68.

⁶⁷² Там же. С. 68.

⁶⁷³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты... С. 232.

⁶⁷⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 293.

дебного исполнителя»⁶⁷⁵. На наш взгляд, трактовка, предложенная А.А. Зализняком, не объясняет суть казуса. Во-первых, здесь нигде не говорится ни о штрафе, ни о «полувирье». Сама фраза «а ты свободнь» никак не увязывается со «скрывшимся» плательщиком штрафа. Возникает вопрос – от кого должен быть освобожден сын? Непонятно и почему вместо того, чтобы схватить Нежила ябедник, посылается для того, чтобы привести сына домой (т.е., таким образом, действуя в интересах отца и сына).

Думается, что здесь речь идет не о «скрывшемся» сыне-преступнике, а о сыне, отданном ранее отцом в *холопство*. После оплаты 20 гривен Нежил, сын Братяты, стал свободен («поиди, сыну, домовь – свободне еси»). Ябедник, был нужен для того, чтобы привести Нежила домой, в случае сопротивления этому прежнего *господина*.

За спиной женившегося на рабе «без ряду», и ставшего после этого *холопом*, также стояли родственники. Неразорванные родственные связи вполне можно предположить были и у несостоятельного «похолопленного» купца.

Холопы в Киевской Руси могли принадлежать *людям* различного статуса. Об этом говорит, например, статья 42 ПП: «Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, за не суть не свободни...»⁶⁷⁶. Т.е. владельцами *холопов* могли быть, как князья, так и *бояре* (т.е. высший слой *людей*) и монахи (не монастыри!)⁶⁷⁷. Могли *холопы* принадлежать и *смерду* (ст. 16 ПП)⁶⁷⁸. Само собой разумеющееся, что холопами владели и *простые люди* (даже у *смерда* мог быть свой *холоп*).

В силу принадлежности к различным общностям *холопы* обладали различным социальным статусом. Например, «смердий» *холоп* оценивался в 5

⁶⁷⁵ Берестяные грамоты // БЛДР. Т.4. С. 682.

⁶⁷⁶ Российское законодательство ... С. 67.

⁶⁷⁷ Уходя в монастырь, *людин* мог взять с собой в услужение *холопов*. Так сделал, например, новгородский епископ Лука, взявший с собой *холопа*: «клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудикы» - ПСРЛ. Т.3. С. 183.

⁶⁷⁸ Российское законодательство ... С. 65.

гривен, в то время как княжеский отрок, конюх или повар, являвшимися княжескими *холопами*, оценивались в 40 гривен⁶⁷⁹.

Статус *холопа* зависел и от его «профессиональной» квалификации и от должности, которую занимал. В ПП, в том случае, если *холоп* был кормильцем, то за него платился штраф в 12 гривен⁶⁸⁰. Цена за жизнь в 12 гривен была и в том случае, если *холоп* был ремесленником. Точно такой же штраф платился за сельского тиуна или ратайного⁶⁸¹. За тиуна «огнищного» или «конюшего» штрафные санкции были предусмотрены в 80 гривен⁶⁸². Скорее всего, был высок статус *холопа*, пущенного в «торг»⁶⁸³.

Таким образом, *холоп*, также был рабом, но в отличие от *челядина* был «продуктом внутриобщественного развития»⁶⁸⁴. Источником *холопства* служил свой восточнославянский социум. В силу этого обстоятельства, социальное положение *холопа* выше, чем *челядина*. На более высокое положение *холопа* влиял и тот факт, что за его спиной в большинстве случаев стоял его родственный коллектив.

Как следует из письменных памятников, *людин*, маркирующийся как *господин*, есть владелец *холопов*, в то же время он являлся и *господином* для своих домочадцев. В зависимости от социального статуса *людина*, различался и статус *холопов*. Ранг *холопов* различался и от его «профессиональной» принадлежности. В лихую годину *людин* мог отдать в *холопы* своих родственников или стать *холопом* сам.

Одним из видов рабов был и *рядович*.

Загадочность *рядовичей* во многом обусловлена, прежде всего, скудостью источников, говорящих об этой социальной категории. По справедливости

⁶⁷⁹ Российское законодательство. С. 65.

⁶⁸⁰ Там же. С. 65.

⁶⁸¹ Там же. С. 65.

⁶⁸² Там же. С. 65.

⁶⁸³ Там же. С. 72.

⁶⁸⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 232.

вому замечанию И.Я. Фроянова «бедны до крайности известия о них, темна и маловыразительна их история»⁶⁸⁵.

Сущность *рядовича* Б.Д. Грекову представлялась, в том, что *рядович* не раб, а феодально-зависимый, поступивший в услужение к господину через ряд – договор⁶⁸⁶. С.В. Юшков под *рядовичами* подразумевал мелких хозяйственных агентов феодала – помощников тиуна⁶⁸⁷. И.Я. Фроянов в целом присоединился к С.В. Юшкову и к «тем авторам, которые видели в рядовичах младших агентов хозяйственного и административного управления князей и бояр»⁶⁸⁸. По мнению ученого, «основная масса, рядовичей происходила из рабов»⁶⁸⁹.

Существует давняя историографическая традиция объяснять значение термина «рядович» через понятие «ряд». И.Я. Фроянов предложил привлечь для разрешения «тайны рядовича» значение «порядок». По его мнению, это толкование делает понятным известное предостережение Даниила Заточника: «Не имей себе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тиун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры: аще огня устережешися, но от искор не можеши устеречися...»⁶⁹⁰. Согласно этой фразы, *рядович* – человек, который должен был следить за порядком в хозяйстве *господина* – князя. Владельцем *рядовича* мог быть еще и *боярин*: «а за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск»⁶⁹¹.

Стоимость в 5 гривен сближает *рядовича* с *холопом*, который, как известно, являлся рабом. Сближает с рабом *рядовича* и тот факт, что в ПП он упомянут в одном контексте с другими княжескими категориями рабов.

Нет сомнений, что *рядович* рекрутировался из восточнославянского социума. Трудно представить, чтобы *рядович* был представителем иноэтнично-

⁶⁸⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 285.

⁶⁸⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 251.

⁶⁸⁷ Юшков С.В. Очерки по истории ... С. 131.

⁶⁸⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 287.

⁶⁸⁹ Там же. С. 287.

⁶⁹⁰ Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т.4. С. 276.

⁶⁹¹ Российское законодательство ... С. 65.

го общества. *Господин* делал *рядовичами* «своих», гораздо лучше разбирающихся в тонкостях социально-экономических отношений восточнославянского хозяйства. Путь *людина* в *рядовичи* пролегал рядом с дорогой в *холопы*.

§ 4. Люди и закупы.

Сущность закупа. Источники закупничества.

Еще одной категорией населения ограниченной в правах, появившейся на Руси в XI веке, были *закупы*. *Закупы* вызывают споры исследователей не меньше, чем *челядь* и *холопы*, но мнения о них различаются не так сильно.

Дореволюционные историки пытались объяснить положение *закупов* в древнерусском обществе путем сопоставления с «близкими социальными понятиями Московского времени или эпохи Империи»⁶⁹². По мнению С.М. Соловьева *закуп* был «работником, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую он, как видно, получал вперед, в виде займа»⁶⁹³. Сторонником взгляда на *закупа* как на наемного рабочего был и В.И. Сергеевич⁶⁹⁴.

Советские историки смотрели на *закупов* сквозь призму феодальных отношений. С.В. Юшков видел в закупе человека феодально-зависимого, и даже крепостного, попавшего в кабалу за долги⁶⁹⁵. Б.Д. Греков увидел в *закупах* разновидность *рядовичей*, входивших в состав барской *челяди* (*рядович*, по его мнению, – это попавшие в феодальную зависимость по договору). И.Я. Фроянов придерживается иной точки зрения. Он считал *закупов* полурабами и не связывал их существование с развитием феодализма на Руси⁶⁹⁶. М.Б. Свердлов видел в *закупах* категорию людей, попавших в зависимость через

⁶⁹² Поляков А.Н. Зависимое население ... С. 146.

⁶⁹³ Соловьев С.М. История России ... С. 211.

⁶⁹⁴ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.1. С. 165.

⁶⁹⁵ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 277.

⁶⁹⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 266.

ссуду – «купу», которую они должны были отработать в хозяйстве господина⁶⁹⁷.

Сущность *закупа* современному исследователю А.Н. Полякову виделась ни рабской, ни полурабской. *Закупный* найм, по мнению исследователя, был тяжелой формой зависимости, сравнимой иногда с рабской⁶⁹⁸.

Объем письменных источников содержащих слово «закуп» невелик. В летописях этот термин не встречается⁶⁹⁹. Основной объем материала о *закупничестве* возможно почерпнуть лишь из Пространной Правды.

Характерной чертой *закупа* является его зависимость от *господина*. *Закуп* живет в его доме или при *господском* хозяйстве. Он пользуется *господским* инвентарем при работе (ст. 57 ПП)⁷⁰⁰. У *господина* есть право наказывать *закупа* за вину (ст. 62 ПП). Степень же виновности *закупа* целиком определял сам хозяин («про дело»). Если он осмелится убежать от *господина*, то непременно становится *холопом* («аже закуп бежить от господы, то обель») ⁷⁰¹.

Господин ответственен за действия своего *закупа*. Например, если *закуп* у кого-нибудь уведет коня или возьмет товар, то ответственность за кражу, совершенную *закупом*, падает на *господина* (ст. 64 ПП). Все это говорит о статусе *закупа*, близком к рабскому.

Однако есть у *закупа* черты, сближающие его со свободным человеком. *Закуп* может, заплатив «купу», снова стать свободным. *Господин* не мог произвольно изменять соглашения с *закупом*, т.е. нельзя было менять размер *купы* и отнимать землю у *закупа*, если он был ролейный (ст. 59 ПП). *Господин* не мог продавать *закупа* в *холопы*, если он делал это, то *закуп* освобождался от своих обязательств (ст. 61 ПП). В случае, если *господин* бьет *закупа* «не

⁶⁹⁷ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества ... С. 173.

⁶⁹⁸ Поляков А.Н. Зависимое население ... С. 148.

⁶⁹⁹ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде ... С. 206.

⁷⁰⁰ Российское законодательство ... С. 68.

⁷⁰¹ Там же. С. 68.

смысла пьян, без вины», то платит ему как свободному *людину*⁷⁰². *Закуп* обладает некоторой правоспособностью: он сам отвечает за убытки, причиненные его действиями нанимателю (ст. 57, 58 ПП).

Отношения между *закупом* и *господином* прекращались лишь в случае выполнения условий *закупничества*, т.е. если *закуп* возвращал ему «купу». Для этого он мог временно уйти от хозяина «искати кун» (ст. 56 ПП). Временно уйти он мог и для того, чтобы пожаловаться на *господина* (ст. 56 ПП).

Чем же обусловлено столь двойственное положение *закупа*?

По всему видимому дело в генезисе самого института *закупничества*. Довольно существенные штрихи к социальному портрету *закупа* в связи с этим дает статья 61, отождествляя *закупа* с *наймитом*: «продать ли господин *закупа* обель, то наймиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже». Таким образом, *закуп* связывается с понятием «найм», трактуемом историками по-разному. Совершенно справедливо высказался по этому поводу Б.Д. Греков, заметив, что «самый термин ‘найм’ необходимо понимать так, как его понимали современники ‘Правды’, а не так как понимаем его мы»⁷⁰³. Объясняя этот термин, сам Б.Д. Греков обратил внимание, что в XII веке этот термин встречается в смысле «лихвы», т.е. процентов, наряду с наймом в нашем смысле. В таком значении слово «найм» можно обнаружить в «Вопрошании Кириковом», «Поучении» новгородского епископа Илии, «Поучении, избранном от всех книг»⁷⁰⁴. Однако, сам советский исследователь предпочитал говорить о найме, как о «задатке», т.е. той сумме денег, которую *закуп* получил от своего *господина* при вступлении в зависимое состояние⁷⁰⁵.

И.Я. Фроянов расшифровывая слово «наймит», приводит эпизод из «16 слов Григория Богослова»: «И закуп бысть Еорий преже убо продав свои закон наймит (наемник) бысть пища ради». По мнению ленинградского учено-

⁷⁰² Российское законодательство ... С. 68.

⁷⁰³ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 258.

⁷⁰⁴ Там же. С. 259.

⁷⁰⁵ Там же. С. 261.

го, переводчик греческого прототипа на древнерусский язык «службу в закупках связывал с поисками пропитания, намекая на крайнюю нужду, претерпеваемую будущим закупом»⁷⁰⁶. Отсюда И.Я. Фроянов выводил «людской резерв закупничества – “люмпен-пролетариат” на русской почве»⁷⁰⁷. Другими словами, *закупом* мог стать свободный человек, «крестьянин-общинник», уже предварительно разорившийся и деградировавший до «деклассированного положения, откуда ищет выход и находит его в закупничестве»⁷⁰⁸.

О крайней нужде свидетельствует и тот факт, что будущий *закуп* приходил на хозяйский двор, не имея ни коня, ни орудий труда (ст. 57 ПП). Лишены были *закупы* и земли⁷⁰⁹.

Итак, *закуп* являлся тем лицом, которое в силу хозяйственной необеспеченности, а иногда и «пища ради» было вынуждено наниматься к *господину* за определенную плату (найм). Т.е. в основе *закупничества* лежали долговые отношения. Однако, природа таких отношений напоминала рабские. Очевидно, это хорошо понималось современниками – не случайно греческое слово «*semidulos*» («полураб») переводилось как «закуп»⁷¹⁰. Примечательна в этом отношении статья 56 ПП, сближающая *закупа* и *холопа*: «Аже закуп бежить от господы, то обель»⁷¹¹. Получается тогда, тот *закуп*, который не убежал есть «необельный» *холоп*. С.В. Юшков вполне резонно в связи с этим замечал: «Почему-то не сказано (в рассматриваемой статье – А.С.) “Оже закуп бежить от господы, то холоп”. Или “Продасть ли господин *закупа* обель, то наймиту свобода во всех кунах”. Почему-то не сказано: “Продасть ли господин *закупа* в холопы”»⁷¹².

⁷⁰⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 255.

⁷⁰⁷ Там же. С. 255.

⁷⁰⁸ Там же. С. 255.

⁷⁰⁹ Там же. С. 253.

⁷¹⁰ Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 282.

⁷¹¹ Российское законодательство ... С. 68.

⁷¹² Юшков С.В. Общественно-политический строй ... С. 281.

Источником такой необеспеченности *людина* было первоначальное разорение его хозяйства, вызванное социальными и природными катаклизмами (война, неурожай, болезни и т.д.).

Вторым источником экономической несостоятельности можно еще назвать и *изгойство*, которое было промежуточным статусом *людина* перед его инкорпорацией в новый родственный коллектив (семью, *вервь*).

§ 5. Люди и изгои

Сущность изгоев. Источники изгойства.

Об *изгоях*, к сожалению, сохранились лишь редкие и противоречивые упоминания в источниках, что и породило обширную историографию этой проблемы.

На выяснение вопроса об *изгоях* потрачено немало усилий в исторической литературе. Сложность его заключается в противоречивости показаний различных источников. М.А. Дьяконов характеризовал *изгоев* как зависимых⁷¹³. По мнению Б.Д. Грекова, *изгои* делились на городских, считавшихся свободными, и для которых была характерна вира в 40 гривен, а также деревенских: вольноотпущенников, посаженных на господскую землю⁷¹⁴. Ленинградский историк И.Я. Фроянов усматривал в *изгоях* свободных и зависимых⁷¹⁵.

Традиционно историки на начальном этапе изучения *изгоев* обращают внимание на этимологию этого слова. Судя по всему, это слово восходит к глаголу «гоить», что значит «жить», «давать жить», «устроить», «приютить» «ухаживать»⁷¹⁶. Отсюда *изгой* – «изжитый», т.е. выпавший из своей социальной среды⁷¹⁷. Этой средой первоначально был родственный коллектив, из которого в силу каких-либо причин человек был вынужден выйти из коллекти-

⁷¹³ Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 97 - 98.

⁷¹⁴ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 314 – 322.

⁷¹⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 279.

⁷¹⁶ Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М., 1910 – 1914. С. 138 ; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.2. С. 427.

⁷¹⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 269.

ва. В рассматриваемый период источники пополнения *изгоев* демонстрирует нам следующий отрывок из Устава новгородского князя Всеволода о церковных судах: «А се церковнии люди ... изгойи трои: поповъ сынъ грамоты не уметь, холопъ из холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, аще князь осиротеетъ»⁷¹⁸. Эта фраза несколько смущала историков, поскольку довольно сильно расширяла круг допустимых значений. Судя по ней состав *изгойства* сложен: много путей вело в это состояние. Помимо указанных есть и «сугубо умозрительная» – пополнение контингента *изгоев* за счет *людинов*, выпавших из общины⁷¹⁹.

Как мы уже говорили, на этом этапе развития вне группы себя индивид представить не мог. И потому самым естественным образом, как только человек выпадал из группы – попадал под влияние другой. В Киевской Руси роль этих групп выполняли родственные коллективы. Затем роль приемных групп стали выполнять княжеское окружение (*княжеская дружина*) и церковь.

В период этого социального одиночества, когда он был «изжит» из одного коллектива, но еще не поступил в другой, он и был этим самым *изгоем*. Потому следует согласиться с А.Н. Поляковым в том, что *изгойи* «не слой населения, занимающий определенное место в социально-экономической системе, а воплощение процесса выпадения отдельных личностей из своего социального окружения, происходившего время от времени»⁷²⁰.

Очевидно, что *изгой* не входил в другую родственную группу на равноправных началах, а занимал низшее положение в иерархии нового коллектива, ограничиваясь в правах. Он входил в новую жизнь на условиях данного родственного коллектива и *господина*, этот коллектив олицетворяющего, и, таким образом, превращался в *закупа* или *холопа*.

⁷¹⁸ ДКУ ... С. 157.

⁷¹⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 278.

⁷²⁰ Поляков А.Н. К вопросу об изгоях // Вестник ОГУ. 2006. №10. С. 193.

В момент, когда он был *изгоем*, его жизнь оценивалась в 40 гривен. Наряду с *изгоем*, напомним, 40 гривен платилось за убийство *мечника, словенина, русина*. Статья 3 ПП за *людина* также платит 40 гривен.

Свидетельствует ли этот факт о равном социальном статусе *людина* и *изгоя*? Думается, что здесь ответ отрицательный. Равенство цены за жизнь отнюдь не всегда соответствует равному социальному статусу, о чем уже предупреждал Б.Д. Греков⁷²¹. Ведь нельзя приравнивать по статусу боярского тиуна (ст.1. ПП), являвшимся, по сути, рабом и свободного *людина* лишь на основании равных штрафных санкций.

Людин по своему социальному статусу стоял гораздо выше, чем *изгой*, который потенциально являлся *закупом* или *холопом* как в родственном коллективе, так и в церковной организации или в княжеском хозяйстве. Т.е. *изгойство* было переходной ступенью *людина* из свободного состояния *закупничества* или *холопство*.

Завершая разговор о неполноправных категориях (*челяди, холопа, рядовича, закупа*) восточнославянского общества X – XII вв., хотелось бы обратить внимание на патриархальный характер зависимости.

Отчасти говорит об этом сама терминология: термины *челядь* и *холоп* являются возрастными. Слово «челядь», известное всем славянским языкам, обозначало сначала «поколение, потомство рода; дети как члены рода; большая семья, дети»⁷²². Возрастное значение этого слова можно обнаружить и далее главным образом на основании диалектной лексики⁷²³. Сербь и болгары до сих пор этим словом называют семью. Для поляков *челядь* – домочадцы⁷²⁴. Значения слова «холоп» также позволяет вести речь о возрастной группе⁷²⁵.

⁷²¹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 251.

⁷²² Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 235 ; Колесов В.В. Мир человека ... С. 160.

⁷²³ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет» ... С. 234.

⁷²⁴ Колесов В.В. Мир человека ... С. 161.

⁷²⁵ Там же. С. 166.

Патриархальный характер зависимости прослеживается и в письменных источниках. В первую очередь бросается в глаза уже хрестоматийный пример из жизни Феодосия Печерского, иллюстрирующий патриархальность по отношению к рабам. После смерти отца, в 13 лет «начать на труды паче подвижьней бывати, якоже исходити ему с рабы на село и делати съ всякимь съмерениемь»⁷²⁶.

В «Поучении к простой чади» имеется отрывок, говорящий о довольно теплых чувствах раба по отношению к своему *господину*: «Да бы когда варило милосердие Божие и мертви възкреснуть, и Богъ въ техъ прославится, но который рабъ в истину любить свой господинъ, видя и бе-ществуема, ни во что же менима, не болезнуеть ли сердцем? И аще иного ничтоже не может творити, но обаче покажетъ свой успехъ, яко не терпеть зрети только приобидения и бесславья своего господина?»⁷²⁷. Слова пастыря позволяют сделать заключение не о единичности такого «болезнования» раба к *господину*. Правда, древнерусское «Поучение к простой чади» относится к концу XII века, но тогда тем более эти порядки можно отнести и к временам более ранним. Таким же более поздним документом является и «Слово Даниила Заточника», где говорится, что «князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим»⁷²⁸. Потому мнение исследователей, придающее рабству патриархальный характер, кажется справедливым⁷²⁹.

⁷²⁶ Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т.1.С. 356.

⁷²⁷ Поучения к простой чади // БЛДР. Т.4. С. 287.

⁷²⁸ Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т.4. С. 276.

⁷²⁹ Юшков С.В. Общественно-политический строй... С. 89 ; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты ... С. 288 – 291.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование, суммируем сказанное.

Источники (в первую очередь археологические) позволяют сделать вывод о том, что доминирующим типом семьи в славянском обществе в VI – VII вв. была большая семья, носившая патриархальный характер. Большие семьи входили в большесемейную общину (т.е. в общину, состоящую из больших семей) согласно старшинству. Социальные связи, бытовавшие в большесемейной общине, являвшейся патронимией, были кровнородственными. Несомненно, что такая община-патронимия носила название *вервь*. Наряду с этим названием община маркировалась и как *дружина*. Археологически *вервь-дружина* нашла отражение в форме гнезд-поселений. Большесемейная община была основной социально-экономической ячейкой славянского социума VI – VII вв. Надобщинных славянских центров в этот период еще не сложилось. Временные союзы не имели прочной экономической базы и быстро распадались.

Новая экономическая база начинает формироваться в VIII – IX вв. Изменения материальной базы коснулись, прежде всего, земледелия и животноводства. Хозяйственные сдвиги повлекли некоторые изменения и в социальных отношениях. Преобразования затронули как семейную организацию, так и общинную. Происходит процесс некоторого обособления отдельных больших семей в гнезде общине, которое в свою очередь приводит к неравномерности социального положения общин. Важной чертой развития низовых звеньев социальной организации славянского общества было появление малых семей, нашедших археологическое отражение в виде миниатюрных селищ. На этот период падает формирование новой системы связей между племенами. Временные союзы становятся постоянными и перерождаются в «племенные княжения».

Таким образом, структуру восточнославянского общества накануне образования Киевской Руси, можно представить в виде нескольких концентри-

ческих кругов: большой семьи; большесемейной общины (*верви*); группы общин, объединенных под управлением одного старейшины (вождя племени), и самого широкого круга, включающего в себя три предыдущих, – союз племен. Такая строго иерархичная система организации общества была характерна не только для восточных славян в VIII – IX вв, она носила универсальный характер. Доминантой общественных отношений в этот период являлись кровнородственные связи, простиравшиеся на все уровни социальной структуры восточных славян.

Применительно к ранней восточнославянской истории можно выделить два важнейших значения термина «люди»: *люди* как половозрастное понятие, отражавшее группу младших мужчин в низовых социальных структурах (семье); и *люди* как социовозрастное обозначение довольно пестрой, неоднородной в социальном отношении массы полноправных общинников в славянского общества. Последнее значение становится основным (оно стало предметом нашего дальнейшего рассмотрения), хотя оба эти социальных смысла сосуществуют – их можно легко обнаружить в письменных источниках и в последующем. Важнейшей социальной особенностью *людина* явилась его «неотдифференцированность» от коллектива, его поглощенность родственными отношениями.

Особенность социальной структуры наложила свой отпечаток на вооруженные силы. *Княжеская дружина* не была инородным телом в социальном организме восточных славян и возглавляла в случае военных действий подчиненную ей совокупность *дружин (полк)*. В зависимости от цели военного мероприятия (набега или масштабного нашествия, оборонительных действий) участвовало различное количество *людей*, становясь в этом случае *воями*.

Таким образом, в ранней восточнославянской истории образуется два значения слова «люди». Но, основным становится обозначение полноправного мужского населения, т.е. в первую очередь, глав семей.

В X – первой трети XII вв. на Руси сосуществовали две формы семьи, (малая и большая) при доминирующем положении последней. *Людин*, являясь полноправным членом восточнославянского социума времен Киевской Руси, в древнерусской семье представлял собой домохозяина, маркирующегося как *господин*. В семье царила строгая иерархия, и *господин / людин* являлся полновластным главой, определяя всю внутреннюю и внешнюю жизнедеятельность этого микросоциального коллектива.

Очевидно, что древнерусская семья (как большая, так и малая) несмотря на крупные хозяйственные успехи вряд ли составляла экономически независимую единицу – без поддержки родственников выжить было трудно. Такой экономически независимой единицей была *вервь*. Она и составляла основную ячейку восточнославянского общества в X – первой трети XII вв.

Вервь предстает самоуправляющимся коллективом людей, тесно связанных взаимопомощью и коллективной ответственностью за поступки своих членов. Этот коллектив был основан, прежде всего, на кровнородственных отношениях. *Вервь*, являясь коллективным земельным собственником, обладала правами на выгоны, леса, водоемы. Полноправным членом *верви*, несомненно, был *людин*, ситуативно маркирующийся и как *муж*. *Вервь* определяла основные направления жизнедеятельности *людина / мужа* в восточнославянском социуме.

Как составная часть *вервь* входила в более сложные организации – *миры*. Территориально *мир* представлял собой поселение больше чем *вервь*. *Вервь*, включенная в *мир*, занимала какой-то определенный участок села. Из *мира*, представляющим собой соседскую организацию, вырастал город.

Основной структурной ячейкой городской общины также выступала *вервь*. Полноправное городское население различного ранга носило название *люди*, статус которых в целом был выше, чем статус сельских *людей*.

В силу различных обстоятельств социальный статус городских *вервей* (как и сельских) отличался, но нельзя сказать, что эта разница носила принципиальный характер.

Из массы *вервей простых людей* в социальной системе города X – XI вв. выделялись *верви нарочитых мужей / людей*. Именно они являлись авторитетнейшими представителями туземного нобилитета, несвязанного с киевской княжеской администрацией. Важнейшую роль играли *лучшие мужи / люди*, обладавшие различными функциями, в первую очередь, дипломатическими.

Различия социального статуса *вервей*, помимо старшинства, обуславливались и социальным составом самой *верви*. Родственные коллективы знати, находясь на более высокой ступени городской иерархии, объединяли в себе гораздо больше членов. Но не все члены знатных *вервей* были родственниками по «крови». Значительная часть родственного коллектива знати была неполноправна. К таковым нужно относить категории, которые привычно называют зависимыми (*закупов, холопов, челядь* и др.), не являющихся кровными родственниками, оказавшиеся в *верви* знати в силу различных обстоятельств: плена, «ряда» и др. С течением времени количественные показатели в таких *вервях* неизменно перерастали в качественные. Такого типа *верви* выступали локомотивом новых отношений – внутри знатных *вервей* постепенно стали закрадываться клиентские отношения. Отражением названного процесса является и появление новых терминов для обозначения этих категорий населения (*закупы, рядовичи*). В летописях и в некоторых других источниках чаще всего их можно обнаружить, например, под словом «чадь». Это объясняется тем, что социальная терминология облекалась еще в социовозрастные одежды.

Контингент зависимого населения в *верви простых людей* был менее многочисленным, а, следовательно, крепче были родовые устои, царившие в такой *верви*.

Городская община представляла собой совокупность населения, предполагающую систему иерархичных социальных связей. Ярким примером иерархичных связей является существование такого властного органа, как городской общины – *думы*, а также, военной организации, представляющей собой конгломерат иерархически выстроенных *дружин*.

Дума, как и *вече*, была важнейшим властным институтом, игравшим довольно большую роль в восточнославянском обществе. Инвариантная часть *думы* состояла из ближайшего княжеского окружения. В вариативную часть *думы* в зависимости от внешних условий могли входить *тысяцкие*, *нарочитые люди*, первые лица церковной организации, лица иностранного происхождения. Публичная власть в древнерусском городе выражалась, прежде всего, в главенстве одних родственных групп над другими.

Военная организация копировала контуры общественного устройства славян и, как и ранее, представляла собой конгломерат иерархически выстроенных *дружин*. Во главе этой совокупности восточнославянских *дружин* стояла старшая – *княжеская дружина*, с довольно пестрым внутренним социальным составом.

Термин «вои», отнюдь не был социально окрашен, на чем настаивали некоторые исследователи. *Воями*, т.е. воинами, могли быть различные слои населения: *люди*, *смерды*, дружинники князя, представители других народов. Словом, обозначающим народное ополчение, был термин «полк». Основопологающим стержнем военной организации являлся принцип старшинства, пронизывающий всю военную организацию восточных славян.

Рассмотрение *людей* через призму взаимоотношений с другими группами древнерусского населения позволило лучше очертить их социальные контуры.

На сегодняшний момент можно признать, что под *смердами* скрывается достаточно многочисленная категория населения. История взаимоотношений *смердов* и *людей* – это, прежде всего, история взаимоотношений между

славянской общностью и иноязычным населением, попавшим в орбиту влияния восточнославянского социума. *Люди* и *смерды* различаются своим происхождением, социальным статусом, правовым положением, местом в военной структуре.

Однако, есть особенности, сближающие эти две категории, у *смердов*, как и у *людей*, существует своя социальная организация – община. Ее наличие не позволяет отождествить *смердов*, ни с рабами, ни с пленниками, посаженными на землю. Их место в социальной системе домонгольской Руси определяло и их минимальную политическую роль.

Взаимоотношения *людей* и представителей других неполноправных групп древнерусского населения складывались на основе господства-подчинения.

Во взаимосвязях *людей* с *челядью* (являвшимися рабами-пленниками) прослеживается две стороны. Во-первых, *людин* являлся владельцем (*господином*) *челяди*. Вторая сторона заключается в том, что при неблагоприятном исходе военного конфликта *людин*, сам мог стать *челядином*.

Холоп, также был рабом, но в отличие от *челядина* был «продуктом внутриобщественного развития». Источником *холопства* служил свой восточнославянский социум. В силу этого обстоятельства, социальное положение *холопа* выше, чем *челядина*. На более высокое положение *холопа* влиял и тот факт, что за его спиной в большинстве случаев стоял его родственник коллектив. *Людин*, маркирующийся как *господин*, есть владелец *холопов*. В зависимости от социального статуса *людина*, различался и статус *холопов*. Социальный ранг *холопов* во многом зависел и от его «профессиональной» принадлежности. В лихую годину *людин* мог отдать в *холопы* своих родственников или стать *холопом* сам.

Рядович, являвшийся рабом, рекрутировался из восточнославянского социума. Трудно представить, чтобы *рядович* был представителем иноэтничного общества. *Господин* делал *рядовичами* «своих», гораздо лучше разби-

рающихся в тонкостях социально-экономических отношений восточнославянского хозяйства. Потому, можно говорить, что путь *людина* в *рядовичи* пролегал рядом с дорогой в *холопы*.

Закуп являлся тем лицом, которое в силу хозяйственной необеспеченности, а иногда и «пища ради» было вынуждено наниматься к *господину* за определенную плату (найм). Т.е. в основе *закупничества* лежали долговые отношения. Однако, природа таких отношений напоминала рабские. Несомненно, что источником необеспеченности *людина* было первоначальное разорение его хозяйства, вызванное социальными и природными катаклизмами (война, неурожай, болезни и т.д.).

Вторым источником экономической несостоятельности можно еще назвать и *изгойство*, которое было промежуточным статусом *людина* перед его инкорпорацией в новый родственный коллектив (семью, *вервь*), уже на других основаниях.

На этом этапе развития индивид не мог себя представить вне группы. И потому как только он выпадал из группы – попадал под влияние другой. В Киевской Руси такими группами были родственные коллективы. Наряду с родственными коллективами в некоторых случаях принять нового члена могла *княжеская дружина* или церковь. В период социального одиночества, когда *людин* был «изжит» из одного коллектива, но еще не поступил в другой, он и был *изгоем*. Несмотря на равные санкции за жизнь *людин* по своему социальному статусу стоял гораздо выше, чем *изгой*, который потенциально являлся *закупом* или *холопом* как в родственном коллективе, так и в церковной организации или в княжеском хозяйстве. Поэтому *изгой* стоял особняком в социальной системе Древней Руси.

Итак, в X – начале XII вв. термин «люди» также, как и ранее, отражал пестрый состав индивидов, в который, наряду с рядовой массой свободных общинников, входили *бояре, нарочитые люди, лучшие люди* и др. Свободными им позволяла оставаться своя собственная социальная организация –

кровнородственная община (*вервь*), являющейся надежной опорой во взаимоотношениях с внешним миром. Существующая градация среди *людей* не позволяет говорить о принципиальной разнотипности социальных организаций знати и *простых людей*. Социальные связи между общинами строились на основе иерархии, которая отразилась и в военной организации, и во властных институтах. Отношения господства-подчинения распространялись на сферу взаимоотношений с представителями большинства неполноправных категорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Диакон Лев. История / под ред. Г.Г. Литаврина. – М. : Наука, 1988. – 240 с.

Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. - СПб. : Наука, 2004. - С. 352 – 433.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. I – VI вв. Т. 1. - М., 1994. - С. 98 – 160.

Ипатьевская летопись // ПРСЛ. Т. 2. 2- изд. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.

Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4. СПб. : Наука, 2004. - С. 296 – 499.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / А.П. Ковалевский. – Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1956. – 164 с.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. - М. : Языки русской культуры, 2001. - 496 с.

Менандр Протектор // Свод древнейших письменных известий о славянах. I – VI вв. Т. 1. - М., 1994. - С. 311 – 356.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. - М. : Языки русской культуры, 2000 – 692 с.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 728 с.

Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. С.В. Юшкова.– М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 287 с.

Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. XI – XII века. - СПб. : Наука, 1997 - С. 456-475.

Память и похвала князю русскому Владимиру // БЛДР. Т. 1. - СПб. : Наука, 2004. - С. 316-327.

Правда Русская. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. Т. 2. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1947. - 862 с.

Правда Русская. Тексты / под ред. Б.Д. Грекова. Т. 1. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1940. - 505 с.

Прокопий Кесарийский. История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах. I – VI вв. Т. 1. - М., 1994. - С. 182 – 185.

Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. - СПб. : Наука, 2007. - С. 667.

Поучения к простой чади // БЛДР. Т. 4. СПб. : Наука, 2004. - С. 283 – 291.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу 1131 – 1153 / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М. : Глав. Ред. вост. Лит., 1971. – 136 с.

Российское законодательство X - XX вв. : В 9 т. Законодательство Древней Руси. Т.1. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1984. – 430 с.

Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. Т. 1. СПб. : Наука, 2004. - С. 328-352.

Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т. 4. СПб. : Наука, 2004. - С. 268 – 283.

Слово о законе и благодати митрополита Илариона // БЛДР. Т.1. - СПб. : Наука, 2004. - С.26-61.

Смоленские грамоты кафедральной церкви Богородицы // Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. / сост. Я.Н. Щапов. – М., Наука, 1976. – С. 140 – 146.

Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. – М. : Языки русской культуры, 2000. – I – VIII, 312 с.

«Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. - 2-е изд. - М. 1994. – С. 364 – 394.

Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. / сост. Я.Н. Щапов - М., 1976. - С. 13 – 84.

Устав князя Ярослава о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы XI - XV вв. / сост. Я.Н. Щапов - М., 1976. - С. 86-91.

Феофилакт Симокатта // Свод древнейших письменных известий о славянах. - М. : Восточная литература, 1995. Т.2. – С. 10 – 65.

Чудеса св. Дмитрия Солунского // Свод древнейших письменных сведений о славянах. VII – IX вв. - М., 1995. Т.2. - С. 132 – 133.

Литература:

Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ - М., 1979. - Т. 103. - С. 270 – 272.

Амельченко В.В. Дружины Древней Руси. / В.В. Амельченко. – М. : Воениздат, 1992. – 144 с.

Андреев В.Ф. О социальном составе Новгородского вече / В.Ф. Андреев // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. – М. : Луч, 1988. – С. 70 – 79.

Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине / О.Ю. Артемова - М. : Наука, 1987. – 197 с.

Артемова О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. // Ранние формы социальной стратификации. – М. : Восточная литература, 1993. – С. 40 – 70.

Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации. -М. : Восточная литература, 1993. - С. 73 - 93.

Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / И.Д. Беляев - М. : Ун. Тип., 1960. - 326 с.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история / К.Н. Бестужев-Рюмин. - Спб. : Типография А. Траншеля. - С. 482.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков / В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев - Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 150 с.

Васильев М.А. Анты и словене: этногенетические и раннеэтноисторические процессы в славяноязычном мире в первой половине – середине I тыс. н.э. // Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М. : Индрик, 1999. – 328 с.

Васильев С.В. Свободные общинники по восточнославянским и южнославянским памятникам права: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. - СПб., 2003.- 31 с.

Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. / Т.Л. Вилкул. – М. : Квадрига, 2009. – 408 с. – (Исторические исследования)

Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов / В.Е. Владыкин, Л.С. Христолюбова. – Ижевск : Удмуртия, 1997. – 245 с.

Гиренко Н.М. К вопросу о соотношении линий семейно-родственных и общинных структур / Н.М. Гиренко // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. – СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2000. – С. 79 – 92.

Гиренко Н.М. Племя и государство: проблемы эволюции / Н.М. Гиренко // Ранние формы социальной стратификации. – М. : Восточная литература, 1993. – С. 122 – 132.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р.Д. Голдина. - Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. – 464 с.

Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси) / А.А. Горский. – М. : «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. – 124 с.

Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства / А.А. Горский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 366 с.

Горский А.А. «Славинии» раннего Средневековья: как складывались государства у славян // Родина. - 2001. - №9. - С. 22 – 28.

Горемыкина В.И. Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси. // История СССР, 1973. - № 5. – С. 128 – 145.

Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология / Ю. Гранберг // Древнейшие государства Восточной Европы : Политические институты Древней Руси. – М. : Восточная литература, 2006. – С. 3 – 163.

Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М. : Учпедгиз, 1949. – 510 с.

Греков Б.Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 671 с.- (Историческая библиотека)

Гуревич А.Я. Индивид и общество в варварских государствах / А.Я. Гуревич // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. - М. : Наука, 1968 – С. 384 – 424.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. / И.Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 399 с.

Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. / Л.В. Данилова. – М. : Наука, 1994. – С. 318.

Дмитриев Л.А. Сказание о Борисе и Глебе. Комментарии // БЛДР. Т.1. – СПб. : Наука, 2004 – С. 528 – 531.

Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси: XI – XIII вв. / В.П. Даркевич // Культура славян и Русь. – М. : Наука, 1999. – С. 93 – 143.

Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X - XIII) // Вопросы истории. – 1994 - №10 – С. 43 – 60.

Дегтярев В.И. О происхождении слова *люд* / В.И. Дегтярев // Этимология. 1979. - М.,1981. - С. 85 – 92.

Довженок В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси // ВИ. – 1950 . - №8. – С. 75.

Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. / В.В. Долгов. – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с. – (Загадки и коды Древней Руси)

Долгов В.В. Храбры Древней Руси. Русские дружины в бою / В.В. Долгов, М.А. Савинов. – М. : Яуза : Эксмо, 2010. – 384 с.

Древнерусские письменные источники. X – XIII вв. / под ред. Членкорреспондента АН СССР Я.Н. Щапова. – М. : Издательство «Круг», 1991. – 80 с.

Зимин А.А. Правда Русская / А.А. Зимин. – М. : Древлехранилище, 1999. – С. 424.

Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) / А.А. Зимин. – М. : Наука, 1973. – 391 с.

Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *selovekъ* ‘человек’// Этимология, 1973. – М.1975. – С. 17 – 23.

История первобытного общества. Эпоха классового образования / под ред. Ю.В. Бромлея. – М. : Наука, 1988. – 568 с.

История СССР с древнейших времен до наших дней : в 12 т. / под ред. С.А. Плетневой и Б.А. Рыбакова. Т.1.- М. : Наука, 1966. – 719 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. - М. : Изд-во РГГУ, 2004. - 702 с.

Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки: Структура и функции / К.П. Калиновская - М. : Наука, 1976. – 173 с.

Камалов К.М. Древнерусское вече в отечественной историографии XVIII – XX вв. / К.М. Камалов. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский Государственный университет», 2005. – 174 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского : В 4 кн. / сост. А.М. Кузнецов. Кн. 1. – М. : Рипол-Классик, 1998. – 559 с.

Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси / В.О. Ключевский. 3-е изд. – М. : Синодальная типография, 1902. – 547 с.

Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций / В.О. Ключевский. – Мн. : Харвест, 2004. – 2008 с. – (Историческая библиотека)

Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. Т.1. Курс русской истории / под ред. В.Л. Янина. - М. : Мысль, 1987. - 430 с.

Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. - М., 1982. – 335 с.

Конецкий В.Я. К изучению социальных структур (семьи и общины) у славян Приильменя в эпоху образования Древнерусского государства. // Вестник Новгородского государственного университета. – 1998. - №4 – С. 50 – 55.

Коновалов А.А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания // Советская археология. – 1966 - №2 – С. 61 – 74.

Коротаев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. –

IV в. н.э.) / А.В. Коротаев // Ранние формы социальной стратификации. – М. : Восточная литература, 1993. – С. 295 – 320.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия / М.О. Косвен. - М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 219 с.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность / Н.Ф. Котляр. - СПб. : Алетейя, 1998. – 443 с.

Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России / под ред. Б.Д. Грекова. – М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1937 – 487 с.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии / Н.Н. Крадин. – Алматы : Дайк – Пресс, 2007 – 415 с.

Кривошеев Ю.В. Александр Невский : эпоха и память : исторические очерки / Ю.В. Кривошеев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. – 240 с.

Кривошеев Ю.В. Князь, бояре и городская община северо-восточной Руси в XII – начале XIII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. – М. : Луч, 1988. – С. 111 – 123.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы : Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII- XIV вв. / отв. ред. И.Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 408 с.

Кривошеев Ю.В. Русская средневековая государственность / Ю.В. Кривошеев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 132 с.

Кривошеев Ю.В. Языческая обрядность и социальная борьба в верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая этнография. межвуз. сб. - Вып. III. – С. 124 – 131.

Куза А.В. Малые города Древней Руси / отв. ред. О.В. Медынцева. – М. : Наука, 1989. – 169 с.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания / А.Г. Кузьмин. - М. : Изд-во МГУ, 1977. – 394 с.

Кулланда С.В. Праязыковые этимоны и историко-социологические реконструкции / С.В. Кулланда // Ранние формы социальной стратификации. – М. : Восточная литература, 1993. – С. 275 – 294.

Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму) : Учеб. пособие для студ. ист. фак. вузов. - М. : Высш. шк., 1984. – 207 с.

Леонтович Ф.И. О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругой // ЖМНП. - 1867. - апрель. – С. 1 – 19.

Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века / В.Н. Лешков. – М. : Унив. тип., 1858. – 613 с.

Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской земли / отв. ред. Б.А. Рыбаков. - Л. : Наука, 1967. – 198 с.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - начало XII.). / Г.Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 398 с. – (Византийская библиотека)

Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) / Г.Г. Литаврин // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. Сб. ст. - СПб. : Алетейя, 1999. – С. 527 – 538.

Лихачев Д.С. Поучение Владимира Мономаха. Комментарии // БЛДР. Т.1. – СПб. : Наука, 2004. – С. 538 – 542.

Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. - М. : Индрик, 2004. – С. 70 – 130.

Лукин П.В. Древнерусские «вои»/ IX – начало XII вв. / Отв. ред. А.А. Горский // Средневековая Русь. Вып. 5. - М. : Индрик, 2005 - С. 5 – 59.

Лукин П.В. Киевляне XI века в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзебургского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. - № 4 (14). – С. 94 – 99.

Лукин П.В. О социальном составе новгородского веча XII – XIII вв. по летописным данным / П.В. Лукин // Древнейшие государства Восточной Европы : Политические институты Древней Руси. – М. : Восточная литература, 2006. – С. 164 – 209.

Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) / П.В. Лукин // Средневековая Русь. Вып. 8. – М. : Индрик, 2009. – С. 217 – 243.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. / отв. ред. Д.С. Лихачев. - Л. : Наука, 1976. – 283 с.

Львов А.С. Лексика «Повести временных лет» / А.С. Львов. – М. : Наука, 1975. – 367 с.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Ист.-археол. очерки / И.И. Ляпушкин. – Л. : Наука, 1968. – 192 с.

Мавродин В.В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства) / В.В. Мавродин. - М. : Госполитиздат, 1946. – 311 с.

Мавродин В.В. Народные восстания в древней Руси X – XIII вв. / В.В. Мавродин. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 118 с.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства / В.В. Мавродин – Л. : Изд. Ленин. ун – та, 1945. – 432 с.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Учебное пособие. – М. : Издательство «Высшая школа», 1971 – 192 с.

Мавродин В.В. Образование единого русского государства / В.В. Мавродин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1951. – 328 с.

Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство : пособие для учителей / В.В. Мавродин. – М. : Учпедгиз, 1956. – 264 с.

Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Общественный строй Киевской Руси / В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов // Советская историография Киевской Руси. - Л. : Наука, 1978. – С. 85-118.

Магнер Г.И. От дым меч. Историческая основа легенды о Полян-ской дани хазарам / Г.И. Магнер // Средневековая и новая Россия. Сб. на-учных ст. К 60–летию профессора И.Я. Фроянова. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1996. – С. 189 – 195.

Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и город-ская община. – СПб. : Университетская книга, 2001. – С. 639.

Майоров А.В. Великая Хорватия : этногенез и ранняя история сла-вян Прикарпатского региона / А. В. Майоров. – СПб. : Изд-во С-Петербур-ун-та, 2006. – 208 с.

Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики / О.В. Мартышин. – М. : Россий-ское право, 1992. – 384 с.

Милов Л.В. Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава / Л.В. Милов // Культура славян и Русь. – М. : Наука, 1999. – С. 196 – 203.

Молдаван А.М. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Комментарии // БЛДР. Т. 1. – СПб. : Наука, 2004. - С. 480.

Молчанов А.А. О социальной структуре Новгорода начала XI в. / А.А. Молчанов // Вестник Московского университета. – 1976. - №2. – С. 92 – 94.

Муравьева Л.Л. летописание северо-восточной Руси конца XIII – начала XV века / отв. ред. Б.А. Рыбаков. - М. : Наука, 1983. – 215 с.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. Очерки и исследования / отв. ред. Б.А. Рыбаков. - М. : Наука, 1969. – 556 с.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь / А.Н. Насонов. – СПб. : Наука, 2006. – 412 с.

Омельянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX – XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. - Тамбов, 2009. - 22 с.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 1988. – 694 с.

Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // А.П. Новосельцев и др. - Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965. - С. 11 – 127.

Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада) / А.В. Петров. - СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 352 с.

Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. / А.В. Петров // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. – М. : Луч, 1988. – С. 25 – 70.

Петров В.П. Подсечное земледелие / В.П. Петров. - Киев : Наукова думка, 1968. – 226 с.

Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб Древнего Новгорода / М.И. Петров, А.Н. Сорокин // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. – Новгород, 1997.– С. 54 – 66.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. / В.Я. Петрухин. – Смоленск: Русич; М. : Гнозис, 1995. – 320 с. – (Русичи)

Петрухин В.Я. Очерки истории народов России в древности и в раннем Средневековье / В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. – 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Знак, 2004. – 416 с. – (Studia historica)

Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. - 1979. - № 4. – С. 100 – 112.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платнов. – М. : Высш. школа, 1993. – 735 с. – (Историческое наследие)

Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы : в 2 ч. / С.Ф. Платонов. – Петроград : Типография Я. Башмакова и К°, 1917. – 526 с.

Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII – XIII вв. / Н.Л. Подвигина. – М. : Высшая школа, 1976. – 152 с.

Покровский С.А. Общественный строй древнерусского государства // Труды Всесоюзн. заочн. юрид. ин-та. - М. 1970. Т. 14. – С. 5 – 175.

Поляков А.Н. Древнейшие русские города и начало цивилизации // Вестник ОГУ. – 2007. - № 4 – С. 21 – 27.

Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: вопросы социальной мобильности // ВИ. – 2009. - № 9. – С. 65 – 80.

Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя // ВИ – 2007.- №3. – С. 50 – 69.

Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // ВИ. – 2006. - № 9. – С. 67 – 84.

Поляков А.Н. Дружина в Древней Руси // Вестник ОГУ. – 2010. - № 2. – С. 41 – 46.

Поляков А.Н. Зависимое население в Древней Руси // Вестник ОГУ. – 2006 - №9 – С. 143 – 150.

Поляков А.Н. К вопросу об изгоях // Вестник ОГУ. – 2006 - №10 – С. 191 – 193.

Поляков А.Н. Община как форма социальной организации // Вестник ОГУ. – 2004. - № 6 – С. 17 – 20.

Попов В.А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в паразолитейных обществах (на материале доко-

лониальных аканов) // Ранние формы социальной стратификации. – М. : Восточная литература, 1993. – С.132 – 144.

Попов В.А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации / В.А. Попов // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. -СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2000. – С. 17 – 24.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. / А.Г. Преображенский. – М. : ГИС, 1959. – 1284 с.

Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории / отв. ред. В.И. Буганов. – М. : Наука, 1993. – 636 с. – (Памятники исторической мысли)

Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. / подгот. к печ. В.Г. Вовиной. - СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 280 с.

Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты / В.В. Пузанов. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. – 624 с.

Пузанов В.В. Качественные характеристики «великокняжеской» и «племенной» элиты IX – X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический фактор // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., Ижевск, 24-25 окт., 2006 г. / отв. ред. В. В. Пузанов. - Ижевск : Ист. фак. УдГУ, 2007. - Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. - С. 91-107.

Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X – XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX вв. / В.В. Пузанов. – Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1995. – 194 с.

Пузанов В.В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси / В.В. Пузанов // История России: Народ и власть. - СПб. : Лань, 1997. – С. 49-94.

Пузанов В.В. О вечевых собраниях на Руси в X веке // Государство и общество. - 1999. - №1. - С . 13-20.

Пузанов В.В. О феодализме в России // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. – 1999. - № 3 – 4. – С. 187 – 218.

Пузанов В.В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII - начало XII вв) : автореф. дис. ... докт. истор. наук. – Ижевск, 2009. – 45 с.

Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси / Н.Л. Пушкарева. – М. : Мысль, 1998. – 286 с. – (Библ. сер.)

Пчелов Е.А. Генеалогия древнерусских князей: IX – XI века / Отв. ред. О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2001. – 262 с.

Рапов Ю.М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // СЭ - 1969 - №3 – С. 106 – 117.

Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения / Н.А. Рожков. Ч.1. - М. : Издание И.К. Шамова, 1905. – 172 с.

Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: основы социальной динамики : в 12 т / Н.А. Рожков. Т.1. - Пг. : Книга, 1919. – 518 с.

Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки. Издание второе. – М. – Л. : Наука, 1966 - 240 с.

Романова Е.Д. Свободный общинник в «Русской Правде» // История СССР – 1961 - №4 – С. 76 – 90.

Рукавишников А.В. Древнерусская знать домонгольского периода. (Историко-терминологическое исследование): дис. ... канд. истор. наук. - М., 2004. – 176 с.

Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. Культура пражского типа / И.П. Русанова. - М. : Наука, 1976 – 216 с.

Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой, В.А. Тишкова. - М. : Аст : Олимп, 2008. – 748 с.

Рыбаков Б.А. Первые века русской истории / Б.А. Рыбаков. - М. : Наука, 1964. – 240 с.

Рыбаков Б.А. Предпосылки образования Древнерусского государства / Б.А. Рыбаков // Очерки по истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III – IX вв. - М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 947 с.

Рыбаков Б.А. Смерды // История СССР. - 1979. - №1. – С. 41 – 58.

Рыдзевская Е.А. Слово «смерд» в топонимике / Проблемы источниковедения. Сб. 2. – М.; Л, 1936. – с. 13.

Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. - М. : Наука, 1982. – 327 с.

Седов В.В. Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне : Материалы симпозиума, посвященные 1500-летию Киева Мн. : Наука и техника, 1983. – С. 51 – 54.

Седов В.В. Славяне в древности / В.В. Седов. – М. : Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994. – 344 с. – (Славяне в древности и в средневековье)

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. / В.В. Седов - М. : Языки славянской культуры, 2002. – 622 с.

Седов В.В. Этногенез ранних славян / В.В. Седов // Вестник Российской Академии наук. Т.73. – 2003. - №7. – С. 594 – 605.

Сергеевич В.И. Древности русского права : в 3 тт. Т.1. Территория и население / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. – 542 с. – (Серия «Русское юридическое наследие»)

Сергеевич В.И. Древности русского права : в 3 тт. Т.2. Вече и князь. Советники князя / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. – 542 с. – (Серия «Русское юридическое наследие»)

Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. – 488 с. – (Серия «Русское юридическое наследие»)

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. / М.Б. Свердлов. – Л. : Наука, 1983. – 238 с.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси первой трети XIII в. – СПб. : Академический проект, 2003. – 736 с.

Свердлов М.Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI – XIII вв. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – 96 с.

Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – С. 330.

Соколова Л.В. Слово Даниила Заточника. Комментарии // БЛДР. Т. 4. - СПб. : Наука, 2004. - С. 635 – 636.

Социально-экономические отношения и соционормативная культура : Свод этнографических понятий и терминов / под. ред. А.И. Першица и Д. Трайде. - М. : Наука, 1986. – 238 с.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Археология СССР / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. - М. : Наука, 1993.

Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте / отв. ред. Э.И. Зеленина. – М. : Наука, 1984. – 271 с.

Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII - XIII веков. – М.–Л. : Издательство Академии наук СССР, 1963 – 364 с.

Соколова В.К. Русские исторические предания / В.К. Соколова. – М. : Наука, 1970. – 288 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1. // Сочинения : в 18 кн. / под ред. Н.А. Иванова. – М. : Голос, 1993 – 752 с.

Срезневский И.И. Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. Т.2. – СПб. : Типография императорской Академии наук, 1902. – 1802 стб.

Стефанович П.С. «Дружина» в древнейшем русском летописании / П.С. Стефанович // Средневековая Русь. Вып. 8. – М. : Индрик, 2009. – С. 6 – 51.

Творогов О.В. Житие Феодосия Печерского. Комментарии // БЛДР. Т.1. – СПб. : Наука, 2004. – С. 531 – 534

Тимошук Б.А. Восточнославянская община в VI – XI вв. н.э. / Отв. ред. С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1990. – 184 с.

Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам / Б.А. Тимошук. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 261 с.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М. : Госполитиздат, 1956. – 477 с.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI – XIII вв. – М. : Госполитиздат, 1955. – 279 с.

Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. / М.Н. Тихомиров. – М. : Издательство Московского университета, 1953. – 192 с.

Толочко П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко. – Киев : Наукова думка, 1989. – 256 с.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / Предисл. Г. А. Богатовой-Трубачевой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : КомКнига, 2006. — 240 с. - (Лингвистическое наследие XX века.)

Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город (историко-методологический сборник) - М. : Изд-во МГУ, 1976 – С. 17 – 31.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / 2-е изд. стереотип. - М. : Прогресс, 1986.

Федорова А.Н. Вира как мера юридической ответственности в Древнерусском государстве // Вектор науки ТГУ. – 2009. - № 4. – С. 70 – 75.

Филин Ф.П. Образование языка восточных славян / Ф.П. Филин. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. - 294 с.

Флоря Б.Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII века / Б.Н. Флоря // Средневековая Русь. Вып. 8. – М. : Индрик, 2009. – С. 64 – 84.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. – М.- СПб. : Изд-во «Златоуст», 1995 – 704 с.

Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя / И.Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 372 с.

Фроянов И.Я. Начала русской истории : Избранное / И.Я. Фроянов. – М. : Издательский Дом «Парад», 2001. – 976 с.

Фроянов И.Я. Политический переворот 1068 г. В Киеве. / И.Я. Фроянов. Начала русской истории. Избранное – 2001 г. – с. 853 – 873.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1988. – 269 с.

Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия / И.Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во. С.-Петербургского ун-та, 1992. – 280 с.

Хабургаев Г.А. Становление русского языка : пособие по исторической грамматике / Г.А. Хабургаев. - М. : Высшая школа, 1980. – 192 с.

Халявин Н.В. Новгородские вечевые собрания в отечественной историографии новейшего времени // Вестник УдГУ. Серия «История». - 2005. - С. 3 – 25

Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков. // РА – 2004 - №4 – С. 100 – 108.

Чебышев – Дмитриев А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву / А.П. Чебышев-Дмитриев. - Казань: Тип. Имп. Каз. Ун-та, 1862. – 242 с.

Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. // ИЗ. Т. 56. – М., 1956. - С. 236.

Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // ИЗ. Т. 89. - М., 1972. С. 379.

Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / Л.В. Черепнин. – М. : Наука, 1969. – 438 с.

Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной собственности в XI – XV вв. // А.П. Новосильцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика) - М. : Наука, 1972. – С. 126 – 251.

Чернов С.Н. О смердах Руси XI – XIII вв. // Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 761- 777.

Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская.- 2-е изд. испр. и доп. - М. : Просвещение, 1971. – 542 с.

Шаскольский И.П. Этническая структура Новгородского государства / Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. ст. – Издательство «Наука». – М., 1978. – С. 32 – 39.

Шахматов А.А. История русского летописания / отв. ред. В.К. Зиборов, В.В. Яковлев. – СПб. : Наука, 2002. – 485 с.

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства / Е.А. Шинаков // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая ди-

намика. – СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2000. – С. 303 – 348.

Щавелев А.С. Съезд князей как политический институт Древней Руси / А.С. Щавелев // Древнейшие государства Восточной Европы : Политические институты Древней Руси. – М. : Восточная литература, 2006. – С. 268 – 278.

Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // ВИ. - 1970. - № 10. - С. 216 – 219.

Щапов Я.Н. О функциях общины в Древней Руси. // Общество и государство феодальной России. – М. : Наука, 1975. – С. 13 – 21.

Юшков С.В. К вопросу о смердах // Учен. зап. Саратовск. ун-та. Т. 1. Вып. 4. - 1923. - С. 47-56;

Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1949. – С. 543.

Юшков С.В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков. – М. : Госюриздат, 1950. – 380 с.

Янин В.Л. Новгородские посадники / В.Л. Янин. - М. : Изд-во МГУ, 1962. - 387 с.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). / В.Л. Янин. – М. : Наука, 1981. – 296 с.

Янин В.Л. Роль Новгорода в отечественной истории / В.Л. Янин // Социально-экономическое развитие России. – М. : Наука, 1986. – С. 27 – 38.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. - 1971. - №2. – С. 41 – 56.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту ... / В.Л. Янин. 3-е изд. испр. и доп. – М. : Языки русской школы, 1998. – 464 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

ВИ – Вопросы истории

ДКУ – Древнерусские княжеские уставы

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ИЗ – Исторические записки

ИЛ – Ипатьевская летопись

КП – Краткая Правда

ЛЛ – Лаврентьевская летопись

НПЛ – Новгородская первая летопись

НЧЛ – Новгородская четвертая летопись

ОГУ – Оренбургский государственный университет

ПВЛ – Повесть временных лет

ПП – Пространная Правда

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

РП – Русская Правда

СЭ – Советская этнография